

КРАСНАЯ

ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ДВАДЦАТЫЙ

КРАСНАЯ ГОРКА

ГЛАВНЫЕ ТЕМЫ НОМЕРА

300-ЛЕТИЕ НАЧАЛА
ПРОМЫШЛЕННОГО
ОСВОЕНИЯ КУЗБАССА

ИСТОРИЯ
ГОРОДА КЕМЕРОВО

ИСТОРИЯ КОПИКУЗА

К 100-ЛЕТИЮ АИК

ББК 63.3 (2Р-4кем)
УДК 908 (571)
К89

12 + «Красная Горка. Кемерово» №1 (20) 2019

При поддержке администрации города Кемерово

Учредитель и издатель: муниципальное автономное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»

Адрес редакции и издателя: 650044, Кемеровская область, г. Кемерово, ул. Красная Горка, д. 17, тел.: 8 (3842) 64-24-12.

E-mail: redhill-kemerovo@mail.ru

Печатное СМИ "Красная Горка. Кемерово"

Свидетельство: ПИ 12-1052 от 12.02.2002. Выдано Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Вояж»: 630048, Новосибирская область, г.Новосибирск, ул.Немировича-Данченко, д.104

Тираж 999 экз.

Дата выхода в свет: 25. 11. 2019г.

Заказ №3235811

Цена свободная

Главный редактор

Ю. В. Сергеев

Ответственный секретарь

Н. А. Шелепова

Редколлегия:

Е. Н. Бабкин, З. Ф. Волкова, И. В. Захарова,

Л. Ф. Кузнецова, И. В. Левина,

В. Е. Липатников И. Ю Усков

Дизайнер

Д. Ю. Сергеев

Корректор

Л. В. Алехина

ISBN 978-5-9908788-2-2

9 785990 878822

© «Музей-заповедник «Красная Горка», 2019

Памяти легендарного космонавта. стр. 6

ИСТОРИЯ ГОРОДА КЕМЕРОВО

Старожилы Щегловы. стр. 10

Подковный электротехнический завод. стр. 26

Несчастный случай на Кемеровском руднике. стр. 30

Город в городе. стр. 34

Жить стало лучше, жить стало веселее. стр. 44

ГРЭС. стр. 50

ИСТОРИЯ КОПИКУЗА

История Копикуза в памятниках. стр. 56

К 100-ЛЕТИЮ АИК «КУЗБАСС»

Влюбленная в СССР. стр. 68

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

Убитая мечта. стр. 78

ЗНАЙ НАШИХ

Николай Шемаров. стр. 90

Геннадий Гавин. стр. 96

КОЛЛЕКЦИЯ

Живи уроком. стр. 100

МУЗЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ

Фестиваль колбы. стр. 104

Гости музея. стр. 108

Музей для всех. стр. 110

Место встречи - «Красная Горка». стр. 112

Навстречу юбилею. стр. 114

Новый сайт музея. стр. 116

Наши авторы. стр. 120

Уважаемый читатель!

С большой радостью представляем двадцатый выпуск альманаха «Красная Горка». Невозможно до конца понять наш музей без этого сборника актуальных изысканий в области краеведения. Придуманый Геннадием Евлапиевичем Юровым, журнал менялся: появлялись и исчезали рубрики, переосмысливалось оформление... Приятно осознавать, что в итоге альманах стал единственным в своём роде изданием для широкого круга читателей.

Каждый выпуск «Красной Горки» — это совместное творчество многих людей. Благодарю авторов и всех, кто участвовал в подготовке альманаха, за покорение очередной вершины!

В нескольких словах познакомлю наших читателей с содержанием. По традиции в журнале выделены разделы, связанные с историей города Кемерово, Кемеровского рудника и событийный блок о музейной жизни в прошедшем году. Особенно гордился тем, что некоторые материалы, эксклюзивные фотографии и документы публикуются впервые. Так, специально для альманаха переведены на русский язык главы из книги Ханса Олинка «Убитая мечта: три нидерландских идеалиста в советской России».

Главная тема этого выпуска — подготовка к важному событию в жизни региона. После одобрения Президентом РФ инициативы губернатора Сергея Цивилева мы начали отсчет времени до знаменательной даты — 300-летия начала промышленного освоения Кузбасса. Хотя название «Кузнецкий угольный бассейн» закрепилось гораздо позже, событие 1721 года, безусловно, — отправная точка в становлении крупнейшего угольного месторождения мира. И нет больше в городе такой достопримечательности, которая бы сравнилась по исторической значимости с Горелой горой — Крас-

ной горкой. Музей является хранителем наследия первого градообразующего предприятия — Кемеровского рудника, Акционерного общества «Копикуз» и Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», заложивших каркас индустриального развития нашего края. Безусловно, Красная горка станет одним из центров празднования 300-летия Кузбасса.

Подготовительная работа к 2021 году ведётся в разных направлениях. Упомяну о тех, что не отражены в материалах этого номера альманаха.

31 мая в преддверии дня рождения города мы открыли новую выставку «Кемерово — столица Кузбасса». В центре внимания этого проекта — преобразование глухой деревни в главный город крупного угледобывающего региона.

Новыми автобусными экскурсиями пополнилась копилка просветительских проектов музея. «Кемерово. Трансформация» посвящена связи поколений горожан и истории кемеровских достопримечательностей. Кроме того, это наш первый опыт театрализованной экскурсии.

«Едем в театр» — экскурсия по закулисам кемеровских театров.

«Забойная экскурсия» по шахтёрским достопримечательностям города впервые состоялась в День шахтёра и оказалась очень востребована у молодых кемеровчан.

Ежегодно наш музей выступает инициатором экологических акций на территории достопримечательного места Красная горка.

18 апреля, в Международный день памятников и исторических мест, акция объединила более 200 человек. К сотрудникам «Красной Горки» присоединились коллективы учреждений культуры и спорта, молодежные активисты, школьники, студенты и волонтеры во всех районах города. Все, кто хочет сделать город лучше, перешли от слов к делу. Кемеровчане привели в порядок около 20 городских памятников и арт-объектов — очистили их и прилегающую территорию от мусора. С каждым годом увеличивается число активных горожан, принимающих участие накануне Дня шахтера в нашей акции «Берег нашей памяти».

Многое ещё у нас в планах — интересные выставки, конференции, экскурсии.

Начинается работа над следующим выпуском альманаха. Мы ждем новых авторов, у которых есть, что сказать об истории города.

*Наталья Шелепова,
директор музея-заповедника «Красная Горка»*

Redhill-kemerovo@mail.ru
Facebook: redhillkemerovo1991
VKontakte: redhillkemerovo

ОН ВЫШЕЛ В ОТКРЫТЫЙ КОСМОС В ТРЕТИЙ РАЗ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ ТАМ НАВСЕГДА

11 октября 2019 года не стало нашего земляка – легендарного космонавта Леонова Алексея Архиповича. Рожденный в Кузбассе, свои первые шаги он сделал здесь, на нашей земле. Талантливый художник, великолепный летчик, отважный космонавт...

Открытый, душевный и совсем не звездный, несмотря на космическую популярность – таким запомнился нам Алексей Архипович. Он любил бывать на малой родине, не раз посещал «Красную Горку». Передал музею в дар личные вещи и профессиональные принадлежности, много рассказывал о достижениях отечественной космонавтики.

Алексей Архипович гордился Кузбассом, а мы гордились... и продолжаем гордиться им. Он вышел в открытый космос в третий раз, чтобы остаться там навсегда. Прощайте, наш добрый гений. Мы скорбим со всеми, кто остался на земле, и видим яркий свет новой звезды, что родилась во Вселенной.

Эти снимки сделаны 25 августа 2011 года, когда гостем музея-заповедника «Красная Горка» был дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Алексей Архипович Леонов.

Интереснейший собеседник, человек удивительной судьбы впервые побывал в нашем музее и узнал об удивительных исторических событиях, которые происходили в историческом центре Кемерово в начале прошлого века.

Дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов на Красной Горке

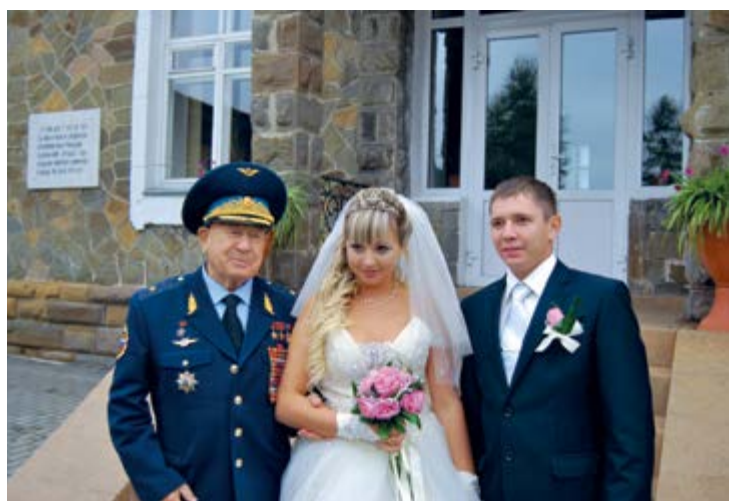

Фото из архива музея

СТАРОЖИЛЫ ЩЕГЛОВЫ

Щеглов Г.В. с селянами на сенокосе. 1910-е годы

Продолжая рубрику «Устная история», предлагаем вашему вниманию запись беседы с Иваном Гавриловичем Щегловым, хранящуюся в фондах Кемеровского областного краеведческого музея, и материалы, связанные с историей этой ветви династии Щегловых.

14 лет прошло с момента выхода в свет книги «Щегловы: историко-генеалогическое

исследование». Документальной основой для книги послужили материалы первых ревизских сказок (переписей) Верхотомского острога, собранные Игорем Юрьевичем Усковым при написании кандидатской диссертации. Среди населенных пунктов Верхотомского острога значилась деревня Щеглова (позднее переименованная в Красноярскую). А толчком для работы

над книгой послужила выставка в областном краеведческом музее «От заимки до города», где планировался раздел по Щегловым – родословная семьи Щегловых с начала до середины XVIII века и материалы из фондов музея. Нам не хватало материалов для персонализации этой темы, но мы знали «по данным паспортно-визовой службы УВД Кемеровской области, что сегодня в Кемерове проживают 703 человека (326 мужчин и 377 женщин от 18 до 90 лет), носящих эту фамилию. С учетом детей и подростков это число увеличивается до 800» [1. с. 127]. В ходе подготовки выставки удалось найти потомков и новые материалы. Л. Д. Лаукайтене передала в музей документы, фотографии, вещи своего отца Дмитрия Семеновича и его братьев, потомков Евлампия Агафоновича, двоюродного брата Василия Гавриловича. Пока работала выставка, в музей пришли еще несколько потомков и среди них И. К. Желудева, внучка Ефросиньи Гавриловны. Она рассказала семейное предание о том, что прапрадед Василий был женат на турчанке, он привез ее с войны. До конца жизни она так и не научилась хорошо говорить по-русски. Никто не помнит, венчались ли они. Сведения о Василии Гавриловиче в поколенной росписи скудные – нет точной даты рождения – 1828, но есть запись о его браке с Ефросиньей Николаевной Бородиной из деревни Ягунова 15.07.1849 [2. с. 68]. Можно предположить, что призванный на военную службу во время Крымской войны 1853-1856 гг. Василий Гаврилович познакомился с девушкой из Турции и так влюбился, что, презрев общественное осуждение, привез ее в свою деревню [3, 123]. Это семейное предание подтверждено Е. Ю. Фоминой, внучкой Вассы Гавриловны. Живет она в Тюмени, но о Кемерове пишет с теплотой. Свои воспоминания о том, что рассказывала бабушка, и историю своей семьи Елена Юрьевна прислала на конкурс «Народный проект «Наш Кузбасс», посвященный 70-летию Кемеровской области, который проводился областной администрацией в 2012-2013 годах. Целью конкурса было издание научно-популярной книги под тем же названием, но, к сожалению, все ограничилось награждением победителей. Работа Е. Ю. Фоминой «Наследники славной династии Щегловых» продолжает тему истории рода Щегловых. Автор бережно хранит в памяти рассказы

бабушки Вассы Гавриловны и причисляет себя и свою семью к этой династии. Предлагаем ее вашему вниманию.

Книга «Щегловы: историко-генеалогическое исследование» стала библиографической редкостью. На обложке фотография «Домика Щегловых», последнее из сохранившихся к 1968 году строений родовой усадьбы Василия Гавриловича. После смерти отца здесь жил его сын Гавриил Васильевич. В подворных списках с. Усть-Искитимского 1900 года здесь проживало 7 человек, в хозяйстве было 12 лошадей, 7 коров, 10 голов мелкого скота, засевалось 7 десятин (1 десятина – 1,092 га) [2,72]. В семье было четверо детей. Старшей Феоктисте было 9 лет, Алексею – 6 лет, Вассе – 4 года, Таисье – 3 года. Ефросинья родилась в мае 1900 года. Хозяйство по тем временам зажиточное. Последним хозяином этой усадьбы был Иван Гаврилович, проживший в ней всю жизнь.

В 1950-60-е годы активно застраивался центр города, сносили деревянные, старые постройки, возводились многоэтажные каменные здания. В это же время общественность города и средства массовой информации проявляли большой интерес к истории города и сохранению исторических построек. В областном краеведческом музее сохранился текст телепередачи 1968 года о «Домике Щегловых».

История семьи Василия Гавриловича Щеглова показана в ретроспективе. Это дает возможность посмотреть, как менялся образ жизни семьи и облик центра города Кемерово с начала XX века до 1960-х годов.

Литература

1. Кузнецова Л. Ф. «Выставка «От заимки до города» (страницы истории города Кемерово) С. 124-129 // Балибаловские чтения. Материалы второй научно-практической конференции // Издательство «Притомское». Кемерово. 2001..142 с.
2. Кузнецова Л. Ф., Усков И. Ю. Щегловы: историко-генеалогическое исследование. Кемерово. 2005. ООО «Скиф». 161 с.
3. Кузнецова Л. Ф., Усков И. Ю. Династия первопоселенцев Щегловых. С. 122-130 //Огни Кузбасса, 2004. № 2//. «Кузбассвуиздат. 172 с.

БЕСЕДА СО ЩЕГЛОВЫМ ИВАНОМ ГАВРИЛОВИЧЕМ, ПРОЖИВАЮЩИМ В Г. КЕМЕРОВО, 2-Й БУЙСКИЙ ПЕРЕУЛОК, ДОМ № 4.

Иван Гаврилович — сын Гаврилы Васильевича Щеглова и внук Василия Щеглова, одного из основателей Щеглова. Село Щеглово несколько сот лет тому назад было небольшой заимкой одного из Щегловых, сосланного в Сибирь откуда-то из России. Основана заимка была приблизительно в 1721 году.

Дом, где живёт Иван Гаврилович, построен лет 150 тому назад. Построен был дедом Василием, который умер лет 50-ти, насадившись на мельнице у Люсуса.

У деда Василия было несколько детей: Григорий, Гаврила, Васса/вышла замуж в Мазурово за Михаила Шалева/.

У моего отца, Гаврилы Васильевича, было семеро детей: Феокиста/1892 г./, Алексей/1895 г./, погиб на германской войне, Васса/1897 г./, жива, адрес: г. Кемерово, Буйский пер., 20; Таисия/1899 г./, жива, адрес: Кемерово, Кировский район; Ефросинья/1900 г./, жива, адрес: Кемерово, ул. Радищева, 20, я/1904 г./, Сергей/1912 г./, жив, военный в отставке, живет в Волгограде.

У моего деда Григория было три сына: Михайло, Иван, Егор. Иван умер недавно, Егор погиб на германской войне. Михаил умер в годы Отечественной войны.

Был ещё Милентий Щеглов, отцу моему двоюродный брат, имел большую семью, 17 детей.

В 1910-12 годах село было еще совсем небольшое. Улицы: Николаевская, Глухая — теперешняя Набережная. С 1916-18 годов — Трудовая, Кузнецкая, Томская. Поскотина проходила полукругом, начиналась от Томи/возле теперешнего коммунального моста/, шла примерно

по теперешней Вокзальной улице, закруглялась, где дома «Искра», шла к Искитимке, там, где сейчас мост, продолжалась по горе за Искитимкой, примерно где сейчас новый базар по направлению к Сухово.

На левом берегу Искитимки, где сейчас мост, находилась мельница. Кто был ее первый хозяин — не помню. При Советской власти в 20-х годах её купили у этого хозяина Ипполитов, Дерягин и Ширяев Николай/мастер по пушнине/.

Еще была небольшая общественная мельница, находилась она за поскотиной, где сейчас военный городок. Помню, мальчиком лет 8-ми я был на этой мельнице с отцом, закрывалась она на щепку, без замка. Пользовались ею все сельчане.

Еще одна паровая мельница чуть позже или в то же время. Кто хозяин — не помню, но в каком-то году её покупал Балаганский и скоро тоже продал ее, кому не помню.

Была в селе церковь, где сейчас 41-я школа, окрашенная в голубовато-зеленоватый цвет. Ограда большая, сад. Попом, помню, был Кедрин/крупный, с небольшой бородкой, темно-русый, высокого роста, басил/. Жил рядом с церковью.

Кедрин погиб так: в 1919 году отступал он с белыми из Щеглова, спасаясь от красных, и замёрз.

Еще помню священника Золотницкого. Он преподавал у нас в школе закон божий. Высокого роста, темно-русый, злой. Жена его была учительницей уже при Советской власти.

Был еще священник Введенский Павел Петрович из села Пачи, сын псаломщика. Его

1918 год.
Таисья, Васса,
Феоктиста Щегловы

1910-е.
Семья Щеглова Г.В

старший брат Александр Петрович был патриархом всея Руси.

В 1905 году его исключали из семинарии в Петрограде за революционную деятельность. В 1905-1908 годах он жил в Паче, потом уехал в Борисово, был священником примерно до 1921-го года, уехал в Томск, а затем в Москву. Снова стал патриархом всея Руси. В годы Отечественной войны проявил себя патриотом, имел награду от правительства.

В Щеглово был еще один брат — Вячеслав Введенский, бывший офицер, пел в хоре, руководил драмкружком. Вячеслав — блондин, высокий, красивый.

Школа — трехклассное училище, стояла на берегу Искитимки/сейчас Советский проспект, д. №/.

Состояла из трех классов, училось в ней в мое время 100 детей. Помню учителей — Вагин Алексей Семенович, офицер в запасе. Его жена, Ольга Яковлевна — учительница. В германскую Алексей Семенович был взят на фронт/погиб там/. Появились после него две учительницы — Мария Яковлевна и Наталья Матвеевна, всего было 4 учителя: 3 учительницы и Нарцисс Нарциссович, молодой учитель.

Изучались предметы: грамматика, чистописание, арифметика, церковно-славянский, читали церковное писание. Особо стоял закон божий/изучали сотворение мира, учили святцы, молитвы/. Вел закон божий поп Золотницкий.

Каждое воскресенье водили нас в церковь.

Мы собирались в школу, шли в церковь строем. Там молились по заученным молитвам. Посещение церкви считалось обязательным, если не придешь — будешь наказан. Не ходили мы в церковь только по большим праздникам, когда было много народу.

Отмечали мы в школе и праздники — Рождество, Пасху и т.д. На Новый год устраивали елки, раздавали подарки.

Каникул у нас, таких как сейчас бывает, не было. Отдыхали по воскресеньям и по святым праздникам. Учились от света до света в одну смену. Обеденный перерыв длился час.

Перед началом каждого учебного дня мы выстраивались все в одном из классов на молитву. Продолжалась она минут 10-15. Читали молитвы — «Царю небесному», «Отче наш». Молитву проводили учителя. Затем мы садились за парты по классам. Было две перемены по 10 минут до обеда и две после него.

Учебный год начинался первого сентября и заканчивался во второй половине мая. Экзамены сдавали только в первом классе. Крестьянским детям разрешалось раньше заканчивать учебу весной, так как им надо было помогать родителям на пашне.

Я проучился все три года, закончил трехклассное училище, получил об этом свидетельство. Меня отправили, как способного ученика, учиться в Томск, но я не мог поехать: надо было работать в хозяйстве.

Через несколько лет, в 1919 году, продолжил образование в Щеглово, где открылась смешанная гимназия. Она только была созда-

Дети В.Г. Щеглова

Ефросинья, Васса Гавриловны, 1920-е гг.

на, помещалась в доме Чуфарова/где сейчас военкомат/.

1 ноября мы начали учиться, но проучились всего три месяца. В декабре перед восстановлением советской власти во время отступления колчаковцев гимназия была расформирована. Принимали в гимназию учеников с хорошими оценками и по рекомендации священника.

Никаких культурчреждений не было в селе: ни клуба, ни кино постоянного. Но драмкружок был, руководил им Вячеслав Введенский. Выступали в доме Чуфарова.

Молодежь часто устраивала зимой вечерки за Искитимкой у Гудилиных.

Луг был любимым местом отдыха летом. Находился он на берегу Томи/примерно там, где сейчас прокуратура/. На пасху ставили здесь качели деревянные на козлах. Водили на лугу хоронд. Игры разные устраивали: мяч-лапта, городки, «лунки» и др. Боролись, соревнуясь по улицам, перетягивали канат, устраивали бега.

Были у нас свои гармонисты: Плотников Павел/очень красивый парень/, сын крестьянина. Мать его — повитуха Пелагея Ферапонтовна, кажется, одинокая. Был брат у Павла — Серапион.

Хорошим гармонистом был также Дюков Григорий Иосифович/молодой парень, сын сапожника и сам сапожник/. Играл он замечательно. Приглашали его на свадьбы, праздники разные. Гармонь он имел однорядную тальянку.

Третий гармонист — часовых дел мастер, не помню имя. Праздновали масленицу, катались в кошевках и коробах с бубенцами. Бега устраивали/от Плешков до Комиссарова/.

В это время уже строился завод, появились рабочие. Но сельская молодежь не дружила с заводскими. Часто драки даже были.

Томь была судоходная, все время курсировали пароходы в Томск и Кузнецк. Помню названия пароходов: «Смелый» — пассажирский, «Дедушка» — буксирный, «Китай» и другие. Остров был тогда большой, заросший орешником, боярышником, черемухой. Ловили рыбы много в Томи и Искитимке.

Вокруг села — березовая роща росла, боярышник, черемуха. Лес начинался сразу за покотиной. Лес и грива. Помню свадьбы: Егора Григорьевича Щеглова, Александра Балаганского.

Мои сверстники. Я дружил с Самсоновым Михаилом Ефимовичем, сыном объездчика Самсонова Ефима Ивановича. Сейчас Самсонов Михаил Ефимович работает в Кемеровской областной прокуратуре. Мохов Михаил/1905 г. рож./. Жил во флигеле дома Малахова. Отец его был подрядчиком, в 1917 году его выбрали головой Щегловска. Мохов купил дом Малахова, который проторговался. До этого Мохов Михаил работал у Ефремова Алексея Никитича. Дружками моими были Щеглов Афанасий, Волков Николай и др. 1961 г., Грякова.

«Домик Щегловых» и его история

В среде культурной общественности города в конце 1950-х, а особенно в 1960-х годах, наблюдался всплеск интереса к представителям старожильческой фамилии. Известный кемеровский фотограф-летописец П. Ф. Мельников в свое время сфотографировал деревянные дома семей Максима Ивановича и Василия Ивановича Щегловых постройки второй половины XIX века.

Среди снимков — фотография дома по переулку Буйских, 4, который называли «Домик Щегловых». В 1960-х годах в нем проживал Иван Гаврилович Щеглов (№ 522), 1904 г. рождения, ветеран коксохимического завода. Дом находился на территории проектируемого центрального парка культуры и отдыха и поэтому попадал под снос. В средствах массовой информации звучали призывы сохранить строение: «Было бы разумным оставить в память будущему поколению этот дом первых поселенцев, организовав в нем дом-музей крестьянской семьи». В 1968 г. по Кемеровскому телевидению был показан сюжет о доме.

Текст телепередачи «Наш город и мы», которую вела Галина Скударнова (в сокращении).

Главный вход пединститута, выходят студенты.

Ведущая: наши камеры поставлены сегодня

по соседству с Кемеровским педагогическим институтом.

Очередную передачу о нашем городе мы ведем сегодня отсюда, из этого далеко не самого лучшего уголка Кемерова. Почему? Да здесь была Щегловка, то самое начало, от которого пошел наш город.

На взгорке за рекой Искитимкой новые кварталы с первыми высотными домами. А здесь город словно бы прерывается. Огромный пустырь, с одной стороны которого здание пединститута, справа одиноко стоящий плавательный бассейн, прямо перед нами ветхие домишки.

Но пустырь образовался совсем недавно, еще летом была улица. О ней напоминают еще ряды тополей, по улице бегали ребяташки, а почтальон безошибочно находил адресатов. И адрес был солидный: Советский проспект... Правда, это была не та часть проспекта, к которому мы привыкли и которым гордимся. Здесь был проспект по названию, но не по сути. Узкий, с деревянными, наполовину вросшими в землю домишками. Как-то так получилось, что самая старая часть города долее других сопротивлялась бурному наступлению новых кварталов.

Если вы помните, в нашей первой передаче с площади Волкова мы обратились к телезри-

У дома Щегловых

телям с просьбой прислать старые фотографии, воспоминания.

На другой же день почта принесла письмо от товарища Куракина.

В письме читаем: «Я никогда не писал в подобные организации, но смысл моего письма таков. Живу я со своей бабушкой, и когда вы показали в своей передаче о нашем городе фото пятого поколения Щегловых, то все мы узнали и нашу бабушку/молодую/, и всех остальных на этом фото.

Бабушке 74 года, но, поглядев передачу, помолодела. Чувствуется, что она любит и хорошо знает свой город, в котором родилась и прожила жизнь.

Одним словом, вы не пожалеете, если познакомитесь с ней поближе, тем более, что это почти рядом с вами».

И вот мы в доме № 9 по проспекту Ленина. Встретила нас приветливая старушка. Познакомилась. Первым делом мы показали ей фотографию семьи Щегловых 1909 г., любезно предоставленную нам работниками областного краеведческого музея.

Васса Гавриловна, несмотря на свои года, сохранила хорошую память и завидную бодрость. Старушка рассматривает старое фото своей семьи, где она снята с матерью и сестрами.

Васса Гавриловна: — Это мама. А это брат, сейчас там живет. А это вот сестра, тоже живая. А эта вот умерла.

— А вы где?

— Вот я стою с краю, какая долговязая/смеется/.

— Сколько вам лет было?

— Или 11, или 12, вот так было.

— Вы в школу ходили тогда?

— Нет, нас не учили, потому что у нас у мамы было 15 человек детей. Мы уже с 8 лет работали, все делали в доме. Видите, какие платья, до полу... Сошьют одно платье, без штанов, без чулок. И для праздников, и для будней.

— Для праздника шили какие-нибудь?

— Редко, старенькие носили. Семья же большая была. Дети умирали, конечно, потому что они маленькие. Мама пойдет в поле, ребенка оставит, потом придет, грудью накормит, конечно, умрет ребенок. Работать приходилось много в то время.

— А как вы свободное время проводили?

— Ходили на Притомский участок, на берег, там играли, хороводы водили. Ходили по ягоды, по грибы. А вот здесь подымалась гора, тут же лес был, клубника там росла.

— Березовый лес?

— Да березовый лес. Там много опенок было.

— Мы видим еще одну фотографию вашей семьи.

— Это в поле мы.

— На сенокосе?

— Да, на сенокосе. Там уж мы работали в поле, большие были, вот брат сидит. Вот отец, держит собаку, любил собак, у нас всегда их две было. Это у озера было, как оно считалось — Суховское, что ли?

— Суховское.

— Туда он рыбу ловить ездил. Рыбы очень много было в этом озере: лини, караси.

Ведущая: — Дом за Искитимкой, где в благоустроенной квартире живет теперь Васса Гавриловна, стоит там, где когда-то были покосы семьи Щегловых. Проспект Ленина скоро подойдет и к озеру, где ее отец ловил карасей

и линей. Оттуда, с заискитимского взгорка, открывается вид на сегодняшний город.

А вот фотография 1930-х лет, таким наш город открывался перед глазами Щегловых, когда они, возвращаясь с покоса, выходили на опушку леса, что был тогда на месте теперешней заискитимской части города. Это снимок тех лет, сделанный неизвестным фотографом. Единственное приметное строение — церковь.

««Была в ухабах эта улица,
Куда ни бросишь взгляд,
Домишки низкие суются,
Ограды тесные
Пестрят...»

Здесь, на этой улице, которая тогда называлась Николаевской, прошла молодость Вассы Гавриловны. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Дмитрием Фоминым, родом он был из Самары. Случилось это как раз в революцию, которая круто изменила не только судьбу Щегловска, но и жизнь самих Щегловых.

Ведущая: — Шестому поколению был уготован тот же путь, какой прошли предыдущие пять поколений Щегловых. Безграмотное, бесправное существование, тяжелая, беспросветная работа, единственный смысл которой прокормиться, прокормить семью. Но шестое поколение родилось под счастливой советской звездой, и этим все сказано.

Старшая дочь Вассы Гавриловны закончила винодельческий институт, сын закончил техникум, работает на «Азоте» и учится в институте. А младшая дочь — медсестра, живет с семьей на шахте «Южная». Мы показали Вассе Гавриловне еще одну фотографию, тоже хранящуюся в музее — дом Щегловых.

— А вот этот дом посмотрите, узнаете?

— Узнаю, наш красавец!

— Сколько лет примерно ему?

— А кто его знает. Не знаю. Мы, помню, маленкие были, а он уже старым был. Много ему очень лет.

— А как внутри дома было?

— А там так считалось: это горница, это кухня, а это — сени. Табурет там, стулья, кровать.

— Русская печь была?

— Большая печь была, полати были еще, мы там спали.

Ведущая: — Самое забавное в этой истории то, что, имея в руках фотографию дома Щегловых и расспрашивая о нем, мы и не думали искать сам дом, казалось не подлежащим сомнению, раз фотография в музее, значит, самого

дома давно нет. Тем более, мы знали, как сильно за последние годы поредел остаток старого Щегловска. Представляете наше удивление, когда, расспрашивая старожилков о месте, где он стоял, мы вдруг буквально натолкнулись на него. Буйский переулок, дом 4. А в нем нашли Ивана Гавриловича Щеглова, того самого мальчика Ваню, который испуганно прижался к матери на снимке шестидесятилетней давности...

Иван Гаврилович более двух десятков лет отработал слесарем на коксохимическом заводе, неоднократно избирался депутатом райсовета. Вот уже десять лет как на пенсии. Теперь на коксохиме работает аппаратчик Владимир Щеглов — сын Ивана Гавриловича. Там же работает и муж дочери Валентины.

Ведущая: — Нам показалось вполне закономерным, что потомки основателя города трудятся на старейшем кемеровском предприятии, ведь даже их хлебопашец-дедушка участвовал в строительстве коксохима. Когда заканчивались сельхозработы: собран урожай, заготовлены дрова, вывезено сено, он нанимался вместе с лошастью на строительство завода. Подрабатывать извозом ему приходилось раньше — земля не могла полностью прокормить большую семью. Нанимался к купцам возить грузы. До революции самыми богатыми людьми в Щегловске были купцы. Самые лучшие дома были купеческие: Домрачева, Балаганского. Фотографии их домов сделаны позднее, уже нет того великолепия. Однако даже здесь они сильно выигрывают по сравнению, скажем, с домом, в котором помещалась школа, первая в Щегловске начальная школа. В ней учился Иван Гаврилович, единственный из большой семьи Щегловых.

«Главным предметом, — рассказывал Иван Гаврилович, — был закон божий, вел его весьма крутой на руку поп Золотницкий. Не хватало учителей, учеников, тетрадей».

Дом этот сломали совсем недавно, мимо него ежедневно бегал внук Ивана Гавриловича — Андрюшка. Но если бы ему сказали, что здесь была школа, он не поверил бы. В его представлении школа должна быть красивая, высокая, с большими окнами. Такая, в какой учится он.

В прошлой передаче мы задавали проходимый вопрос: когда Кемерово стал городом? Все почему-то называли 1932 год, т.е. год переименования Щегловска в Кемерово. В действительности же Щеглово стало городом в 1918 году.

Интересно, что незадолго до революции, когда «Копикуз» строил здесь коксохимический завод, в томской газете «Сибирская жизнь» промелькнуло такое сообщение: «Кто-то из граждан распустил слух, что Щеглово будет городом. Вряд ли это сбудется... Село Щеглово селом и останется».

Эта заметка отражала борьбу между хозяевами села и новосёлами-рабочими завода, которые много терпели, платя всевозможные сельские поборы, новоселы были вынуждены жить, как придется: жилье сдавали им в наем крестьяне. Рядом с домом Щегловых видно небольшое беленое строение. По свидетельству Ивана Гавриловича, Щегловы прежде всего поставляли эту избушку, а потом уже построили дом. Так вот, в этой халупе тоже жила семья рабочего коксохимзавода.

Ведущая: — Только после революции требование рабочих, требование жизни было удовлетворено. Но еще долго Щеглово по существу оставалось деревней. Иван Балибалов в своей книге «Кемерово» приводит воспоминания старожилы Красильникова: «В Щегловске жизнь текла по деревенскому обычаю. У каждого свой дом, свой огород, своя баня. На базар почти никто за продуктами не ходили. Открытие общественной бани было целым событием, горожане охотно ее осматривали, но мыться никто не решался, приходилось уговаривать...»

К этому времени подъехала машина с архитектором И. Б. Дягилевым

Скударнова: — Добрый вечер, Иннокентий Борисович! Спасибо, что вы приехали... Скоро исчезнут последние островки дореволюционного Щеглова, города, откуда мы ведем сегодняшнюю передачу, и вы нам очень можете помочь. Речь у нас о судьбе дома Щегловых и о будущем этого участка. Этот домик, такой непривлекательный на вид, для нас, кемеровчан, представляет большую ценность, ведь с него начинался наш город, поэтому понятно, что его судьба волнует многих. Надо как-то сохранить его для потомков, для истории, ведь пройдет несколько лет, не останется и следа от всех этих Заречных улиц, и этот уголок города будет похож на другие благоустроенные, асфальтовые, каменные.

Какое же принято окончательное решение, что будет с домом Щегловых, ведь семья Ивана Гавриловича уже получила ордер на новую квартиру?

Дягилев: — Конечно, этот домик решено со-

хранить, даже больше: восстановить его первоначальный внутренний вид/полати, русскую печь, сени/. Наш художник сделал эскизы, нам во многом помогли сами Щегловы, которые хорошо помнят все это.

Буквально на днях дом начнут разбирать. Мы его сфотографировали со всех сторон, чтобы легче его было восстановить потом, после окончания строительства здания филармонии. Дом Щегловых будет восстановлен и в нем буде открыт филиал областного краеведческого музея. Решено его оставить там же, где он был построен двести с лишним лет назад, т. е. в устье реки Искитимки.

Заканчивая передачу, хочется отметить, что нам приятно было убедиться, что кемеровчан интересует не только будущее родного города, но и его прошлое. После первой передачи мы получили много писем. Спасибо вам всем, дорогие товарищи, за вашу помощь, за фотографии, которые вы прислали. Мы их будем использовать в следующих наших передачах. Мы будем очень рады вашим новым письмам. Наш адрес: Кемерово, студия телевидения, для передачи «Наш город и мы».

К сожалению, проект музеефикации дома не реализован. Сам же дом разобрали, бревна сложили, а со временем они исчезли.

Опубликовано в книге Кузнецова Л. Ф., Усков И. Ю. Щегловы: историко-генеалогическое исследование. Кемерово. 2005. С. 36-42

Кемерово
1930-е гг.

НАСЛЕДНИКИ СЛАВНОЙ ДИНАСТИИ ЩЕГЛОВЫХ

*Васса Гавриловна
(10-ое поколение династии
Щегловых) и Дмитрий Иванович
Фомины в 1941 году*

Город Кемерово, город Щегловск, деревня Щегловка... Для меня названия этих населенных пунктов — не пустой звук, не просто имена собственные. Это — моя Земля Обетованная, моя Родина, где несколько веков назад мои предки — Щегловы — явились первопоселенцами этого края, то есть основателями будущего города Кемерово!

В 1665 году возник Верхотомский острог для отражения набегов кочевых народов. Одним из первых здесь поселилось семейство казака Михайла Щагла. В дальнейшем его потомки стали зваться Щегловыми. Михаил Щагол считается основателем рода Щегловых и представителем первого поколения нашей династии. А всего генеалогическое древо нашего рода с конца XVII века до наших дней насчитывает уже 14 поколений.

Я — внучка Вассы Гавриловны Щегловой (в замужестве — Фоминой). Она была представителем 10 поколения династии.

В этих строках я хотела бы поделиться историей своего знаменитого рода, а значит, рассказать о родных людях, продолжателях династии Щегловых. Свое повествование я хочу начать своими воспоминаниями о своей бабушке Вассе Гавриловне Фоминой — урожденной Щегловой (1896-1989 гг.).

В детстве мы с моей сестрой Олей очень любили слушать рассказы бабушки Вассы о ее

детстве, молодости, зрелых годах. Бабушка Васса происходила из старинного крестьянского рода Щегловых. Ее отец — Гавриил Васильевич — был зажиточный крестьянин, много работавший на благо своей семьи. Его жена, Марфа Ивановна Щеглова (в девичестве Гутова), родила 16 детей, многие из них умерли в младенчестве, в живых остались только семеро: сыновья — Иван, Сергей, Алексей и дочери — Васса, Таисья, Евфросинья и Феоктиста.

Семья Гавриила Васильевича и Марфы Ивановны была очень дружная и работающая. Все дети начинали работать с ранних лет и помогали взрослым. Работали, что называется, от зари до зари, что, конечно же, помогало жить достаточно зажиточно, ни в чем не нуждаясь.

Однажды я, возвращенная и воспитанная на коммунистических идеалах, спросила бабушку: «Вот вы были крестьяне, вас наверняка угнетали эксплуататоры, отбирая у вас последнее, и вы жили впроголодь?» На что мне бабушка с усмешкой ответила: «Да нет же, какая там эксплуатация! Нормально жили. Даже блины с икрой ели! У нас было большое хозяйство, коровы, лошади, птица. Голод мы узнали после... А до революции мы хорошо жили».

В 1917 году бабушка Васса вышла замуж за моего дедушку Дмитрия Ивановича Фомина. Дедушка был из купцов. Его семейство переселилось в Сибирь из Самарской губернии

в начале XX века. Возможно, это было связано с реформами Столыпина, когда многие российские семьи в поисках улучшения своего благосостояния стали переселяться в Сибирь, богатую лесом, пушниной, рыбой, природными залежами полезных ископаемых, возможностями возделывания огромных сибирских просторов и возведением крупных промышленных предприятий.

Интересна история замужества Вассы Гавриловны. Из всех сестер Щегловых Васса выделялась своей красотой и статью: высокая, дородная, белолицая, с красивыми волнистыми каштановыми волосами, заплетенными в толстую косу, она не могла не понравиться молодому вдовцу Дмитрию Ивановичу Фомину. Первая жена моего дедушки была из богатой семьи, но очень болезненная и все время страдала от какой-то хвори, которая и свела ее в скором времени в могилу. Детей у них с Дмитрием Ивановичем не было.

Тогда отец моего деда Иван Иванович Фомин решил женить сына на красивой, здоровой, крепкой, пусть и крестьянской девушке. Выбор его пал на девицу Вассу Щеглову, дочь Гавриила Васильевича — главы почтенного и уважаемого в Щегловске семейства. Однако сама Васса не хотела выходить замуж за вдовца Дмитрия Фомина, хотя он был молод и хорош собой. Ей по сердцу был другой — красивый да веселый малый. Она, было, заупрямилась, но характер ее отца был суров, да и не принято было в крестьянских семьях перечить родителям. Услышав, что его дочь не желает выходить замуж за богатого купца, Гавриил Васильевич намотал на руку косу дочери, отходил ее вожжами и отвел под венец. Так бабушка Васса стала женой моего дедушки Дмитрия Ивановича Фомина.

На брак Вассу благословляла ее бабушка. Как рассказывала Васса Гавриловна, ее бабушка была турчанка, кажется, ее звали Фатьма (или Фатыма). Дед Вассы Гавриловны — Василий Гаврилович Щеглов — участвовал в Крымской войне; вернувшись с войны на родину, он привез с собой «полоненную» юную красавицу-турчанку и, как гласит семейное предание, она была с красивыми волнистыми каштановыми волосами и зелеными глазами. Эта девушка вскоре стала матерью их детей. Но, как рассказывала Васса Гавриловна, ее бабушка, прожив в Сибири до глубокой старости, так и не научилась толком говорить по-русски.

Икона, которой благословляла на брак не-

весту Вассу ее бабушка (видимо, она приняла православие), до сих пор хранится в нашей семье. Этой же иконой бабушка Васса благословляла на замужество меня, а я — свою дочь Маргариту.

В браке у Вассы Гавриловны и Дмитрия Ивановича Фоминых родилось шестеро детей: три мальчика и три девочки, трое умерли (два мальчика и одна девочка), в живых остались трое — дочери Ольга и Тамара и сын Юрий — мой отец.

Бабушка с дедушкой прожили вместе душа в душу 55 лет до самой смерти дедушки Дмитрия Ивановича в 1972 году и очень любили друг друга. Когда бабушка начинала ворчать на деда за что-либо, тот начинал ее обнимать и говорил при этом следующие слова, которые мне очень запомнились, хотя я и была еще маленькой девочкой: «Вассочка, ну что ты так сердиться, не сердись, а то краса твоя ненаглядная раньше времени увянет!» Вот такая была любовь уже немолодых людей!

После революции дедушка Дмитрий Иванович работал продавцом и директором магазина. В годы Великой Отечественной войны дедушка был призван на фронт и воевал. Был награжден правительственными наградами за храбрость и отвагу. После войны он продолжал работать в торговле, а уйдя на пенсию до 75 лет работал рубщиком мяса на рынке. Дед был крепким, спортивным, в молодости он занимался борьбой. Его любовь к спорту и спортивный талант передались его сыну Юрию, который стал прославленным спортсменом — боксером.

Бабушка Васса занималась воспитанием детей и домашним хозяйством. В тяжелые голодные годы войны она пошла работать на военный завод, где делали снаряды. В тридцатые годы дедушка с бабушкой и детьми уезжали жить в Сочи, где они прожили несколько лет, но перед самой войной вернулись в Кемерово.

Дедушка с бабушкой жили очень скромно в маленькой избушке на том месте, где сейчас расположена Кемеровская филармония. Из окон их домика была видна школа № 41, в которой мы с сестрой учились. Дедушка как фронтовик получил квартиру только через 20 лет после окончания войны, да и то только после того, как их невестка Виктория Филипповна (моя мама) начала «бить во все колокола» и ходить по инстанциям, возмущенная тем, что заслуженный ветеран с женой, которая происходит из старинной династии основате-

лей города Кемерово, живут в ветхом, убогом домике, и дела до них никому нет. В 1965 году власти города, изучив предмет вопроса, все же приняли решение о выделении ветерану скромной однокомнатной квартиры.

В 1968 году внук Вассы Гавриловны — Игорь Петрович Куракин — написал письмо в Кемеровскую студию телевидения, в котором рассказал о своей бабушке Вассе — представительнице старинного рода Щегловых. После чего был подготовлен телесюжет о беседе диктора Кемеровской студии телевидения Галины Скударновой с Вассой Гавриловной.

Недалеко от дома дедушки и бабушки стоял дом брата Вассы Гавриловны — Ивана Гавриловича Щеглова. В городе этот дом называли «Домик Щегловых». Это был старинный дом из огромных бревен, а возраст этого строения к середине 60-х годов XX века насчитывал, наверное, уже два века. Бабушка рассказывала, что этот дом был старым уже тогда, когда она со своими братьями и сестрами были детьми. Дом был уникальным, и его предполагали отреставрировать, придав ему статус памятника. Однако в дальнейшем этот дом был снесен, как и многие другие. На его месте сейчас находится Кемеровская областная филармония.

Иван Гаврилович Щеглов был высоким, статным мужчиной, смуглым, черноволосым, в нем угадывались черты его турецких предков. Иван Гаврилович много лет отдал работе на Кемеровском коксохимическом заводе, являлся ветераном труда. Жена Ивана Гавриловича — Мария Александровна — много лет работала в 3-ей городской больнице г. Кемерово операционной сестрой вместе со знаменитым хирургом Д. Подгорбунским. В доме Ивана Гавриловича жила его мать — Марфа Ивановна (в девичестве — Гутова), моя прабабушка. Бабушка Марфа (так ее все называли) занималась целительством, лечила травами, настоями. Обладала определенным даром предвидения, являлась, как сейчас бы сказали, экстрасенсом.

11-е поколение рода Щегловых — дети Вассы Гавриловны и Дмитрия Ивановича: Ольга Дмитриевна (1918-1998 г.), Тамара Дмитриевна (1924-2010 г.), Юрий Дмитриевич (1932-1993 г.) получили хорошее образование, были уважаемыми и заслуженными людьми.

Мой отец Фомин Юрий Дмитриевич родился в 1932 году. Учась в Кемеровском горном техникуме, с 15-ти лет начал заниматься в секции бокса у знаменитого в то время в Кузбассе

тренера Л. В. Зобова и был одним из любимых его учеников. Отец дружил со своим тренером еще долгие годы уже после своего ухода из большого спорта.

После окончания техникума мой отец был призван в ряды Советской Армии, где прослужил четыре года. Все это время он как прекрасный боксер защищал честь своего военного округа на многочисленных спортивных соревнованиях. За спортивные достижения он неоднократно награждался командованием ценными подарками: именными часами, двуствольным охотничьим ружьем и др. За отличную военную службу и выдающиеся успехи в спорте Юрий Фомин был направлен командованием на учебу в Ленинградский военный институт вместе со своим лучшим другом, сослуживцем и товарищем по сборной Василием Михайловым. Оба спортсмена были зачислены в институт, однако военной карьере они предпочли дальнейшую спортивную жизнь и работу на «гражданке», потому самовольно вернулись в свою воинскую часть к неудовольствию командования, за что и были наказаны, отсидев несколько суток на «губе» (гауптвахте).

Демобилизовавшись, Юрий вернулся в Кемерово, где продолжил свою спортивную карьеру. В 50-ые годы XX века в Кемерово, пожалуй, не было спортсмена более известного, чем Юрий Фомин. На боксерские соревнования с его участием народ, как говорят, валом валил, чтобы посмотреть на своего любимца, поболеть за него. Многие повторяли кем-то сложенную шутовскую поговорку: «Юрий Дмитриевич Фомин был великий гражданин». Обаяние, красивая улыбка, доброта притягивали к нему людей. Юрий Дмитриевич очень дорожил своими друзьями, а в их числе были известные боксеры того времени: В. Михайлов, Г. Червов, Е. Червов, М. Посевкин, А. Пукель, он высоко ценил и своих противников по рингу, среди которых также было немало его друзей. Эту дружбу он пронес через годы.

Юрий Дмитриевич Фомин был неоднократным чемпионом Кузбасса, чемпионом Сибири и Дальнего Востока по боксу. Был призером многих чемпионатов разного уровня. Выступал в легком и среднем весе.

Закончив свою спортивную карьеру, отец не порвал со спортом: его часто приглашали судить спортивные состязания по боксу в качестве судьи или рефери на ринге.

Каждое утро отца начиналось пробеж-

*Фомин Юрий
Дмитриевич.
Кемерово.
1950-е годы*

кой по набережной реки Томи, физическими упражнениями, а заканчивались ледяным душем. Юрий Дмитриевич был также пропагандистом физкультуры и спорта среди жильцов своего двора. В 60-ые годы прошлого столетия наша семья проживала в доме № 7 по ул. Орджоникидзе в г. Кемерово. Именно в это время здесь началось массовое приобщение жителей дома к физкультуре и спорту. Организатором и поборником данного движения явился директор стадиона «Химик» Коробецкий А. Н., проживавший в нашем доме и возглавивший эту работу, приобщив к ней в первую очередь тех жильцов дома, которые были непосредственно связаны со спортом. Мой отец стал активным участником всех дворовых спортивных мероприятий.

Утро в нашем дворе начиналось с физзарядки. Вначале на нее выходили малочисленные жители дома, но с каждым днем ряды занимающихся росли. Во дворе были построены детские площадки, карусель, а также спортивная площадка для занятий игровыми видами спорта, были установлены столы для тенниса, шахмат и шашек, зимой здесь заливали каток. Во дворе часто проводились различные спортивные состязания между жителями подъездов дома, в которых принимали участие и взрослые, и детвора. Победители и участники получали подарки и грамоты. Теперь родители детей, проживающих в нашем доме, а также в близлежащих дворах, могли быть спокойны, так как знали: их чада не болтаются от безделья по подворотням, а увлеченно играют в теннис, футбол, волейбол, бадминтон, шахматы, шашки.

Зимой на ледовом поле устанавливалась красавица-елка, двор украшался красивыми разноцветными фонариками и флажками, устраивались ледовые маскарады, на которые выходили в разных костюмах родители с детьми, приходили люди со всей округи, играла музыка, выступали фигуристы.

Об этом дворовом спортивном движении не раз писали и кузбасские, и центральные газеты. В частности, в газете «Труд» в 1966 году была опубликована большая статья о передовом опыте работы в Кузбассе по пропаганде физкультуры и спорта, спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной работе по месту жительства.

В 1968 г. была опубликована брошюра А. Н. Коробецкого «А у нас во дворе», в которой автор — сам в прошлом разносторонний спортсмен — рассказывал, как он вместе с другими энтузиастами организовал работу, в результате которой многие жители дома № 7 по ул. Орджоникидзе г. Кемерово стали физкультурниками.

Юрий Дмитриевич Фомин окончил Кузбасский политехнический институт, факультет промышленного и гражданского строительства. Много лет работал на ПО «Химпром» начальником сектора генплана проектно-конструкторского бюро. Был отличным работником, неоднократно отмечался руководством предприятия за свой отличный труд и многочисленные рационализаторские предложения. Долгие годы был командиром добровольной народной дружины ПО «Химпром».

В 1956 году супругой Юрия Дмитриевича стала Виктория Филипповна Триполец — моя мама, которая, окончив в 1953 году медицинский институт в Самаре (бывший Куйбышев), была направлена по распределению в Кузбасс. Здесь мои родители и познакомились в августе 1956 года в День Шахтера. Поэтому этот праздник они всегда отмечали как семейный и профессиональный, ведь отец после окончания горного техникума получил профессию маркшейдера, а маме, будучи молодым вра-

Фомина Елена Юрьевна,
представитель 12-ого
поколения династии
Щегловых

Фомина
Ольга Юрьевна

чом, даже пришлось неоднократно спускаться с шахтерами в шахту.

Виктория Филипповна Фомина в числе первых врачей-психиатров Кемеровской области организовывала психиатрическую службу Кузбасса, 11 лет заведовала Кемеровским областным психоневрологическим диспансером, затем 36 лет являлась начальником клинико-биохимической лаборатории ИУ-5. Она — «Отличник здравоохранения». Награждена правительственными наградами. Ветеран труда и медицинской службы. Виктория Филипповна ушла на заслуженный отдых лишь в 78 лет! Ее врачебный стаж составляет более 55 лет! Немного найдется в Кузбассе врачей, имеющих такой огромный опыт работы и заслуги перед Кузбасским здравоохранением!

В настоящее время Фомина Виктория Филипповна проживает в г. Кемерово. [фото: Фомина Виктория Филипповна]

Кстати, девичья фамилия Виктории Филипповны — Триполец — своими корнями уходит в далекое прошлое, ее предки — представители древней династии Трипольцев, первое упоминание о которых встречается в летописях 1093 года в связи с битвой князя Святополка с половцами. В XII веке существовали князья Трипольские. Триполье в то время было окружено большими валами и служило передовым укреплением для защиты Киева от набегов половцев и других кочевых племен. По Андрусовскому договору 1667 года Триполье отошло России.

Название Триполье связано с местом его расположения в Украине: Триполье находится у слияния трех рек, где сходятся вместе три речных долины — «три поля». По другой версии

Триполье происходит от греческого «триполис» («три города») — по названию древнегреческой фактории, предположительно располагавшейся в этом месте.

В 1897 году киевский археолог Викентий Хвойка обнаружил в Поднепровье материальные остатки высокоразвитой археологической культуры, которая получила свое название по месту находки — Трипольская.

Некий загадочный пришлый народ, осев на этой территории пять тысяч лет назад, возвел здесь поразительные «Иерихоны» — города, в которых были построены высокие двух- и трехэтажные дома, выстроенные впритык один к другому и расположенные концентрическими кругами или овалами. Эти поселения, именуемые протогородами, занимали не меньшую площадь, чем современные крупные села или райцентры. Это были трипольские «мегаполисы».

Загадки этой древней цивилизации — ровесницы легендарной Атлантиды — ученые до сих пор пытаются разгадать! Из тех мест Украины и ведет свою родовую историю династия Трипольцев.

Такова история, связанная с моими предками по линии матери. Отец Виктории Филипповны — Филипп Федорович Триполец (1889-1979 гг.) — царский офицер, Георгиевский кавалер! Воювал на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, сражался с басмачами в Туркестане, прошел с боями всю Великую Отечественную войну. Вернувшись с фронта, уже в 60 лет получил второе высшее образование, закончив Финансово-экономический институт, до 75 лет работал ревизором в Самаре. Дедушка был очень музыкален, играл на скрипке и гитаре,

прекрасно пел. Был прекрасным танцором и даже преподавал одно время бальные танцы.

Мать моей мамы Зинаида Иосифовна Триполец (1900-1975 гг.) в 1917 году окончила императорское училище, была высокообразованной женщиной, знала иностранные языки. Всю жизнь она работала бухгалтером в НКВД. Она умерла в 1975 г. в городе Кемерово. Мы с моей сестрой Ольгой Юрьевной Фоминой — потомки династии Щегловых в 12-ом поколении. Мы — близнецы.

Ольга Юрьевна Фомина окончила Кемеровский государственный медицинский институт, педиатрический факультет. После окончания института по распределению три года работала в Яйской районной больнице врачом-педиатром. Почти 30 лет она работает врачом-педиатром в городе Кемерово. Ольга Юрьевна также имеет специализацию врача-гомеопата. Она стоит у истоков образования и внедрения гомеопатии в Кемеровской области. Неоднократно принимала участие в различных международных конференциях и форумах по гомеопатии в Москве и Санкт-Петербурге. Ее статьи печатались в журналах по гомеопатии. Ольгу Юрьевну неоднократно приглашали работать на кафедру гомеопатии в Новосибирский государственный медицинский институт, но она, являясь патриотом Кузбасской земли, осталась работать в Кемерово. За успехи в работе имеет поощрения.]

Я, Фомина Елена Юрьевна, окончив в 1980 году Кемеровский государственный университет, по распределению три года работала преподавателем немецкого и английского языков в Щегловской средней школе Кемеровского района Кемеровской области. Затем преподавала в школах № 48 и № 4 г. Кемерово, Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности.

В 1984 году поступила на службу в органы внутренних дел г. Кемерово. Более 8 лет была инспектором по делам несовершеннолетних Центрального РОВД г. Кемерово. За эти годы не один раз обошла пешком весь Центральный район нашего города, побывала во многих семьях: и благополучных, а чаще неблагополучных, провела множество бесед с трудными подростками и их родителями. Проводила лекции в школах и средних профессиональных учебных заведениях, выступала по вопросам воспитания подростков перед взрослыми на промыш-

ленных предприятиях и учреждениях нашего города.

Много лет работала также в милиции общественной безопасности ГУВД Кемеровской области: была дознавателем, инспектором Отдела по борьбе с правонарушениями на потребительском рынке ГУВД Кемеровской области. Затем являлась секретарем научно-практической секции в ГУВД Тюменской области, занималась научной деятельностью, была заместителем редактора сборника «Вестник ГУВД Тюменской области».

Работала заместителем начальника Центра оперативно-розыскной информации Криминальной милиции ГУВД Тюменской области, являлась также помощником начальника Криминальной милиции ГУВД по Тюменской области.

Подполковник милиции. Награждена медалями «За отличие в службе» I, II и III степени, Почетными грамотами министра МВД РФ и ВНИИ МВД РФ. Ветеран МВД РФ. Выйдя в отставку в 2009 году, некоторое время работала в Управлении Судебного Департамента Тюменской области. В настоящее время работаю преподавателем немецкого языка в Тюменском государственном нефтегазовом университете.

Моя дочь — Маргарита Юрьевна Нестеренко (в девичестве Фомина) — представительница 13-ого поколения династии Щегловых. У Маргариты два высших образования (филологическое и психологическое, Кемеровский государственный университет). Она открыла частный детский сад в г. Кемерово и с удовольствием работает с маленькими детками. У нее две дочери: Виктория — 9 лет, она учится в гимназии № 21, и Лилия — 3 года.

Виктория и Лилия — представители уже 14-ого поколения династии Щегловых! [фото: Маргарита, Виктория, Лилия представляют уже 13-ое и 14-ое поколения династии Щегловых]

Все мы — потомки древнего славного рода Щегловых, большие и маленькие, гордимся своими предками, своими прапрадедами, прадедами, дедами, своими прекрасными родителями, родными, детьми, которые так много сделали во Славу и на Благо нашей любимой Кузнецкой земли, которые все свои силы, знания, умения и опыт отдавали и отдают нашим людям, нашему городу, который был основан моими незабвенными предками!

СТАРЫЙ КЕМЕРОВО

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп. 52. Д. 207. Л. 1. Карьерный комплекс, 1920-е годы.

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп. 1 нег. Д. 45. Л. 1. Митинг на КХЗ, посвященный выдаче первого конса, 1924г.

«ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЗАВОД»

Лучшая
хозрасчетная
бригада
шипного цеха.
1932г.

В одном из цехов ЗАО «ЗЭТА»

В наше время в Кемерове на местах бывших заводов расположились торговые и бизнес-центры. Один из них «Бизнес-центр ЗЭТА» находится в самом центре города, на улице 50 лет Октября. Раньше здесь находился электротехнический завод ЗЭТА, утюги и электроплиты которого пользовались большим спросом в советское время. После ликвидации завода документы и материалы заводского музея были переданы в фонды музея «Красная Горка».

История завода оказалась очень необычной. Самым удивительным было то, что первой продукцией Кемеровского электротехнического завода были подковы. Появился подковный завод в Кемерове во время Великой Отечественной войны в числе многих эвакуированных предприятий. Но история его начиналась еще в конце XIX века в Санкт-Петербурге.

ЗАВОД ПОССЕЛЯ

Эмиль Людвигович Посселя, сенатор немецкого города Любек, имел фирму «L. Possehl & Co.», специализировавшуюся на торговле железом и каменным углем. В 1887 году он основал в Виленской губернии России фирму по производству кос и гвоздей, производившую запатентованные подковные гвозди.

Чтобы укрепиться на необъятном российском рынке, Посселя приобрел в 1899 г. у своего конкурента, гвардии поручика барона Павла Павловича фон Дервиза, современный по тем временам подковный завод. Это был единственный завод такого профиля в Петербурге, производивший подковы, винтовые шипы, подковные гвозди и ковочные инструменты.

После этого приобретения Э.Л. Посселя ликвидировал свое предприятие, а оборудование и рабочих перевел на названный им «Подковный и Гвоздильный завод Э.Л. Посселя». Он расширил производство, построив машинное отделение, котельную и новый каменный склад, где размещалась центральная лаборатория измерительной техники. Завод работал на импортном сырье из Швеции. Продукция Посселя была представлена на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде и на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. В 1910 г. завод вошел в состав учрежденного акционерного общества и получил название «Подковный и Гвоздильный

завод Русского Акционерного Общества заводов Посселя в С.-Петербурге». Подковный, гвоздильный и шипный цеха в месяц выпускали до 350 тысяч подков, до 20 тысяч конноподковных гвоздей марки «Глобус» и до двух тысяч гвоздей марки «Подкова», винтовые шипы трех типов и ковочные инструменты.

В 1914 году, с началом первой мировой войны, подковный завод перешел на выпуск продукции по заказам Военно-промышленного комитета. В это время на заводе работало 1400 человек. Наряду с другими оборонными предприятиями Петрограда он входил в военно-промышленную группу крупнейшего в России Русско-Азиатского банка.

В начале 1915 года завод Посселя отказался от военного подряда на 60 миллионов шипов под предлогом отсутствия материалов и нехватки заводских помещений. Вследствие этого завод Посселя был конфискован вместе с другими предприятиями группы, не справившимися с военными заказами. В 1916 году имущество Русского Акционерного Общества заводов Посселя в Петрограде перешло в казну и было передано Главному интендантскому управлению Военного Министерства, нуждавшемуся в подковах для снабжения действующей армии. Управление возобновило деятельность завода под названием «Петроградский военно-подковный завод», расширило производство, увеличило оборудование подковного цеха с 7 до 15 серий и выработку подков с 350 тысяч до 1250 тысяч в месяц. Количество рабочих было доведено до 3,5 тысячи человек.

*Завод Посселя
для производства
патентованных
подковных
гвоздей и кос*

ЗАВОД «КРАСНЫЙ МЕТАЛЛИСТ»

После революции завод был национализирован под названием «Народно-подковный завод». В связи с гражданской войной и политическими обстоятельствам того времени в течение 6 лет завод бездействовал.

Испытывая острую нужду в производстве подков для Красной армии, Главное военное-хозяйственное управление РККА в 1923 году запустило подковный и гвоздильный цеха «Военно-подковного завода». Кроме того, в целях развития единственного в стране производства подковного гвоздя была временно воспрещена выдача лицензий на ввоз из-за границы так называемого шведского гвоздя.

С 1927 года на заводе начался выпуск винтовых шипов для подков, а на базе механического цеха было организовано производство подъемно-транспортного оборудования. В 1929 году в связи с реорганизацией «Военно-подковный завод» был переименован в Государственный завод металлических изделий и транспортных сооружений «Красный металлист».

Но самый необычный поворот в истории завода произошел, когда в стране начались работы по сооружению московского метро. В 1934 г. заводу было поручено изготовление 18 эскалаторов (высотой 20-30 м) для 1-й линии Московского метрополитена. До начала войны производство эскалаторов стало основным профилем завода.

КЕМЕРОВСКИЙ ВОЕННО-ПОДКОВНЫЙ ЗАВОД № 1

В начале Великой Отечественной войны ленинградские заводы перешли на выпуск оборонной продукции. «Красный металлист» начал выпускать мины, гранаты, переделывать в боевые учебные винтовки и пулемёты.

С 11 июля 1941 года по распоряжению Государственного Комитета Оборона началась эвакуация из Ленинграда промышленных предприятий. 8 сентября 1941 года была прервана сухопутная связь с городом, и с этого времени сообщение поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру. Но и в этих условиях эвакуация предприятий продолжалась и к октябрю 1942 года была завершена.

В сентябре 1942 года из Ленинграда был эвакуирован завод «Красный металлист». Его оборудование вывезли в три разных места: цепное производство — в Москву на завод «Металлист», подъемно-транспортное производство — в поселок Перово Московской области, подковное производство отправили в сибирский город Кемерово.

Из Ленинграда вышло два эшелона станков, оборудования и личного состава подковного цеха. Один за другим 5 и 15 ноября 1942 года прибыли эшелоны на станцию Кемерово. Из Ленинграда прибыли вместе с оборудованием всего 28 человек. Для организации в Кемерово подковного производства приехал начальник цеха Николай Алексеевич Алексеев, имевший пятидесятилетний стаж работы на заводе «Красный металлист». Днем и ночью на лютном морозе без подсобных механизмов шла разгрузка станков и оборудования. В качестве транспорта руководством аэропорта был выделен единственный трактор.

Оборудование разместили на крайне ограниченной территории школы № 30 и рабфака, которые перед войной были переданы в ведение Сибирского Военного округа. Кроме этих зданий на площадке находилась еще конюшня артиллерийского дивизиона и частные дома. Подковный цех смонтировали в бывшей конюшне, гвоздильный цех — в помещении школы, шиповой, инструментальный цеха и заводоуправление — в помещении бывшего рабфака. Позже построили газогенераторную станцию, тесовое помещение для термического и травильного отделения, подстанцию, помещение для тарного цеха и конюшню на восемь лошадей.

Постановлением Военного совета Сибирского Военного Округа № 72 от 18 ноября 1942 года был создан Кемеровский военно-подковный завод № 1 Наркомата обороны СССР. Главной трудностью нового завода было отсутствие ведущих кадров: наладчиков, мастеров, технологов, конструкторов. Персонал пришлось набирать путем мобилизации трудящихся в Топкинском, Юргинском и Мариинском районах в уже созданной Кемеровской области. Сформированный трудовой коллектив в составе 320 человек работал в исключительно тяжелых условиях. Оборудование было старым, средствами механизации цеха завода не располагали, все делалось вручную, даже металл подавался толкателями в печи вручную.

Передняя.

Зав

Но сотрудники завода делали все, чтобы в кратчайший срок выдать продукцию фронту. Подковы для лошадей изготавливались со сменными вкручивающимися шипами заводским способом на механических станках. На каждой подкове ставили клеймо завода, номер подковы (всего существовало 10 номеров) и указание, на какие ноги она предназначалась (П — передние или З — задние). Усилия коллектива увенчались успехом: 1 мая 1943 г. была отправлена на фронт первая партия подков, шипов к ним и гвоздей Кемеровского военно-подковного завода № 1. С этого времени и до конца войны тонны продукции регулярно шли в действующую армию.

Огромное оборонное значение завода определялось ролью лошади в той войне. Боевой опыт заставил уже в ходе войны резко увеличить численность конницы — если 22 июня 1941 года в Красной армии насчитывалось 13 кавалерийских дивизий и 116 тысяч конных бойцов, то к весне 1943 года число кавалерийских дивизий было увеличено до 26 и в них воевало почти четверть миллиона кавалеристов. Все крупнейшие наступательные операции проводились с использованием кавалерии.

Но роль лошади только этим не ограничивалась. Лошадь в годы войны заменила советским солдатам отсутствующие бронетранспортёры и автомобили-внедорожники. На лошадях перевозили артиллерийские орудия и минометы, имущество подразделений связи, саперных, химических и др. Конные повозки были основным транспортом и в полковом тылу. На них доставляли продовольствие, боеприпасы и другое имущество. Нельзя не упомянуть и о полевых кухнях на конной тяге, которые всюду сопровождали войска, чтобы накормить бойцов горячей пищей. Специальные санитарные повозки были и у полковых медиков, на них везли укладки с медикаментами, инструментарием и другим имуществом полковых лазаретов, эвакуировали в тыл раненых. Всего за время войны в армию было мобилизовано свыше 3 миллионов лошадей. Можно сказать, что лошадь в буквальном смысле слова вытянула на себе ту войну.

Кемеровский военно-подковный завод № 1 стал главным поставщиком подков практически для всей кавалерии Красной армии и сыграл большую роль в ходе войны.

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЗАВОД

После войны по распоряжению Совета Министров СССР № 5027 от 3 мая 1947 г. Военно-подковный завод был передан из Министерства Вооруженных сил СССР Министерству местной промышленности СССР под названием Кемеровский подковный завод ММП СССР. Впервые после войны завод возобновил поставки подковных изделий для сельского хозяйства страны.

Кроме этого, не имея специального оборудования, завод успешно выполнил специальное задание по производству водонапорных баков.

В дальнейшем с заводом произошло множество реорганизаций различным министерствам и ведомствам, изменений профиля производства:

- 1957 год — преобразован в Кемеровский метизный завод Главного управления промышленности металлоизделий Министерства местной промышленности РСФСР;

- 1965 год — реорганизован в Кемеровский электротехнический завод Главного управления по производству низковольтной аппаратуры (Главэлектроаппарат) Министерства электротехнической промышленности. Подковное производство этим предприятием было частично списано, а оставшееся в 1974 году было передано в Облместпром Горьковской области для вновь построенного цеха по производству подков, шипов и гвоздей в поселке Ямново;

- 1991 год — преобразован в акционерное общество «ЗЭТА» (завод электротехнической аппаратуры), имеющее в своей структуре штамповочное, гальваническое, литейно-прессовое, сборочное производства и инструментальный цех. Функции: изготовление электроутогов, магнитных пускателей, электроплиток, переключателей мощности;

- 2004 год — ЗАО «ЗЭТА» признано несостоятельным и введено конкурсное производство. Оборудование завода было вывезено на предприятие «ТОКЕМ», где в настоящее время действует предприятие ООО ПО «ЗЭТА», специализирующееся на производстве электротехнической продукции.

В 2004 году проводился архитектурный конкурс по проектированию жилого района на территории бывшего завода ЗЭТА. Но район до сих пор не застроен. В опустевших корпусах бывшего завода размещен «Бизнес-центр «ЗЭТА».

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ 1932 ГОДА НА КЕМЕРОВСКОМ РУДНИКЕ: СВЕДЕНИЯ ИЗ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Памятник
В. В. Майору
и В. Я. Ванину
(фото 1999 года)

Многим кемеровчанам известен памятник, находящийся в правобережной части города недалеко от пересечения улиц Суворова и Мариинской. Надпись на памятнике гласит, что он установлен ударникам В.В. Майору и В.Я. Ванину, 31 марта 1932 года в час дня на рабочем посту погибшим от удара током напряжением 3300 вольт.

Некоторые факты, связанные с биографиями этих людей и обстоятельствами их гибели, уже получили освещение в периодической печати, на различных новостных и справочных сайтах. В публикациях последних лет приводятся сведения, восходящие преимущественно к заметке, помещенной в газете «Кузбасс» от 2 апреля 1932 года (заметка делится на несколько частей, подготовленных разными авторами).

Основная часть текста заметки посвящена биографии одного из погибших — Виктора Майора. Отмечается, что он родился в 1906 году, с конца 1924 года работал на электростанции в Щегловске в качестве ученика кочегара, подручного электрика, дежурного по станции, в 1926 году поступил на работу в качестве электромонтера на завод, действовавший в Гурьевске, а с 1927 года трудился на Кемеровском руднике, причем в 1929 году был выдвинут на заведование электрическим хозяйством шахт рудника. В заметке В.В. Майор характеризуется как ответственный работник, ударник, сыгравший немалую роль в развитии шахтного электрического хозяйства. Утверждается, что только благодаря его настойчивости были своевременно проведены необходимые работы по электрификации шахты «Пионер».

В состав заметки вошло сообщение прокурора города, которое содержит конкретные сведения об обстоятельствах несчастного случая. Говорится, что В.В. Майор и В.Я. Ванин погибли возле трансформаторной будки лесозавода в связи с поражением электрическим током при ремонте высоковольтной линии электропередачи. Приводятся должность В.В. Майора (заведующий электроцехом шахты «Центральная»), имя и отчество В.Я. Ванина (Василий Яковлевич). В качестве виновника несчастного случая указывается помощник заведующего электроцехом шахты Павел Чижов, который, не проверив, ведется ли на линии ремонт, по телефону разрешил электростан-

ции химзавода пустить ток на рудник. Отмечается, что виновному предъявлено обвинение по 111-й и 133-й статьям Уголовного кодекса РСФСР, а уже 3 апреля материалы будут переданы в суд.

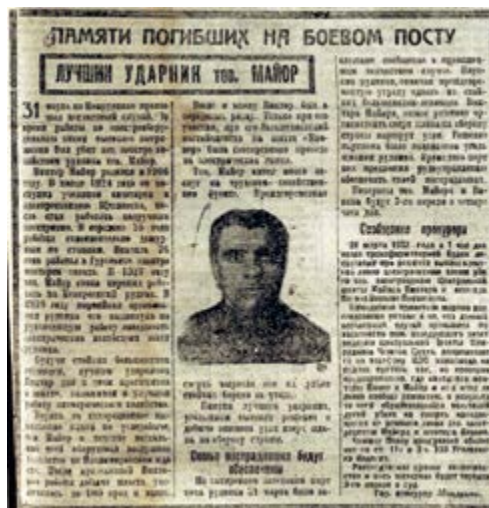
В газете также говорится, что в день гибели В.В. Майора и В.Я. Ванина, 31 марта 1932 года, состоялось экстренное заседание парткома рудника; партком постановил организовать добычу эшелона угля на нужды обороны страны сверх установленного плана и предложил рудоуправлению оказать помощь семьям погибших. Сообщается, что похороны В.В. Майора и В.Я. Ванина состоялись 3 апреля в 4 часа дня.

К числу источников, которые способны помочь в получении дополнительной информации об обстоятельствах несчастного случая, виновнике аварии, биографиях погибших, установке и дальнейшей судьбе памятника, относятся архивные документы. В фондах Государственного архива Кемеровской области пока не выявлены документы, имеющие непосредственное отношение к несчастному случаю, но обнаружен ряд материалов

об одном из погибших и о человеке, на которого была возложена вина за случившееся.

Например, в фонде Кемеровской городской контрольной комиссии ВКП (б) отложилось дело, в 1930 году заведенное на В.В. Майора. В одних документах дела он фигурирует как Виктор, в других — как Вячеслав. Отчество во всех случаях указывается одно и то же — Вячеславович. Несмотря на расхождения в имени, другие обстоятельства (указания на место работы, а также вопросы, которым посвящены документы) свидетельствуют о том, что материалы дела касаются одного и того же человека и что именно этот человек погиб в результате несчастного случая, произошедшего в 1932 году.

Документы дела позволяют установить следующее. В 1930 году в соответствии с постановлением (от 2 марта) «механической ячейки»,

Заметка в газете «Кузбасс» от 2 апреля 1932 года

входившей в состав партийной организации шахты «Центральная», В.В. Майор стал кандидатом в члены ВКП (б). Но уже месяц спустя, 2 апреля 1930 года, на собрании этой же ячейки отмечались факты, крайне невыгодные для В.В. Майора: он не просто скрыл, что его тесть является кулаком, лишенным избирательного права, но еще и якобы прятал у себя часть его имущества (граммофон, сепаратор, письменный стол, выделанные кожи). В итоге собрание постановило исключить В.В. Майора из кандидатов в члены ВКП (б), снять его с работы и просить соответствующие органы о привлечении В.В. Майора к судебной ответственности. 8 мая 1930 года исключить В.В. Майора из кандидатов в члены партии постановило бюро парторганизации шахты.

Однако процедура исключения В.В. Майора из кандидатов в члены ВКП (б) так и не была доведена до конца: протокол заседания партколлекции Щегловской городской контрольной комиссии ВКП (б) от 25 сентября 1930 года свидетельствует о том, что постановление по делу В.В. Майора было пересмотрено и он был восстановлен в кандидатах в члены партии. Пересмотр постановления нижестоящих инстанций объяснялся тем, что отношения с тестем В.В. Майор разорвал, а факт сокрытия им вещей тестя не был установлен судом.

В фонде партийной организации шахты «Центральная» обнаружен документ с упоминанием В.В. Майора, изданный менее чем за месяц до несчастного случая, — протокол заседания бюро партийной ячейки электромастерской шахты «Центральная» от 9 марта 1932 года. Выступая на указанном заседании, В.В. Майор отмечал, что один из его подчиненных, Трофимов, отказывается выполнять работу электрика, поскольку занимает иную должность — монтера. Бюро ячейки за допущенное неповиновение со стороны подчиненного объявило В.В. Майору выговор, предложило ему немедленно уволить Трофимова и в кратчайшие сроки созвать производственное совещание электриков.

В фондах Государственного архива Кемеровской области наряду с документами о самом В.В. Майоре обнаружены документы о его вероятной сестре, Ядвиге Вячеславовне Майор, в частности, дело за 1940 год о ее приеме в члены ВКП (б) и личное дело за 1943-1945 годы, заведенное на нее как на номенклатурного

работника. Документы позволяют установить, что Ядвига Вячеславовна родилась в 1911 году, в 1920 году вместе с семьей переехала в Щегловск, во второй половине 1920-х годов работала в ряде учреждений Кузнецкого округа, в 1936 году окончила Кемеровский горный техникум, в дальнейшем трудилась в системе начального профессионального образования. Отсутствие ряда сведений о погибшем В.В. Майоре (например, месте рождения и родителях) пока не позволяет однозначно подтвердить или опровергнуть его родство с Ядвигой Вячеславовной Майор.

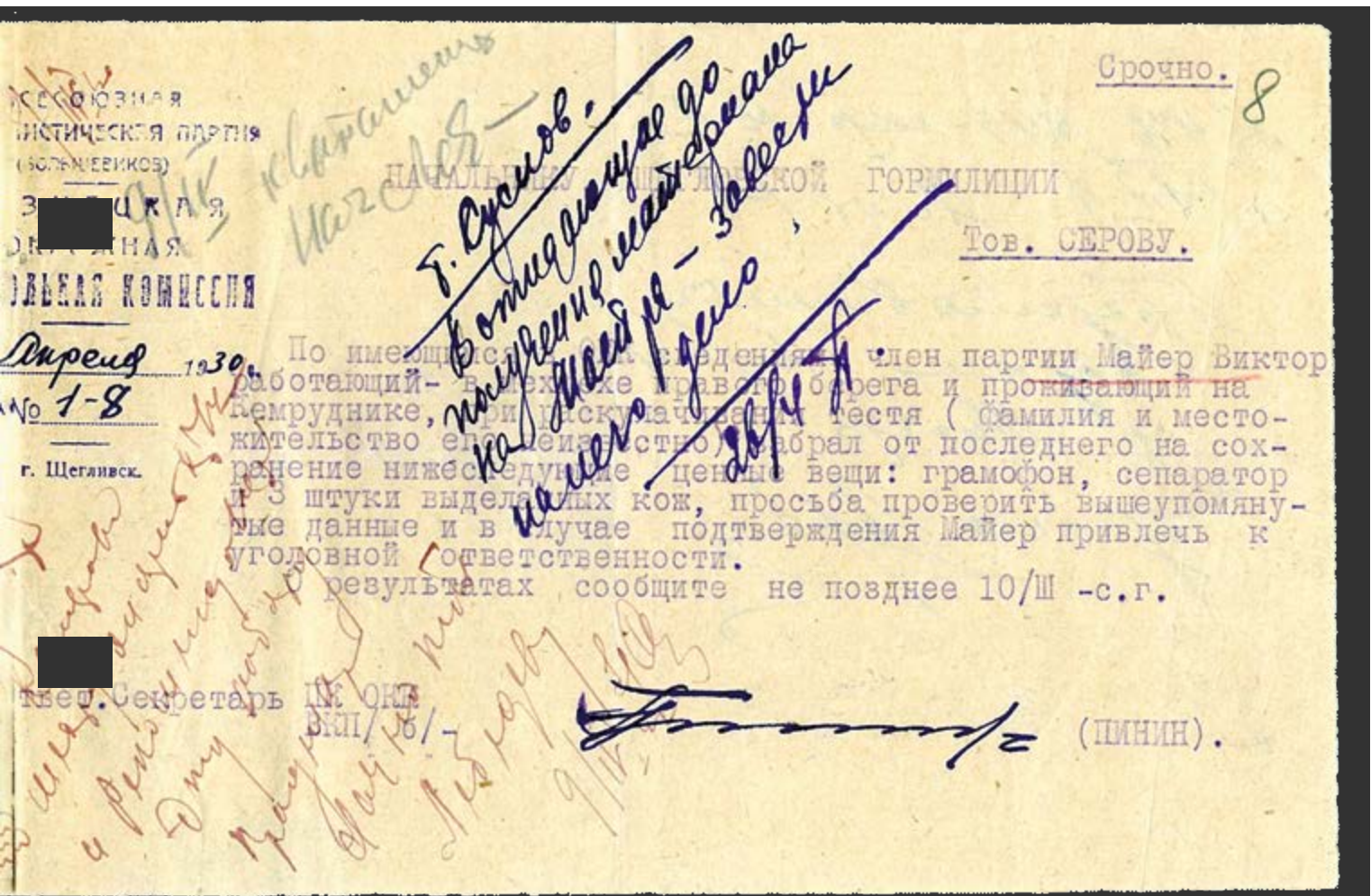
Среди дел о приеме в члены партии, хранящихся в Государственном архиве Кемеровской области, имеется и дело лица, признанного виновником несчастного случая, — Павла Николаевича Чижова. Материалы дела относятся к ноябрю 1942 года. Работа с документами дела позволяет установить некоторые факты биографии П.Н. Чижова. Родился он в 1910 году в Томске. В 1916 году семья обосновалась на Кемеровском руднике. В 1925 году П.Н. Чижов окончил школу-семилетку и поступил в школу фабрично-заводского ученичества при химзаводе. Был учеником электрика, киномехаником, курьером. В 1929-1934 годах трудился на шахте «Центральная» в качестве электрика, в 1934-1935 годах — на шахте «Пионер» в качестве механика участка, с 1935 года — на шахте «Северная» в качестве мастера электроцеха. Согласно материалам дела, в 1932 году за халатное отношение к служебным обязанностям (по всей видимости, речь идет о допущении несчастного случая, произошедшего 31 марта 1932 года) народный суд приговорил П.Н. Чижова к 10 месяцам принудительных работ. Позднее, в 1935 году, П.Н. Чижов за попытку сокрытия своей судимости (при поступлении в военное учебное заведение) был приговорен к году принудительных работ. В октябре 1938 года по постановлению парторганизации шахты «Северная» стал кандидатом в члены ВКП (б), в ноябре 1942 года этой же парторганизацией был принят в члены партии.

Значительная часть приведенных выше сведений о П.Н. Чижове присутствует и в документе от 19 июня 1934 года — протоколе заседания комиссии по чистке рядов ВКП (б) при шахте «Центральная» (чистку П.Н. Чижов прошел успешно). В данном протоколе и деле о приеме в партию совпадают фамилия,

имя и отчество, год рождения, места рождения, жительства и работы П. Н. Чижова. При этом протокол содержит и некоторые расхождения с материалами дела о приеме П. Н. Чижова в члены партии: в протоколе указано, что кандидатом в члены ВКП (б) П. Н. Чижов стал уже в 1932 году, а его первая судимость относится к 1931 году. Расхождение дат первой судимости можно объяснить ошибкой в обнаруженном протоколе, а разница времени приема в кандидаты в члены партии, возможно, связана с тем, что в период с 1934 по 1938 годы П. Н. Чижов был исключен из кандидатов в члены партии, из-за чего в дальнейшем ему пришлось повторно проходить процедуру приема (исключение из кандидатов в члены партии могло быть вызвано второй судимостью, приходящейся на 1935 год).

Многие вопросы, так или иначе связанные с несчастным случаем, произошедшим 31

марта 1932 года, по-прежнему остаются открытыми. Не удастся установить хотя бы основные факты биографии В. Я. Ванина, имеются противоречия в сведениях о В. В. Майоре и П. Н. Чижове. Слова «ударники», «погибшие» и фамилии самих погибших приведены на памятнике в именительном падеже, и данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что памятник установлен именно на месте погребения В. В. Майора и В. Я. Ванина, однако документы 1930-х годов, прямо указывающие на то, что под памятником имеется захоронение, не обнаружены. Не найдены какие-либо документы следственных или судебных органов, касающиеся обстоятельств несчастного случая, установления и наказания виновного лица. Автор надеется, что старожилы города, ветераны, просто неравнодушные люди, владеющие той или иной информацией, откликнутся и помогут в проведении дальнейших поисков.

Документ из персонального дела В.В. Майора

ГОРОД В ГОРОДЕ

РОЖДЕНИЕ КИРОВСКОГО РАЙОНА

Публикация продолжает цикл статей,
посвященных архитектуре и градостроительству
Кемерово 1910 – 1930-х годов.

*Проект постоянного
жилого посёлка
для работников
правобережного
химкомбината.
Перспектива.
Гипроспецхим
(Москва),
Кемеровопроект.
1934.*

В первой половине 1930-х гг. на фоне изменений социально-политического климата в стране, вызванного быстро укрепляющейся административно-командной системой, произошла резкая переориентация идеологической и художественной направленности советской архитектуры. Предпосылки к построению централизованной системы руководства архитектурной и проектной деятельностью создавались государством с конца 1920-х годов. Проводилась постепенная ликвидация частной архитектурной практики, объединение всех действующих архитекторов в государственных проектных организациях, укрупнение и размежевание деятельности (узкой специализации) этих организаций. Завершением этой политики стало создание в 1932 году Союза советских архитекторов.

С этого времени стилевая направленность советской архитектуры определялась не логикой внутреннего профессионального развития, а директивными указаниями руководящих органов. Авангардный стиль 1920-х подвергся жесткой критике, был провозглашён переход к «критическому освоению классического наследия», что привело впоследствии к созданию советского неоклассического стиля, называемого также «сталинским ампиром».

В 1932 году Щегловск был переименован в Кемерово¹. В связи с грандиозными планами второй пятилетки по созданию второй угольно-металлургической базы страны, город становился центром крупнейшего промышленного района. Строительство нового города требовало колоссальных капиталовложений. В докладе архитектора Г. А. Андропова в декабре 1933 года по эскизному проекту планировки Кемерово говорилось: «Одноэтажный, деревянный, с вероятно широкими пыльными лишенными всякой растительности немощеными улицами, ... Щегловск-Кемерово, случайно расположенный по отношению к комбинатам город-деревня, где на душу населения, по данным 1933 года, приходилось 2,6 кв. м. жилплощади, с общим числом жителей в 120 тыс. чел. (по обоим берегам). Вот та база, на основе которой было суждено приступить к работе по созданию большого Кемерово с населением 330000 чел., [...] превышающего по своим размерам наиболее известные промышленные центры Урала и Сибири (ср [авните]: Магнитогорск — 200 тыс., Кузнецк-Сталинск — 240 тыс.) [1]

С этого времени идёт речь о строительстве Большого Кемерово, а значит, о необходимости нового, более масштабного проекта планировки, учитывающего форсированное создание новых предприятий тяжёлой промышленности и военно-промышленного комплекса. После разгромной критики проектов Эрнста Мая и изгнания иностранных специалистов из СССР [2] планировка города вновь была передана советским проектировщикам. До начала войны разными организациями Москвы и Новосибирска было выполнено еще несколько проектов.

В 1932-1933 годах по заданию Наркомата тяжелой промышленности московским Промстройпроектом² под руководством инженера

А. С. Вайнцвайга была составлена схема районной планировки (рис. 69-72). В ней впервые предусматривалось строительство города на обоих берегах Томи и охватывался весь комплекс вопросов, связанных с организацией городской территории.

Рассматривалось шесть вариантов схемы планировки. Утвержденный в 1933 году вариант предусматривал город на 550 тысяч жителей, расположенный по обоим берегам Томи (150 тысяч на правом и 400 тысяч на левом берегу). Запроектированные предприятия угольной, химической и металлообрабатывающей промышленности располагались на трёх промышленных площадках также на обоих берегах. Схема селитебной территории разрабатывалась Стандартгорпроект³ (архитекторы А. С. Смолицкий, Л. М. Букалова).

Однако после утверждения схемы в Наркомате тяжелой промышленности планирующими органами в очередной раз были пересмотрены состав и мощности основных промышленных предприятий Кемеровского промышленного района. Это обстоятельство снова потребовало переработки планировки, хотя схема распределения территории была принята за основу при разработке последующих проектов⁴.

Новая генеральная схема планировки Кемерово выполнена в 1935-36 гг. новосибирским отделением Горстройпроекта⁵ (руководитель и автор проекта — инженер-архитектор И. И. Соколов-Добрев). Предлагавшийся вариант планировки объединял планировочные структуры, уже сложившиеся к тому времени в ходе частичной реализации двух предыдущих городских планов (плана Парамонова и плана Мая). Как показало будущее развитие города, эта схема с расчетным населением 450 тысяч жителей оказалась наиболее реалистичной и в планировочном отношении, и в отношении предвидения перспективной численности населения. Именно по этой схеме в Кемерово велось капитальное строительство в довоенный период.

Начиная с 1933 года промышленное и гражданское строительство в Кемерово осуществлял Кемеровокомбинатстрой (ККС) — Го-

1 Постановление ЦИК СССР от 27 марта 1932 г.

2 Всесоюзный государственный трест строительного проектирования промышленных предприятий и сооружений черной и цветной металлургии и машиностроения. Создан в 1932 г. в ведении Наркомтяжпрома.

3 Государственный трест по проектированию городов ВСНХ СССР. Создан 1.09.1931 г.

4 Планировка промышленных районов / под ред. А. С. Вайнцвайга. НКТП СССР. 1934.

5 Государственный трест по проектированию городов ВСНХ СССР. Создан 8.10.1933 г. путем объединения Стандартгорпроекта и Вузстройпроекта.

сударственное управление по строительству Кемеровских промышленных предприятий⁶. В состав ККС входил Кемеровопроект (Кемпроект) — первая самостоятельная проектная организации города, образованная летом 1933 года по инициативе начальника Кемеровокомбинатстроя Б. О. Норкина. Начав работу с коллективом из 15 человек, уже через год, в 1934 году, Кемпроект превратился в достаточно крупную для строек проектную организацию — 200 специалистов [3]. Директором Кемпроекта был назначен Ю. Н. Зинюк, главным архитектором — В. Р. Цабель, начальником архитектурно-строительного отдела — А. Г. Андронов, конструкторского — В. И. Садилов, санитарно-технического — А. Н. Марусейцев, сметного — В. И. Музейник.

В Кемпроекте работали московские архитекторы (В. Р. Цабель, А. Г. Андронов, Н. Н. Текутов, Д. Ф. Зезин), выпускники строительных институтов Харькова (А. А. Полянский, Л. И. Донбай, П. Кушнарёв) и Новосибирска (будущий главный архитектор Новосибирска С. П. Скобликов, И. С. Солдатов и другие).

⁶ ККС входил в систему Главного строительства промышленности Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) на правах треста. Осуществлял все оперативно-хозяйственное и техническое руководство строительствами, входящими в его систему, на началах хозрасчёта. Реорганизован в левобережный подрядный трест «Кемеровопроект» приказом НКТП от 25.11.1937 г.

Проект аварийного посёлка для строителей правобережного химкомбината. Кемеровопроект. 1933.

На основании принятой генеральной схемы планировки архитекторами Кемпроекта разрабатывались проекты объектов как жилищно-коммунального, так и промышленного строительства. К проектированию промышленных предприятий были привлечены проектные организации Москвы, Ленинграда, Харькова. Часто специалисты, приехавшие на технические конференции для обсуждения вопросов проектирования промузла, проникались энтузиазмом первопроходцев и оставались на постоянную работу.

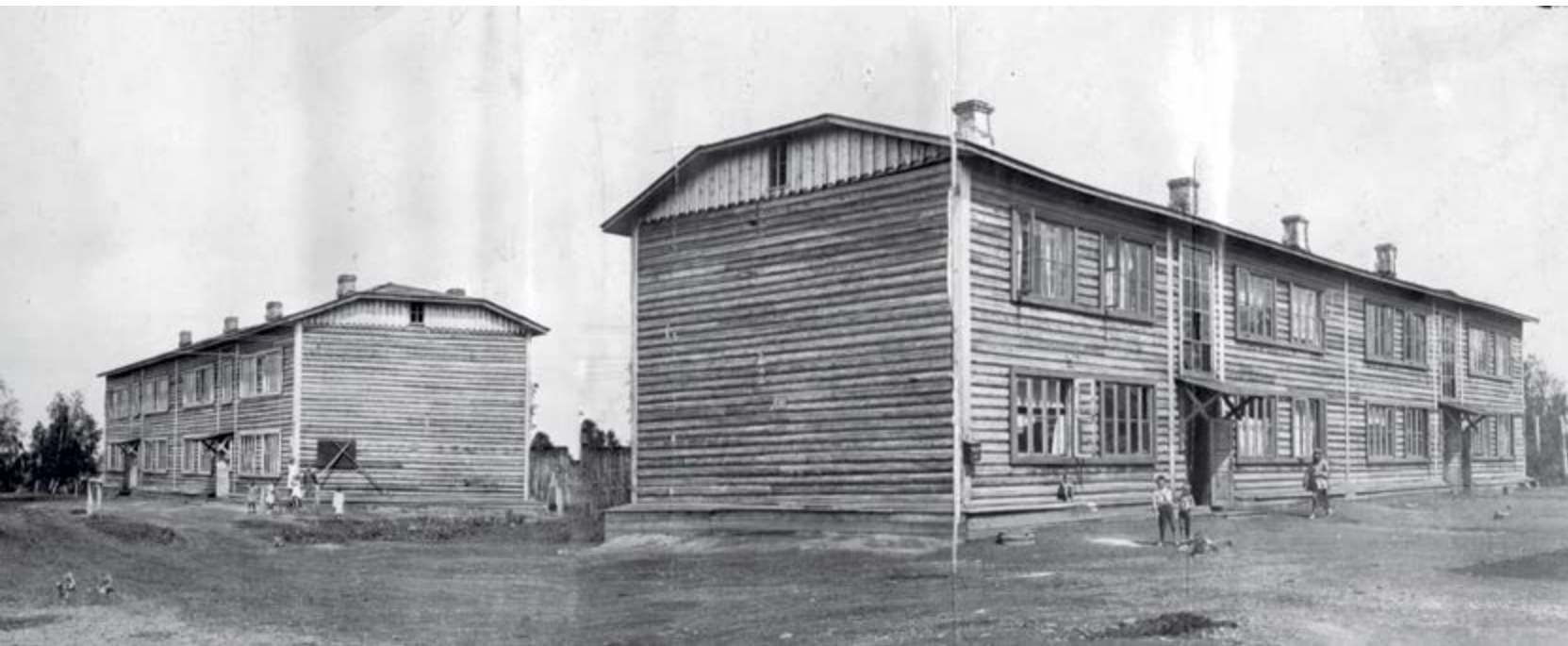
Перед проектировщиками стояли сложные задачи: увязать строительство селитебных территорий будущего города с промышленными площадками, учесть розу ветров, разработать схемы транспортного сообщения, водопровода, канализации. Решение этих задач в условиях отсутствия в стране опыта промышленного развития социалистических городов было сопряжено с большими трудностями.

В первую очередь требовалось обеспечение транспортом и строительство шоссейных дорог. Уже летом 1933 года была замощена и расширена Советская улица, строились дороги на правый берег, Азотстрой, в район Металлплощадки, где планировалось строительство металлургического завода. В 1934 году в Кемерове появился автотранспорт [4].

Развёрнулось строительство целого ряда кирпичных, фибролитовых, известковых заводов, разработка каменных карьеров, лесозаготовительных участков, что позволило почти полностью обеспечить стройки местными строительными материалами.

Кемеровокомбинатстрой с 1933 года вёл параллельное строительство как на левом, так и на правом берегу реки Томь. В структуре комбината были созданы два подразделения Управления жилищно-коммунального строительства — левобережный и правобережный

*Стандартные
жилые дома
правобережного
жилкомстроя.
Фотография
1933 г.*

Жилкомстрой (ЖКС), которые вели жилую застройку для размещения рабочей силы предприятий, расположенных на противоположных берегах. Самыми значительными промышленными объектами середины 1930-х годов были коксохимзавод, кемеровская ГРЭС и правобережный химический комбинат, крупнейшее предприятие оборонной промышленности.

26 ноября 1931 года вышло постановление Совета Труда и Оборона о строительстве в районе порохового комбината (комбинат № 392, в будущем — завод «Прогресс»). Для выбора наиболее подходящей площадки для строительства химкомбината исследованию подверглась площадка площадью около 50 квадратных километров. Кроме изучения грунтов в задачу входило также изучение подземных вод для водоснабжения будущего комбината [5]. По результатам исследования 26 мая 1933 г. под строительство была отведена удаленная на 10-12 километров от города площадка на правом берегу вниз по течению реки Томь, на месте деревни Евсеево, насчитывавшей 100 крестьянских дворов. Строительство комбината началось 31 августа 1933 года, первая партия пороха была выпущена 14 апреля 1940 г. [6]

Одновременно восточнее комбината велось строительство жилого поселка, который позже получил название «Строитель». Проектно-планировочные работы проводились гене-

ральным проектировщиком комбината № 392 институтом Гипроспецхим⁷ (г. Москва), проектированием отдельных зданий и сооружений занимался Кемеровопроект [7], строительство велось левобережным ЖКС.

В 1933 году жилищное строительство началось с «аварийного» (временного) поселка для расселения 10 тысяч строительных рабочих, состоявшего из каркасно-засыпных одноэтажных барачков. В поселке были построены столовая, клуб строителей, осенью 1933 года в первом двухэтажном фибролитовом бараке была открыта начальная школа. В период 1934-35 гг. в березовой роще были построены двухэтажные рубленые дома для ИТР и дачный поселок для ИТР, врачей и учителей. В одном из барачков были открыты первые ясли, в двухэтажном бараке — первая больница с тремя отделениями на 40 коек. Строятся первая столовая, баня, прачечная. На берегу Томи началось строительство капитального жилья в поселке на 5 тысяч человек для кадров постоянных рабочих завода.

Зимой 1933-34 годов были заготовлены секции наплавного моста, без которого невозможно было организовать доставку с левого на правый берег стройматериалов и продуктов питания. Весной 1934 года после схода льда

⁷ Государственный институт по проектированию заводов по производству специальных химических веществ и изделий из них. Организован в 1928 г.

*Лето 1934 г. Баня, правый берег Ж.К.С.
(после окончания строительства)*

*Постройка прачечной правобережного Ж.К.С.
Фотография 1935 г.*

мост был установлен недалеко от строившейся правобережной ТЭЦ [8]. В конце 1934 года пущен в эксплуатацию железнодорожный мост через реку Томь (рис. 73) и организовано пассажирское движение до правобережной станции Правотомск, куда были переселены бывшие жители села Евсево. Построен правобережный водозабор.

В 1934-35 гг. на правом берегу Томи был заложен городской сад. В конце 1935 года в районе построен стадион с 35-метровой парашютной вышкой, имелась телефонная сеть, велось усиленное строительство мощных камнем дорог. Были заложены кирпичные школы [9].

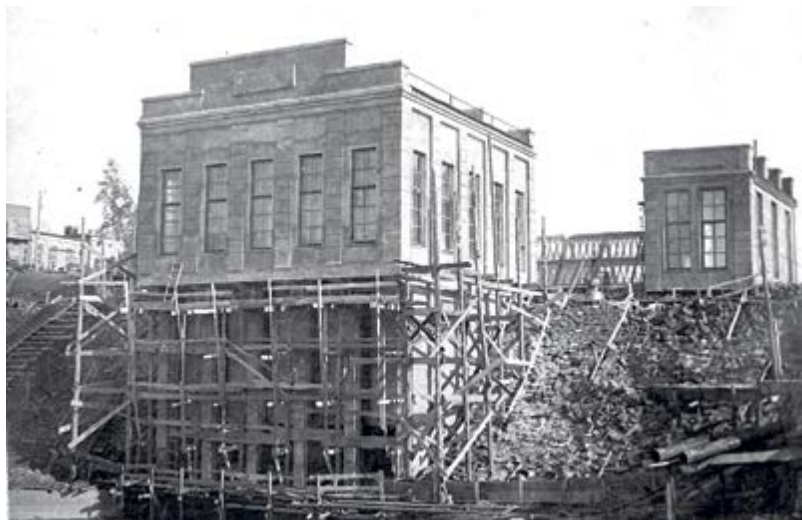
После убийства С. М. Кирова по ходатайству строителей Химстроя решением Президиума Кемеровского горсовета от 5.12.1934 г. поселок «Строитель» переименован в поселок имени Кирова, с образованием Кировского района. В 1936 году Новосибирское отделение Горстройпроекта по заказу Кемеровокомбинатстроя произвело корректировку всех проектно-планировочных работ Кемеровопроекта по капитальному правобережному посёлку с увеличением количества жителей до 16 тысяч человек. На составленной в том же году Новосибирским Горстройпроектом генеральной схеме планировки Кемерова постоянный поселок был учтён как отдельный жилой подрайон, с ограничением его дальнейшего развития.

В 1937 году при уточнении генеральной схемы планировки Кемерова Московским отделением Горстройпроекта на основании новых материалов о перспективах развития комбина-

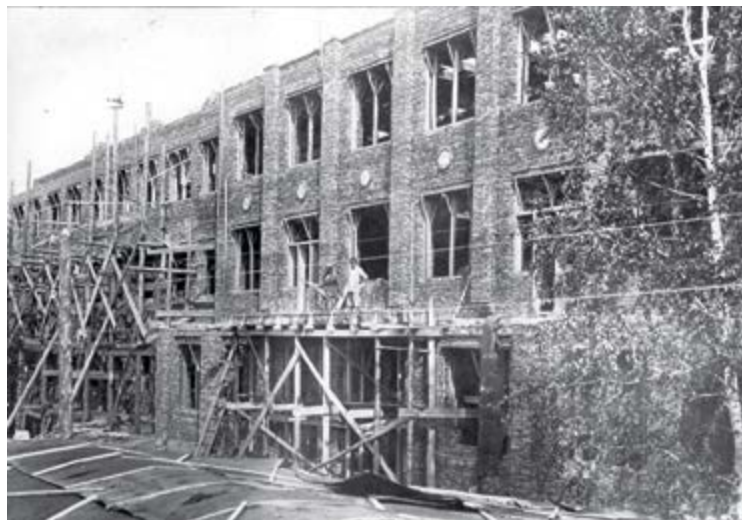
та был запроектирован жилой район для расселения уже 50 тысяч человек, связанных с комбинатом. Согласно проекту, основным селитебным пятном являлся район капитальной многоэтажной застройки, расположенный к востоку от линии железной дороги Кемерово-Барзас. Территория к северо-востоку от кварталов капитальной застройки предназначалась для малоэтажного и индивидуального строительства. Временный «аварийный» поселок и кварталы барачной и фибролитовой застройки, попавшие в зону задымления комбината, подлежали ликвидации [10].

К 1939 г. на жилищное, культурно-просветительное строительство и благоустройство района было израсходовано почти 60 миллионов рублей. При этом интенсивная застройка велась без проекта детальной планировки района, отдельными зданиями по проектам, разработанным архитекторами Кемеровопроекта. Для увязки отдельных селитебных пятен новосибирским Горстройпроектом был разработан генеральный проект планировки района на 50 тысяч человек, увязанный с генеральной схемой планировки города Кемерова (главный архитектор проекта — И. С. Солдатов, экономист Яковсон, инженер-геолог М. Тарнопольский).

Район первой очереди строительства представлял собой вытянутый вдоль прибрежной полосы Томи прямоугольник с изломом, ось которого была принята за главную ось композиции. На пересечении этой оси с основной северной магистралью, связывающей предзаводскую площадь комбината с городом, была

*Строительство водозабора.
Фотография 1934 г.*

*Строительство школы № 19.
Фотография 1936 г.*

запроектирована центральная площадь с Дворцом культуры, райсоветом и крупными многоэтажными зданиями. Прибрежная полоса, отделенная южной парковой магистралью, отводилась под прогулочную зеленую зону, соединенную с березовой рощей.

К этому времени на территории капитального поселка в кварталах 1-3 (ограниченных улицами 40 лет Октября, Назарова, Ушакова, Севастопольская, Матросова, Потёмкина) уже было сдано в эксплуатацию или строилось шесть 18-квартирных трехэтажных домов, пять четырехэтажных и шесть пятиэтажных жилых домов. Были также построены двухэтажная поликлиника, детский сад на 100 детей, ясли на 120 детей, две школы (на 440 и 880 учащихся). Строилась двухэтажная столовая и Дом техники (архитекторы С. П. Скобликов, Лейфер, Гулин) [11]. Архитектура первых каменных домов постройки 1933 года (расположены на улицах Матросова и Потёмкина) лаконична, функциональна и решена в стиле конструктивизма.

Вторая половина 1930-х годов в архитектуре Кемерово, как и во всей стране, отмечена постепенным переходом от лаконичных и функциональных объемов к использованию во внешнем оформлении зданий декоративных элементов классической архитектуры и упрощенных ордерных форм. Поэтому более поздняя застройка района капитальными 4-5-этажными домами относится уже к переходной стилистике начального периода «освоения наследия», с элементами сдержанного деко-

ра, еще не имеющими выраженного ордерного характера. Эти дома с административными помещениями и магазинами в первом этаже, расположенные на улицах Севастопольская, 40 лет Октября и Ушакова, проектировались молодыми архитекторами Кемпроекта под руководством В. Р. Цабеля [12].

В 1939 году организован химико-технологический техникум (Сибирский политехнический техникум, ул. 40 лет Октября, 4), здание для которого было достроено уже в военном 1942 году [13]. 22 апреля 1940 года был открыт Дворец химиков на 800 мест (в настоящее время — ДК Кировского района), автором которого был архитектор новосибирского Горстройпроекта В. А. Добролюбов. Архитектура здания решена уже в ордерных неоклассических формах. Дворец стал центром главной площади, вокруг которой постепенно вырастал район ансамблевой застройки, окончательно сформировавшийся уже в послевоенное время.

Перед самой войной, в конце 1940-начале 1941 гг., в Кировском районе началось строительство второго крупного оборонного предприятия. Проект завода по производству взрывчатых веществ (в будущем — завод «Коммунар») был утвержден совершенно секретным постановлением Комитета Обороны при СНК СССР № 277 сс от 23.06.1940 г. [14].

26 декабря 1940 года решением горисполкома установлена новая граница между Кировским и Рудничным районами по речке Крутая (Кемеровский лог) и линией железной дороги, проходящей на шахту «Центральная». Тер-

*Школа №19
Кировского района
(ул. Назарова, 8).
Фотография конца
1930-х гг.*

ритория бывшей деревни Кемерово передана в административное подчинение Кировского райисполкома. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.12.1940 г. в правобережной части города образованы Кировский и Рудничный районы [15].

Вопросы организации внутригородского транспорта до начала войны так и не были решены. Правобережный промышленный район был связан с левым берегом только рабочими поездами по железнодорожному мосту. Отсутствовала постоянная транспортная связь даже между расположенными на одном берегу Кировским и Рудничным районами, расстояние между которыми составляло около 6 километров. В таких условиях Кировский посёлок неизбежно превратился в изолированный район,

своеобразный «город в городе». В архитектурно-планировочном решении Кировского района воплотилась предвоенная концепция социалистического города — замкнутой планировочной единицы с населением, полностью зависящим от промышленного предприятия, которому принадлежало и жильё, и общественные здания, и социально-культурные и бытовые объекты. Всё население такого соцгорода либо работало на заводе, либо обслуживало семьи тех, кто работает на заводе. Жилые дома для рабочих, из-за отсутствия городского транспорта, размещались в радиусе пешеходной доступности от заводской проходной. Поэтому значительная часть жилой застройки оказалась в зонах санитарной вредности предприятий или в зоне действия взрывной волны.

Это вынужденное в предвоенных условиях решение породило впоследствии серьёзные экологические проблемы.

В результате работы Специальной межведомственной комиссии Совета народных комиссаров РСФСР по выбору территории для развития городов Кузбасса было принято Постановление СНК РСФСР от 10.10.1940 г. № 763 «О застройке городов Кузбасса», в котором в том числе давались указания по дальнейшей планировке и застройке

*Строительство
18-квартирных
жилых домов
(улица Матросова).
Фотография 1934 г.*

*Жилой дом № 18
правобережного
жилкомстроя
(ул. Севастопольская, 3).
Фотография 1937 г.*

Кемерово. В частности, этим постановлением исключалась возможность размещения жилья на правом берегу Томи в связи с угленосностью территорий, пригодных под застройку. Однако проектные работы были приостановлены в связи с начавшейся войной.

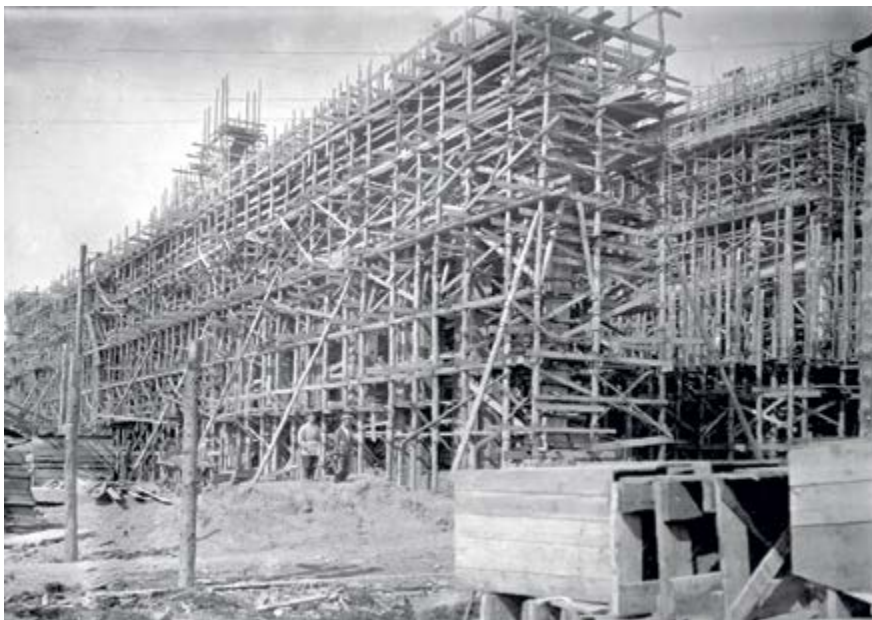
*Генеральная схема планировки
Кировского района г. Кемерово.
Горстройпроект, новосибирское
отделение. 1940. Проект застройки
посёлка капитального строительства.
Первая очередь.*

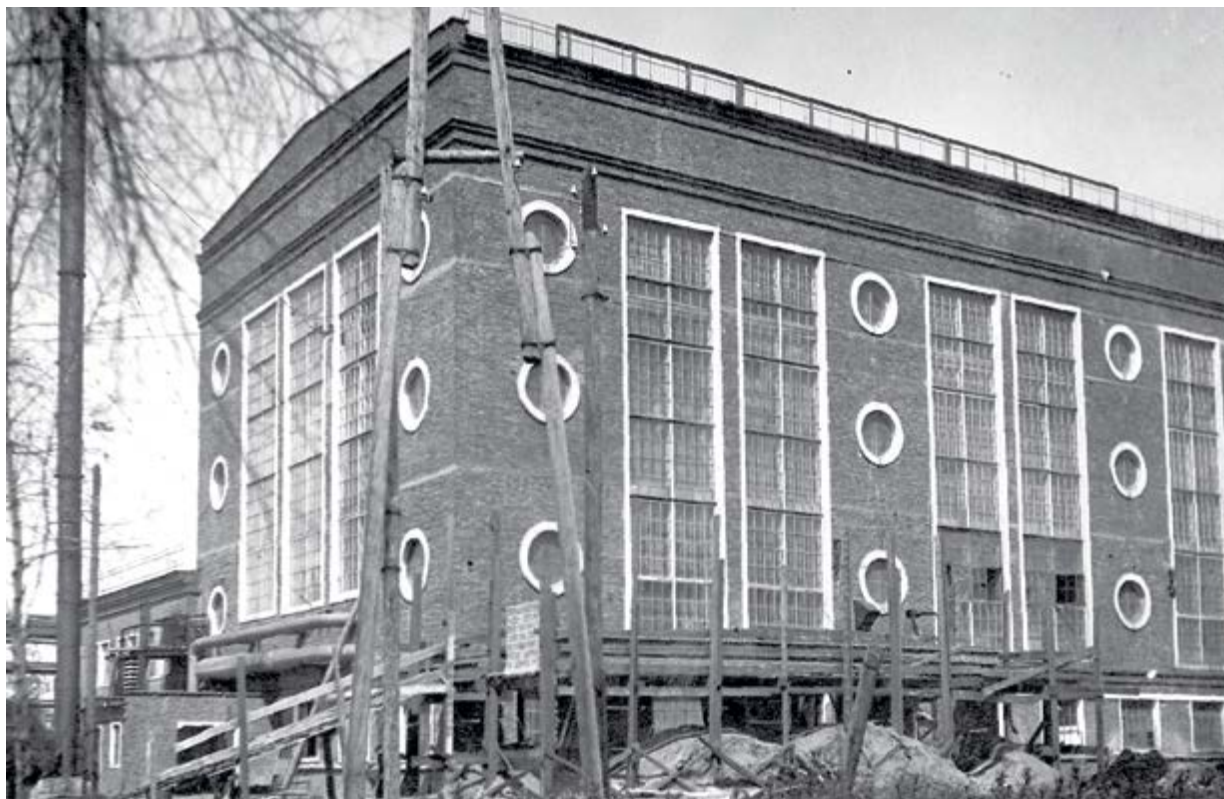
Проект жилого дома №19
(ул. Севастопольская, 3).
Кемеровопроект. 1934-35 гг.

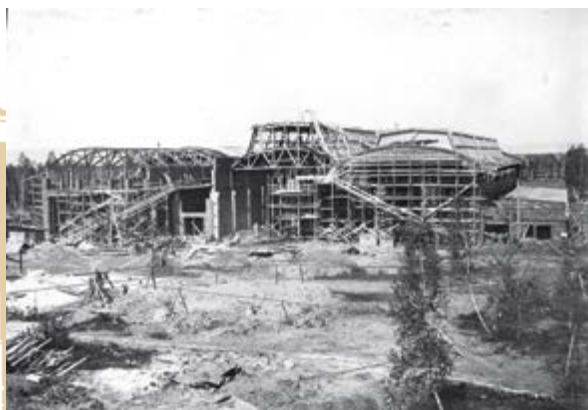
Дворец химиков на 800 мест
(ДК Кировского района).
Архитектор В. А. Добролюбов. 1940.
Фотография 1957 г.

Строительство
главного корпуса
правобережной ТЭЦ.
Фотография 1934 г.

Здание №11, объект
№427 комбината №392
(Прогресс).
Фотография 1935 г.

Строительство
одного из цехов
комбината №392.
Фотография
1934 г.

Список источников:

ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 198. Л. 4.

Захарова И.В. От города-сада к соцгороду: проекты планировки Кемерово 1930-х гг. // Красная Горка. Вып. 16. Кемерово. 2015. С. 88-95.

Кузбасс. 1934. 10 августа.

Зинюк Ю. Третье звено // Строим Кузбасс. Кемерово. 1984. С. 60-64.

ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 198. Л.

Историческая энциклопедия Кузбасса. В 3 т. Т. 1. / науч. рук. В. П. Машковский, Г. Г. Халиулин; ред. кол. В. В. Бобров и др. Познань: Штамма, 1996. С.208-211.

ГАКО. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

Зинюк Ю. Указ. соч.

Кировский район: страницы истории. Кемерово: ЦГБ им. Н. В. Гоголя. 2002.

ГАКО. Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

Кузбасс. 1935. 12 декабря.

По материалам фондов музея ПО «Прогресс».

Историческая справка Кировского района г. Кемерово. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kemerovo.ru/?page=339>

Город Кемерово в годы Великой Отечественной войны: материалы научной конференции 14 апреля 2000 г. Кемеровский госуниверситет. Кемерово. 2000. С. 28-29.

Усков И. Ю. Кемерово: формирование территории и населения областного центра. Кемерово. 2001. С. 56.

«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ!»

(ГЛАВА ИЗ КНИГИ «СТРАННЫЙ КЕМЕРОВО», НОВОЕ ИЗДАНИЕ)

*Кемеровчане
отмечают Первомай.
1941 г.*

К концу 30-х годов Кемерово уже располагал достаточным количеством столовых и «фабрик-кухонь», чтобы накормить горожан. Но главное — в продовольственных магазинах вместо красных флагов, лозунгов и бюстов Ленина появились продукты питания и в широком ассортименте. Теперь рабочие посещали заводскую столовую только во время обеденного перерыва, а завтракали и ужинали дома. То есть постепенно люди стали возвращаться к здоровой и вкусной домашней пище. Обычное семейное меню тех лет включало в себя: супы, блюда из мяса, рыбы, овощей, круп. Появились и фрукты (!) Часть продуктов завозилась из других регионов страны, многое производилось в Кемерове.

Так, например, Кемеровский хлебокомбинат в 1939 году вырабатывал «всевозможные пряничные изделия, баранки разных сортов, сушки, бублики, печенье разное. Булочные изделия: сайки, халы, дынки, венские, торты, кексы, пирожные».

Хлеба было вдоволь. Местные технологи разработали новые сорта хлеба, в частности, для малоимущих людей. Этот хлеб изготавливали из смеси пшеничной и ржаной муки. Килограммовая булка стоила всего 80 копеек.

Наконец-то в свободной продаже вместо мясосодержащей колбасы типа «маруся отравилась» появились настоящие колбасы. Кемеровский мясокомбинат выпускал 44 вида колбасных изделий, в том числе высших со-

ртов: «Американский бекон», «Московскую», «Слоеную», «Литовскую», а также такие деликатесы как копченые свиные окорока, рулеты, корейку. Цех полуфабрикатов изготавливал пельмени и котлеты. Стоимость колбасы была не слишком высокой: от 7 до 17 рублей за килограмм. Шахтеры, зарплата которых составляла 600-800 рублей, а у ударников труда — до 1300 рублей, покупали колбасу для «тормозков». С тех пор кусок колбасы стал неотъемлемой частью шахтерского обеда под землей.

Мяса тоже было много. Летом 1939 года Кемеровский городской рынок вынужден был снизить стоимость одного килограмма мяса с 10 рублей до 6-7 (правда, в 1940 году мясо подорожало, и килограмм стоил уже 14 рублей). Также произошло существенное снижение базарных цен на овощи и яйца. Ведро картошки стало стоить один рубль 20 копеек вместо трех рублей, килограмм огурцов — 3 рубля вместо 7, десяток яиц — 3 рубля вместо 5.

В городе появился новый рыбокопильный завод, который ежедневно выпускал 3 тонны рыбы холодного копчения: «балык нельмовый, тешка нельмовая, лещ, а также 4 тонны маринованной и соленой рыбы». Нельму привозили из Томской области, из Нарыма, поскольку своя рыба ценных пород после пуска химических заводов ушла в низовье Томи.

Никогда прежде кемеровчане не видели такого разнообразия безалкогольных напитков, как в предвоенные годы. Прежде они употребляли напитки домашнего приготовления: квас, пиво-бражку, морс. Пили также березовый сок, но этот напиток — сезонный. Теперь местные безалкогольные заводы предлагали кемеровчанам не тратить время на изготовление самодельных напитков, а приобретать их в магазинах и ларьках.

Вот перечень продукции, которую Кемеровский завод безалкогольных напитков выпускал перед войной:

- квас «Хлебный»;
- квас «Баварский»;
- морс;
- «Лимонад»;
- «Ситро»;
- «Яблоко»;
- «Дюшес»;
- «Вишня»;
- «Английская вода» (смесь фруктового сока и газированной воды);
- «Медок» (напиток из меда, хмеля и дрожжей).

Сиропа для изготовления прохладительных напитков изготавливали как из привозного, так и местного сырья. В 1940 году за Искитимкой в районе крольчатника (точное его местоположение установить нам не удалось) было создано плодово-ягодное хозяйство.

На 20 гектарах Кемеровский промкомбинат стал выращивать клубнику, малину и смородину. Планировалось увеличить размер хозяйства до 100 гектаров, но помешала война. Посаженные растения захирели и погибли.

Одновременно с созданием плодово-ягодного хозяйства в городе возникло пчеловодческое хозяйство. На приобретение пчелосемей для 200 ульев Кемеровский горсовет выделил 40 тысяч рублей. Ульи поставили рядом с Соновым бором. Таежный мед предназначался также для завода безалкогольных напитков и кондитерского цеха промкомбината.

В 1940 году был сдан в эксплуатацию Кемеровский пивоваренный завод мощностью 2 миллиона 500 тысяч литров в год. Наконец-то горожане попробовали вкус местного, а не привозного, жигулевского пива. Те, кому довелось его пить, вспоминали: качество оставляло желать лучшего.

Несмотря на то, что местная промышленность выпускала достаточно широкий ассортимент продуктов питания, все же отдельные виды продовольствия ввозились из других регионов Советского Союза.

Примерно в 1936-1937 годах горожане впервые увидели на прилавках магазинов свежие абрикосы, виноград, гранаты, вишню, айву. В 1938 году Кемторг получил из Средней Азии 1240 тонн фруктов. В том числе: яблок — 378 тонн, винограда — 38, арбузов — 700, дынь — 100, вишни — 7 тонн. То есть на каждого человека приходилось 8 кг привозных фруктов, ягод и бахчевых. Не густо, но все же. Ведь прежде кемеровчане ничего подобного не видели и полагали, что гранаты — это не зернистый плод с кисло-сладкими семенами, а — разрывной снаряд.

Цены на диковинные фрукты были умеренными. Килограмм абрикосов первого сорта стоил 5, а второго сорта — 4 рубля.

Ввозились макаронные изделия, рыбные и мясные консервы, свежая и соленая рыба, повидло, сухофрукты, масло сливочное и масло топленое, говяжий жир и сахар. О прибытии в город сахара газета «Кузбасс» в октябре 1939 года напечатала специальное сообщение:

*Столовая для ИТР
на коксохимзаводе.
1930-е гг.*

«Артель Пищепром для предпраздничной торговли будет иметь в продаже: макароны, вермишель, лапша, ушки. В первых числах ноября ожидается сахар. По прибытии сахара будут вырабатываться кондитерские изделия: пряники, печенье, торты, пирожные, коврижки и проч.»

В конце 30-х годов в Кемерове стала развиваться уличная торговля. В летнее время в городе устанавливалось около 140 ларьков, киосков и павильонов по продаже прохладительных напитков и кондитерских изделий. Помимо этого была еще и лоточная продажа мороженого, пирожков и фруктов.

Самым модным рестораном у кемеровчан был так называемый «Ресторан-кафетерий», который располагался на Притомском участке в здании гостиницы. Работал он ежедневно с 11 часов дня и до 2 ночи. Играла музыка, разрешалось танцевать. В меню — обширный ассортимент закусок, первых и вторых блюд, кондитерских изделий. Ресторан принимал заказы по телефону на доставку готовых блюд на дом.

Столы заказов по доставке продуктов существовали и в 30 бакалейно-гастрономических магазинах Кемторга. Людям понравилась новая форма торговли, и они стали часто ею пользоваться. Например, Кемеровский универмаг, в котором имелся продовольственный отдел, ежедневно принимал 25-30 заказов.

Разумеется, не все в системе кемеровской торговли и общепита было столь радужным. Люди жаловались, например, что в буфете ГРЭС цены выше государственных на 30%, что в буфете шахты «Северная» всего 2 стакана на 250 человек, а в магазине № 115 отсут-

ствуют дрожжи, сода и махорка. Но в целом, «жить стало лучше, жить стало веселее!»

Получив свободный доступ к относительно недорогим продуктам питания, о которых в начале 30-х годов люди даже не мечтали, теперь советские граждане были полны любви и признательности товарищу Сталину. И это понятно, ведь еще 5-7 лет назад кемеровский шахтер жил в землянке и питался картошкой с кислой капустой, а сейчас имел трехкомнатную квартиру и шел в забой с куском копченой колбасы.

Появление на прилавках магазинов огромного количества продуктов, причем высокого качества привело к тому, что, во-первых, трудящиеся утром и вечером стали питаться дома. Во-вторых, люди начали отказываться от изготовления некоторых пищевых продуктов в домашних условиях: хлеба, сливочного масла, сметаны, творога, домашних колбас. Теперь все это можно было купить в магазине. Иными словами — кемеровский пролетариат стал отдаляться от патриархально-крестьянского уклада жизни. В-третьих, столкнувшись с большим выбором магазинных продуктов, горожане начали готовить новые блюда. Когда в продаже появились макаронные изделия, стали делать «макароны по-флотски». Появилась томатная паста — борщ, рис — плов, тефтели.

И, наконец, еще одно важное изменение. В это время началось постепенное проникновение блюд национальных кухонь в меню кемеровчан, так как в течение 10 лет (с 1927 по 1937 годы) в город приехали более 100 тысяч человек со всех уголков Советского Союза: украинцы, белорусы, казахи, киргизы, татары, чувашаи, мордва, немцы, евреи.

СТАРЫЙ КЕМЕРОВО

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп.8. Д.194. Л.1. Жилое КТ на Пискаев на Кемерово, 1913-1915 гг.

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп.8д. Д.616. Л.1. Строительство жилых домов на Нижней Колонии. Консолимазавод г.Щегловск, 1924 г.

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп.В. Д.1065. Л.1. Здание цырка в Кемерово. Открыт в 1934 г.

ГКУ КО ГАКО. Р-212. Оп.А. Д.88. Л.1. Первый магазин отдела рабочего снабжения ОРСа ККЗ, 1947 г.

СТАРЫЙ КЕМЕРОВО

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Оп.10. Д.198. Л.1. Площадка для строительства кинотеатра Москва г.Кемерово, 1935 г.

ГКУ КО ГАКО. Фотофонд. Книгооп. нег. Д.1299. Л.1. Кинотеатр Москва в г.Кемерово, 1949 г.

ГРЭС ГОСУДАРСТВЕННАЯ РАЙОННАЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

В период индустриализации в СССР приоритетным направлением фотоискусства стал фоторепортаж, призванный документировать социалистическую действительность. С 1930 года начал выходить журнал «СССР на стройке», который был ориентирован прежде всего на иностранную аудиторию и выходил на пяти языках. Максим Горький, определяя задачи журнала, писал: «Мы должны привлечь на службу нашему строительству фото и кино... Фото должно быть поставлено на службу строительства не случайно, не бессистемно, а систематически и постоянно. Фотографические изображения нашего строительства, при этом изображения в динамике, должны быть доступны всем интересующимся нашим строительством».

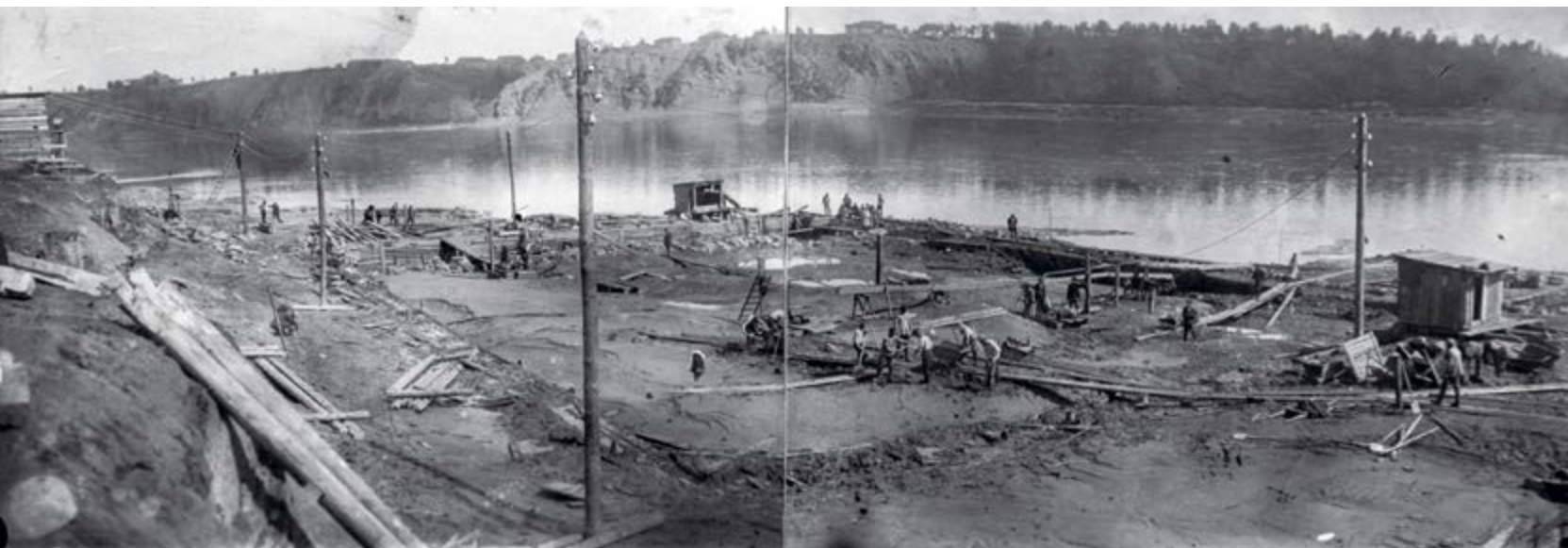
Видимо, спросом на визуальную информацию со строительства промышленных предприятий объясняется создание фотоальбомов со строек первых пятилеток с индустриальными пейзажами и фотографиями.

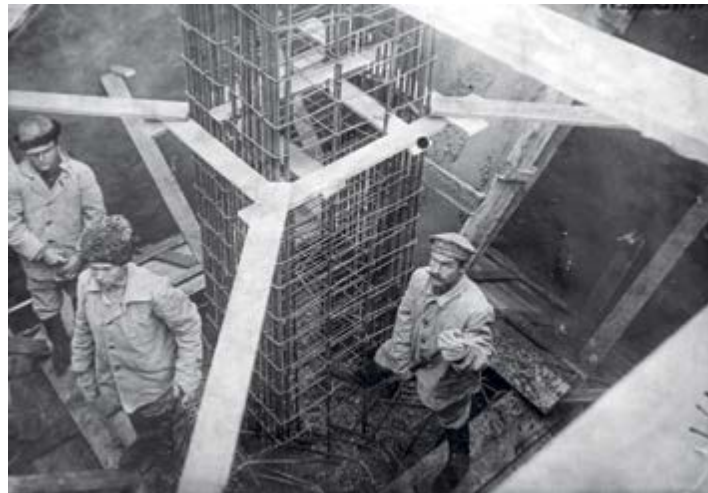
В Кемерове в 1930-е годы строилось множество предприятий, крупнейшими из которых были ГРЭС и Коксострой. Сохранились уникальные фотоальбомы со строительства этих главных предприятий.

Возможность увидеть строителей ГЭС, проследить сам процесс строительства дает фотоальбом, хранящийся в музее ГЭС. В нем не отдельные фотографии, а фоторепортаж. Фотограф в течение трех лет документировал, как на пустом месте выростала огромная электростанция. На фотографиях видны тяжелые условия труда, отсутствие технической оснащённости строительства. Подробно отсняты все стороны и этапы строительства электростанции: деревянные и металлические каркасы заводских зданий, транспортировка и установка оборудования, виды отдельных цехов и стройплощадок, снимки котлованов, машин, труб, различных механизмов.

Особенно интересными являются панорамы общего вида строительной площадки. Они дают представление о монументальности и масштабности строительства.

Подобный фоторепортаж со строительства Кемеровского коксохимического завода хранится в музее «Красная Горка». Известен автор – Спиридон Бывшев, главный фотограф Щегловска, у которого было несколько учеников. Есть вероятность, что фотографии на строительстве ГЭС делал один из них.

Главной визуальной доминантой города Кемерово являются две высокие трубы Кемеровской ГРЭС. Их видно почти из любой точки города. Особенно эффектно они выглядят ночью из-за живописной подсветки. Но Кемеровская ГРЭС не только визуальная, но и промышленная доминанта города, от которой зависит деятельность всех предприятий и бытовая жизнь горожан. Подлинное значение электростанции отражает определение «энергетическое сердце города».

Биться это сердце начало 85 лет назад. 1 июля 1934 года состоялся пуск Кемеровской теплоэлектроцентрали имени Запсибкрайкома ВКП(б) как части грандиозного плана электрификации России. Государственный план элек-

трификации был принят 22 декабря 1920 на VIII Всероссийском съезде Советов, проходившем в Большом театре. Электрическое освещение театра во время съезда потребовало отключения почти всех потребителей электроэнергии Москвы. В условиях, царившей в стране разрухи, голода и эпидемий принимался план сплошной электрификации страны, который скептики называли «электрофикацией».

По программе плана ГОЭЛРО в 1924 году на Кемеровском коксохимическом заводе Автономная индустриальная колония «Кузбасс» построила электростанцию мощностью 1000 квт, электрифицировала завод, шахты и окрестные деревни.

15 мая 1930 г. ЦК партии принял решение,

Реализация плана ГОЭЛРО шла такими темпами, что уже к 1931 году план ГОЭЛРО был в основном выполнен, а по некоторым показателям и перевыполнен. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз.

о необходимости создания в кратчайший срок второй угольно-металлургической базы на востоке страны — Урало-Кузнецкого комбината. Было запланировано сооружение мощных химических и металлообрабатывающих предприятий на базе широкой электрификации.

ТЭЦ Кузнецкого металлургического комбината была пущена 21 января 1932 года. Второй из Кузбасских электростанций была Кемеровская ТЭЦ. Выбор места для строительства электростанции определялся тем, что Кемерово расположен на берегу большой реки Томь с достаточным количеством воды, угольными рудниками на правом и левом берегах. Назначенный директором строительства Виктор Фи-

липович Соколовский получил распоряжение Наркомтяжмаша: «В связи с состоявшимся 28 апреля сего года утверждением Энергоцентром эскизного проекта Кемеровской ГРЭС разрешается вам приступить к работам согласно утвержденному проекту».

2 сентября 1930 года Соколовский издал приказ: «Строительство приступило к работе и вступило в семью социалистическихстроек». На стройке, кроме директора, в наличии было два инженера-строителя, два десятника, четверо рабочих и не было строительных материалов, оборудования, людей, кредитов и главного инженера. При этом надо было приступить к закладке фундамента главного здания ТЭЦ.

Через пару месяцев в Кемерово на строительство прибыло более 1000 человек. Для привлечения рабочих на стройку Соколовский использовал рекламный ход — заказывал в городской типографии открытки с рисунками будущей электростанции и бесплатно раздавал рабочим, чтобы те отправляли их в деревню. Там увидят, какой гигант строят, и приедут.

Учитывая состав рабочих, приходилось одновременно с сооружением ГРЭС обучать их профессиональному мастерству, искоренять неграмотность. Уже в 1931 г. при стройке были организованы курсы шоферов, плотников, мотористов, каменщиков, на которых обучалось более 200 человек.

По словам Соколовского: «К знаниям и

технике люди тянулись с необычайной силой. Приходишь иной раз в барак вечером, - и будто пчелы гудят. В одном месте измаявшиеся за день парни пишут диктант, с силой зажимая в негнущихся пальцах карандаш, в другом - сидит молодой землекоп и, крепко обхватив голову руками, старается понять деление дробей, а где-нибудь в уголке, у свечки, пристроилась девушка и что-то по слогам шепотом читает».

Работы шли в тяжелых условиях при постоянной нехватке стройматериалов и оборудования. В зимнее время по льду Томи прокладывали узкоколейную железную дорогу, по которой в вагонетках с правого берега переправляли камень для фундаментов. Для ускорения работ по прокладке пожарного трубопровода вспахи-

вали канавы плугом.

Погрузочно-разгрузочные работы выполнялись вручную, чаще всего после основных смен. Ночами длинные цепочки людей, выстроившиеся у вагонов, при свете факелов передавали из рук в руки кирпичи на расстояния в сотни метров.

31 января 1934 года в эксплуатацию был пущен турбогенератор №1 Кемеровской ГРЭС. Начальник строительства Соколовский телеграфировал XVII съезду ВКП(б): «31 января в семь часов Кемеровская государственная электростанция имени Запсибкрайкома ВКП(б) дала первый ток первого турбогенератора мощностью 24000 киловатт. Пуском Кемеров-

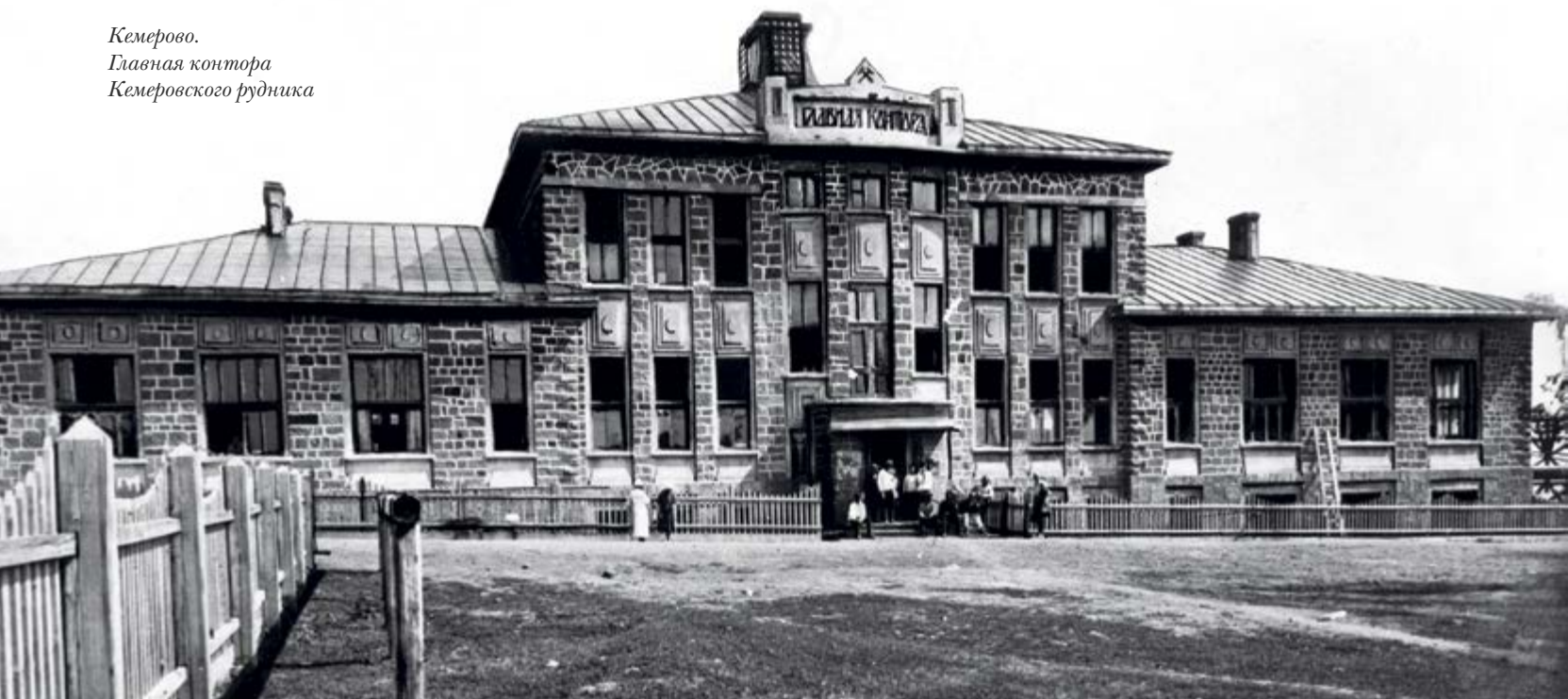
ской электростанции осуществлено одно из основных энергетических звеньев Урало-Кузбасского комбината, пополнивших ряды гигантов этого не имеющего себе равных в мире комбината комбинатов».

1 июля 1934 года Кемеровская ГРЭС была переведена на положение действующей электростанции, именно эта дата считается днём образования Кемеровской ГРЭС.

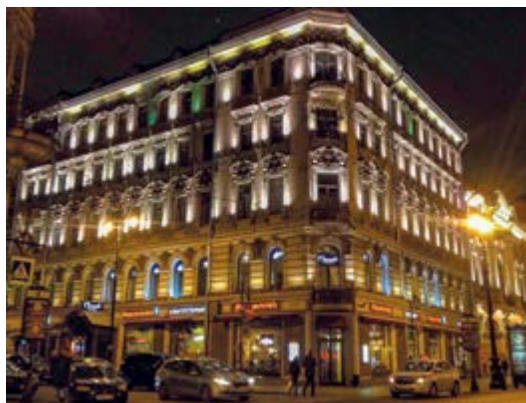
Юрий Светлаков. Три начальника. Кемерово, 2013
Бенедиктов А. В. Первенец кузбасской энергетики
/ А. В. Бенедиктов // ТЭК и ресурсы Кузбасса. — 2003.
- №2. — С. 32-36.

История Копикуза в памятниках

Кемерово.
Главная контора
Кемеровского рудника

Санкт-Петербург. Здание на ул. Симеоновской, 5

Санкт-Петербург. Троицкая, 1-Невский, 43

Акционерное общество Копикуз

В начале XX века Кузбасс представлял собой глухой угол Томской губернии. Находившаяся на этой территории промышленность была в зачаточном состоянии и почти не развивалась, поскольку управлялась чиновниками Кабинета Его Императорского Величества (с 1747 года большая часть Кузбасса являлась личной собственностью российских императоров).

Начало полномасштабного индустриального развития Кузбасса было положено Акционерным Обществом Кузнецких каменноугольных копей (Копикуз), созданным в 1912 году. Его учредителями выступили тайный советник Владимир Федорович Трепов, бывший вице-губернатор Туркестана и губернатор Таврической губернии, и действительный статский советник Сергей Семенович Хрулев, председатель правления Санкт-Петербургского международного коммерческого банка. Финансировали проект российские и зарубежные финансовые круги. Акционерное общество получило от императора Николая II в концессию огромную территорию в пределах Томской, Енисейской и Иркутской губерний. На основе разработки каменноугольных и рудных месторождений Кузнецкого бассейна создатели Копикуза планировали построить на этой территории мощный топливно-металлургический комплекс.

С 1912 по 1919 год Копикуз построил в Кузбассе Кольчугинскую железную дорогу, угольные рудники, заводские и рудничные поселки, начал

строительство коксохимического и металлургического заводов. Масштабность проекта превратила Копикуз в крупнейшую монополию Сибири.

В силу произошедших в стране политических событий реализовать все намеченные планы деятелям Копикуза не удалось. Две революции и две войны не способствовали созидательному промышленному развитию. Тем не менее, даже в этих условиях они успели заложить фундаментальные основы экономики Кузнецкого бассейна и наметили перспективы его дальнейшего развития.

Осуществление планов Копикуза продолжалось уже в советское время, но без упоминания о деятельности капиталистического акционерного общества, а если о ней и вспоминали, то оценивали очень негативно.

В начале XXI века, в условиях второго российского капитализма, история Копикуза приобрела особую актуальность как пример комплексного подхода к развитию богатой полезными ископаемыми территории в форме государственно-частного партнёрства. К ней обращаются ученые и журналисты, посвящая ей диссертации, статьи, фильмы.

Богатая событиями история Копикуза отразилась не только в документах, хранящихся в архивах и музеях, но и в недвижимых памятниках, связанных с его деятельностью. Масштабность организации предопределила то, что материальные следы Копикуза находятся в разных городах страны.

Копикуз в Санкт-Петербурге

Первый город, о котором необходимо упомянуть, это Санкт-Петербург, поскольку здесь находилось правление акционерного общества. В центре города между Невским проспектом и Конюшенной площадью по улице Большая Конюшенная, 29 был открыт офис правления. Это здание называли «Дом Нобелей», потому что долгие годы им владело знаменитое семейство Нобелей, нефтяных магнатов, учредителей Нобелевской премии.

Доходные многоквартирные дома с XIX века стали едва ли не самой распространенной формой жилья в Петербурге. Хозяева занимали в них небольшое помещение, а остальные квартиры сдавали жильцам или частным торговцам и компаниям. Самыми распространенными были квартиры от 4 до 6 комнат. В наиболее престижных и фешенебельных районах города обычным делом были квартиры от 12 до 18 комнат.

В начале XX века помещения в доме по Большой Конюшенной, 29 (набережная Мойки, 42) снимало представительство Донецко-Грушевского акционерного общества каменноугольных и антрацитовых копий, конторы промышленных акционерных обществ, шведская фирма «Братья Грахам», выпускавшая подъемные лифты кнопочной системы, Северное и Швейцарское бюро путешествий, Институт красоты — единственное косметическое учреждение подобного рода в России, и другие заведения.

В квартире № 3 один раз в месяц собиралось правление Копикуза, состоявшее из председателя правления В. Ф. Трепова, его сопредседателя С. С. Хрулева и пяти директоров, избранных общим собранием акционеров. Отсюда шло управление делами Акционерного общества.

В 1917 году правление Копикуза переехало в угловой многоквартирный дом на пересече-

нии двух центральных улиц города по адресу ул. Троицкая, 1/Невский проспект, 43.

Здание называют доходным домом Великого князя Сергея Александровича (Дядя императора Николая II был генерал-губернатором Москвы и командующим войсками Московского военного округа. В 1905 году он погиб на территории Московского Кремля от взрыва бомбы террористов-революционеров. После гибели великого князя дом унаследовала его супруга, великая княгиня Елизавета Федоровна).

Очевидно, этот переезд был не случайным, поскольку расположение на престижном Невском проспекте повышало статус организации. В начале XX века Невский проспект играл роль делового и банковского центра не только Петербурга, но и всей России. Здесь имели свои здания или офисы крупнейшие банки страны, правления различных акционерных обществ, страховых компаний. На Невском находились и здания главных акционеров Копикуза — Русско-Азиатского и Санкт-Петербургского Международного Коммерческого банков.

Недалеко от Невского жили руководители Копикуза: В. Ф. Трепов в Манежном переулке, 2, С. С. Хрулев на Троицкой, 8.

В центре Санкт-Петербурга было открыто также правление Акционерного общества Кольчугинской железной дороги, которое фактически являлось структурным подразделением Копикуза. В. Ф. Трепов и С. С. Хрулев создали его для финансирования строительства меридиальной ветки Транссиба от станции Юрга до Кольчугино (Ленинск-Кузнецк) и Кемерово. 2 января 1913 года император утвердил Устав Общества, Трепов был избран председателем правления. Офис общества разместили на улице Симеоновская, 5 в доходном доме Н. А. и С. А. Латониных, находившемся между набережной реки Фонтанки и Литейным проспектом.

Большую Конюшенную улицу в 1918 году переименовали в честь революционера-террориста А. И. Желябова, принявшего участие в убийстве императора Александра II, но в 1991 году ей вернули историческое название. Сегодня это богатая улица центра с дорожными бутиками и многочисленными культурно-образовательными центрами. Здание на Большой Конюшенной, 29 превращено в бизнес-центр, в котором расположены 33 различных компаний и предприятий. До 2018 года в нем находилось Генеральное Консульство Королевства Дания в Санкт-Петербурге.

Улица Троицкая в 1929 году была переименована в улицу Рубенштейна в честь жившего на ней композитора. В настоящее время в здании по ул. Рубенштейна, 1/43, в котором находилось правление Акционерного общества Копикуз, находится Санкт-Петербургское отделение компании «Публичное акционерное общество «АЭРОФЛОТ».

Улица Симеоновская в 1923 году переименована в улицу литературного критика и публициста В. Г. Белинского, здание по адресу ул. Белинского, 5 является памятником архитектуры стиля модерн.

Санкт-Петербург.
Большая Конюшенная, 29

Копикуз в Томске

Вторым городом, тесно связанным с деятельностью Копикуза, был город Томск, определенный в качестве места пребывания директора-распорядителя акционерного общества. На эту должность Копикуз пригласил Иосифа Иосифовича Федоровича, который был широко известен в Донбассе как создатель первой горноспасательной станции в России и лучший директор шахт Донбасса.

Первая контора Копикуза в Томске была открыта на ул. Духовской, 11, одной из старейших и достаточно престижных улиц города. Отсюда И. И. Федорович руководил промышленным освоением территории площадью с целое государство. Здесь разрабатывались и обсуждались планы и проекты Копикуза. Правда, большую часть своего времени Федорович проводил не в конторе, а в командировках, курсируя между Кузбассом, Донбассом, Уралом, Санкт-Петербургом...

В 1915 году контора Копикуза переехала на другую улицу, которая даже своим названием Миллионная более соответствовала крупному акционерному обществу. Двухэтажное кирпичное здание по адресу Миллионная, 6, в котором снял помещение Копикуз, было одним из наиболее крупных торговых зданий Томска. Оно принадлежало торговому дому «Михайлов и Малышев», второму в Томске после торгового дома «Кухтерин и сыновья». Петр Васильевич Михайлов, купец 1 гильдии, потомственный Почетный Гражданин, дважды избиравшийся городским головой, был известен не только как один из богатейших предпринимателей Томска, но и как один из самых крупных благотворителей. Строительством здания для его фирмы руководил томский архитектор Виктор Васильевич Хабаров, предположительно, он же был и автором проекта.

После окончания строительства в 1890 году в доме располагался магазин и склады торгового дома «Михайлов и Малышев». На первом этаже было два самостоятельных магазина с отдельными входами: слева — большой зал со сводчатыми перекрытиями, справа — меньшие по размерам помещения. На втором этаже находились конторские помещения. Видимо,

позже там и разместилась контора Копикуза.

В Томске находилось Управление Кольчугинской железной дороги, осуществлявшее непосредственное руководство ее строительством в Кузбассе. Помещение сняли в доме на улице Солдатская, 73, которым владел Сенцов Василий Васильевич. В то время Солдатская улица была одной из самых протяженных и красивых улиц города, на которой стояли украшенные резьбой терема.

Директор-распорядитель Копикуза И. И. Федорович жил в центре города на улице Магистратская, 18 в двухэтажном каменном доходном доме.

Улица Миллионная после революции была названа Коммунистическим проспектом, а затем ее соединили еще с двумя улицами и дали общее название — проспект Ленина, которое сохранилось до настоящего времени.

В период гражданской войны в здании торгового дома «Михайлов и Малышев» временно размещались отделения государственных банков, следовавших за отступавшей на восток армией Колчака.

В начале 1920 года АО Копикуз ликвидировали, его предприятия были национализированы и переданы созданному в Томске правлению угольных копей Западной Сибири (Сибуголь). Новая организация разместилась в помещении бывшего Копикуза. И. И. Федоровича назначили заведующим горнотехнического отдела Сибугля, и он снова оказался в своем кабинете на Миллионной улице, но уже в новом качестве.

В советское время в здании торгового дома «Михайлов и Малышев» располагались различные предприятия, последним из которых был завод резиновой обуви.

Улица Магистратская в 1920 году была названа именем озы Люксембург — видного деятеля международного рабочего движения. Здание по улице Розы Люксембург, 18 является региональным архитектурным памятником.

Дом на улице Солдатская, 73 (переименованной в 1920 году в Красноармейскую), видимо, не сохранился.

Миллионная улица.

Томскъ.

Заседание
Правления
Сибугля. 1-й слева
Федорович И.И.

Томскъ. Магистральная улица.

Tomsk.

Томск.
Магистральная
улица

П.В.Михайлов

Томск.
Здание Конторы
Копикуза

Копикуз в Омске

*Здание конторы
Копикуза в 1930-е годы*

В ходе гражданской войны 18 ноября 1918 года власть в Сибири захватил адмирал А. В. Колчак, провозгласивший себя верховным правителем России. Установить деловые связи с новой властью И. И. Федоровичу помогло то, что его брат Михаил Иосифович, морской офицер, был сослуживцем Колчака по черноморскому флоту и в Сибирском правительстве занимал пост начальника технического управления Морского министерства.

В это время Акционерное общество оказалось в очень сложной ситуации: после Октябрьской революции председатель правления В. Ф. Трепов погиб, многие члены правления и акционеры эмигрировали за границу. В результате не могло функционировать ни общее собрание акционеров, ни правление, ни Совет общества. Выходом из положения было создание временного правления. Верховный правитель Колчак утвердил постановление: «Впредь до того момента, когда постоянное правление общества вновь получит возможность функционировать в надлежащем кворуме на территории, свободной от так называемой Советской Власти... учреждается временное правление с местопребыванием в г. Томске». Председателем временного правления стал И. И. Федорович. Он заключил с Сибирским правительством

договор на поставку угля и получил от него аванс. По рекомендации И. И. Федоровича министром торговли и промышленности в правительстве Колчака был назначен томский профессор Павел Павлович Гудков, работавший в геологических партиях Копикуза в Кузбассе.

Для того, чтобы облегчить взаимодействие с новым правительством, в Омске была открыта контора Копикуза. Она располагалась в четырехэтажном доходном доме, стоящем на углу улиц Тобольская и Надеждинская. Дом принадлежал Александре Васильевне Печокас, жене директора завода стройматериалов, цветного стекла и глазурной плитки. В одной части дома жили хозяева, другую владелица сдавала в аренду. Кроме конторы акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей в здании размещалось Землемерное училище.

В настоящее время здание, в котором располагалась контора Копикуза, значится в списке культурного наследия как «Дом акционерной компании Кузнецких каменноугольных копей». Искусствоведы называют его «азбукой модерна», считая лучшим в Омске зданием, выполненным в этом стиле. В здании находится общежитие аграрного техникума.

*Здание конторы
Копикуза – современный вид*

*Мемориальная табличка на здании
конторы Копикуза в Омске*

*Изразцовое панно
на здании конторы
Копикуза в Омске*

Копикуз в Кузбассе

*Главная контора
Кемеровского
рудника,
современное
состояние*

В Кузбассе Копикуз не арендовал, а строил здания — промышленные, административные, жилые. В Кемерове был создан углепромышленный комплекс, состоящий из железной дороги, угольного рудника и коксохимического завода.

На рудничной стороне, на высоком правом берегу Томи, построили главную контору Кемеровского рудника. Здание было возведено из природного камня с использованием монолитных железобетонных конструкций. Рядом построили каменное здание рудничной больницы. Тут же, на самом краю берегового обрыва, возвели жилой дом для управляющего рудником, состоящий из восьми комнат с высокими потолками, ванной и большой закрытой верандой.

Внизу у воды был построен полукруглый бетонный причал для пароходов, возивших уголь по реке. Он играл еще и роль дамбы, спасая от затопления находившиеся за ним штольни.

Все эти сооружения имели живописный вид благодаря тому, что были облицованы пластинами необработанного песчаника, имеющими разный цвет и узор. Широкое использование необработанного песчаника из местных карьеров, который в то время называли «диким камнем», стало особым почерком построек Копикуза в Кемерове.

Еще одной особенностью в строительной

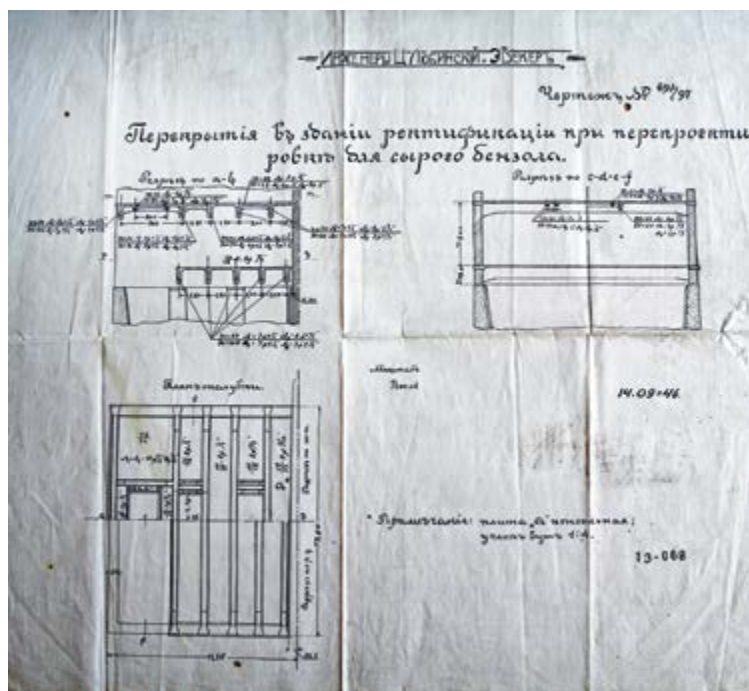
политике Копикуза было применение передовых строительных технологий и нового материала — железобетона. Особенно большой объем этих работ был необходим при строительстве цехов коксохимического завода, заложенного в 1915 году. Для выполнения железобетонных работ правление Копикуза пригласило ведущую в начале XX века томскую строительную фирму «Инженеры Ц. Любинский и Э. Векер». Фирма была создана Цезарем Любинским и Эдуардом Векером в 1905 году и имела в Яшкино свой цементный завод с известковыми печами. По договору фирма брала обязательство все строительные работы выполнить своим материалом.

По словам мастера по кладке коксовых печей Андрея Ефимовича Ломаченко, приехавшего из Донбасса: «Подрядчики Векер и Любинский неподалеку от строительства завода загородили двор размером в квадратный километр, в нем построили хороший сарай по длине двора, в сараях сделали верстаки для вязки арматуры и опалубки, т.к. арматура и опалубка делались заранее и готовые развозились по объектам. После окончания здания опалубка не разбивалась, а аккуратно снималась и свозилась во двор. Там ее разбирали, вынимали гвозди и тес складывали по размерам одна к одной, так что все делалось по-хозяйски, ни гвоз-

Строительный чертеж
коксохимзавода фирмы. Инженеры
Ц. Любинский и Э. Векер

Реклама Копикуза

дик, ни тесинка не пропадали».

В одном комплексе с цехами строилась канатная дорога, предназначенная для перевозки угля с рудника на завод через Томь. На левом берегу сооружалась станция для натяжения канатов, монолитное железобетонное здание цеха угледготовки, в которое должны были входить вагонетки для разгрузки угля. На левом и правом берегах возводились опоры для канатной дороги с бетонными основаниями.

Интересно то, что практически одновременно с работами в Кемерове строительная фирма Любинского и Векера строила в Томске в 1915-1916 гг. железобетонный мост через реку Ушайку. Проект декора моста был выполнен самым известным томским архитектором Константином Константиновичем Лыгиным и стал его последним творением. Железобетонный мост получил наименование Каменный Мост и стал украшением исторического центра города и неофициальным символом Томска.

При строительстве коксохимического завода в Кемерове и моста в Томске использовали в качестве рабочей силы австро-венгерских военнопленных, содержащихся в Томском лагере.

Копикуз вел строительство не только в Кемерове. В Кольчугино были построены железнодорожный вокзал и дом для управляющего

Кольчугинским рудником. Предположительно, его спроектировал руководивший строительством рудника опытный техник Николай Васильевич Садов, работавший с И. И. Федоровичем еще в Донбассе. Дом был двухэтажный с бильярдной и зимним садом, в нем было 20 комнат, столовая на 100 человек, комнаты для приезжающих, каждая с отдельной ванной и туалетом. Во время командировок на Кольчугинский рудник в этом доме останавливался И. И. Федорович.

В Кемерове сохранившиеся постройки Копикуза (главная контора рудника, дом управляющего, пристань, здание Угледготовки) включены в государственный реестр объектов культурного наследия регионального значения.

Дом управляющего рудником в 1920-е годы был отдан под дом приезжих — гостиницу для иностранных специалистов, работавших в Автономной индустриальной колонии «Кузбасс». В дальнейшем в здании находились различные организации. Сейчас в нем размещен музей-заповедник «Красная Горка».

В Ленинске-Кузнецком бывший дом управляющего рудником включен в список памятников истории и культуры регионального значения. В здании находится детская художественная школа №4.

Судьба памятников

*Пристань для пароходов,
современное состояние*

*Здание
углеподготовки
коксохимического
завода сегодня*

В настоящее время сохранившиеся в разных городах здания, связанные с историей и деятельностью Копикуза, признаны объектами культурного наследия. Но многие из них, несмотря на свой статус, медленно разрушаются.

Это не касается зданий в Санкт-Петербурге, находящихся в историческом центре города. Вся его территория была включена в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО в качестве единого объекта «Исторический центр Санкт-Петербурга». Это был один из первых случаев предоставления статуса памятника огромному культурно-природному ландшафту.

В Омске «Дом акционерной компании Кузнецких каменноугольных копей» в 1980 году был поставлен под охрану, о чем свидетельствует табличка на здании. Но никаких мер по его сохранению не предпринимается. Использование здания в качестве студенческого общежития объясняет его состояние. Омские архитекторы опасаются, что через некоторое время город может лишиться этого выдающегося памятника стиля модерн.

В Кемерове все основные сохранившиеся постройки Копикуза тоже признаны историко-архитектурными памятниками регионального значения. Но сохранность обеспечена лишь дому управляющего рудником, в котором размещен музей-заповедник «Красная Горка».

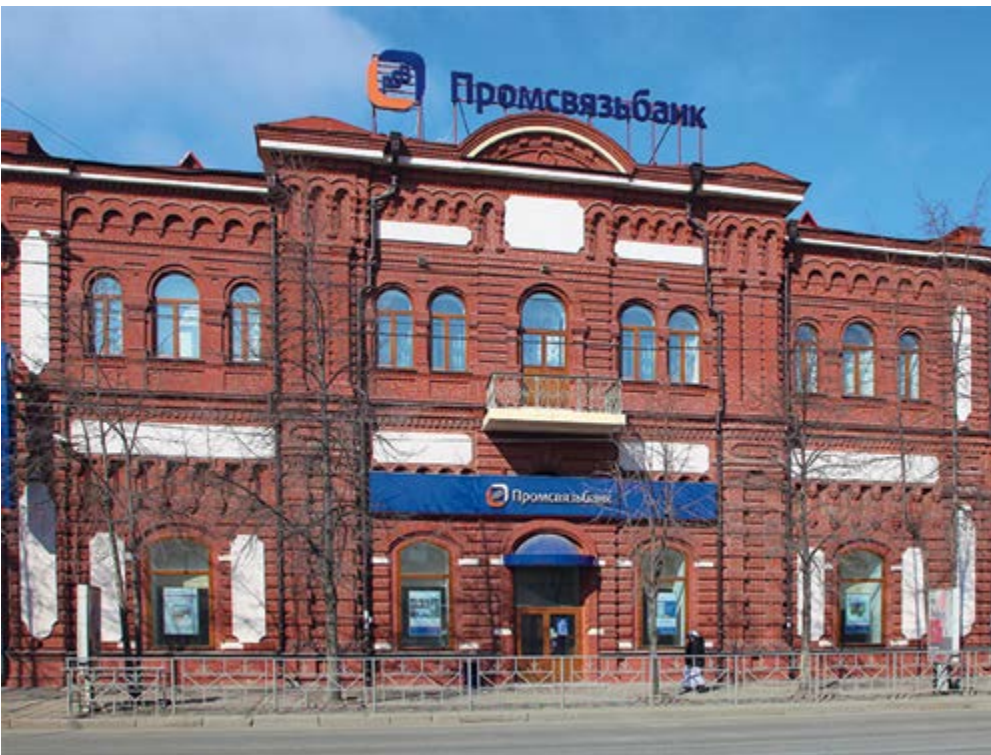
Здание главной конторы рудника находится в частной собственности и в настоящее время выставлено на продажу.

Стоящая в реке пристань постепенно разрушается, и в период ледоходов с нее скалывается облицовка из песчаника.

Уникальное здание Углеподготовки, которое, по мнению голландских архитекторов, достойно быть поставлено под охрану Юнеско как выдающийся памятник индустриального наследия, находится под угрозой уничтожения. Оно находится на закрытой территории действующего коксохимического завода, в настоящее время не используется и представляется помехой для его владельцев.

В Томске положительным примером отношения к сохранению культурного наследия может служить судьба памятника «Торговый дом «Михайлов и Малышев», в котором размещалась томская контора Копикуза.

После того, как в 1976 году томский завод резиновой обуви освободил здание, начался упадок особняка. 30 лет одно из красивейших каменных зданий в центре города простояло в запустении. 22 декабря 1993 г. здание бывших складов торгового дома «Михайлов и Малышев» получило статус памятника архитектуры. Но, поскольку бюджетных средств на его восстановление не было, в декабре 2001 года

Томск.
Здание Промсвязьбанка

Дом, в котором жил
И.И.Федорович

здание было выставлено на торги.

Памятник выкупил «Промсвязьбанк», который искал здание для открытия своего отделения в Томске. Управляющий Томским филиалом ОАО «Промсвязьбанк» Андрей Евгеньевич Сальников сказал: «Нам повезло, потому что пока конкуренция за такие исторические объекты, находящиеся в сложном состоянии, на томском рынке отсутствует. На мой взгляд, идея с реконструкцией архитектурного памятника логично вписывается в миссию банка, и нам удалось совместить высокие технологии и историю города в одном проекте».

Банкиры очень ответственно подошли к работе, которую согласовывали с центром по охране памятников. Поэтому здание было отреставрировано, а не отремонтировано, что чаще всего бывает с памятниками. Даже зонирование внутреннего пространства под кабинеты было произведено с помощью легких перегородок, чтобы сохранить старинные сводчатые потолки.

В 2011 году реставрация была закончена, и старинный особняк с богатой историей стал уважаемым офисом Томского филиала «Промсвязьбанка».

По словам А. Е. Сальникова: «Инвестирование средств Промсвязьбанка в сохранение памятника архитектуры очень ярко демонстрирует намерение банка всерьез и надолго связать

свою судьбу с томским регионом, с региональной экономикой. Мы инвестируем не только в бизнес-проекты, мы ставим перед собой более масштабную цель — процветание Томска».

Очевидно, что остановив свой выбор на торговом доме «Михайлов и Малышев», сотрудники Промсвязьбанка даже не подозревали о том, что это здание связано с деятельностью Копикуза, которая тоже отличалась ответственной социальной политикой. Осваивая необжитые территории, Копикуз строил рудничные и заводские поселки со всей инфраструктурой, содержал в них персонал школ и больниц, финансировал культурную жизнь, опекал семьи ушедших на фронт рабочих.

Сохранив «жемчужину купеческого Томска», Промсвязьбанк продолжил на новом историческом витке традиции меценатства предпринимателей дореволюционной России, которые жертвовали средства на реставрацию и восстановление памятников истории и архитектуры, создание музеев и пр. Остается надеяться, что в Омске и Кемерове тоже найдутся столь же цивилизованные предприниматели, преследующие цель не только зарабатывать деньги, но и оставлять о себе добрую память в местах своей деятельности, подобно Петру Васильевичу Михайлову и акционерному обществу Копикуз.

ВЛЮБЛЕННАЯ В СССР

*Марселла Фис.
Амстердам, 2010 г.*

Когда в 1927 году в Кемерове закрылась Автономная Индустриальная Колония «Кузбасс», многие иностранные участники этого уникального социально-экономического эксперимента остались жить в СССР. В их числе были голландский инженер Коос Фис и его супруга Нэлл.

Это были люди, влюбленные в Советский Союз. Они самозабвенно строили социализм, искренне веря в то, что это и есть путь к счастью. В России у них родились дети – Владимир и Марселла, которых родители воспитали в советском духе, привив им чувство глубокой любви к русскому народу и русской культуре.

Я познакомился и подружился с Владимиром и Марселлой еще в 1980-е годы. Больше всего меня поразило в этих людях то, что вернувшись на свою историческую родину, в маленькую и счастливую Голландию, они продолжали упоенно любить Россию. Рожденные в СССР, они гордо называли себя «советскими голландцами».

В 2011 году на празднование 90-летия АИК «Кузбасс» в Кемерово приехали некоторые потомки голландских колонистов, в том числе и моя давняя знакомая – Марселла. Я взял у нее интервью, которое было показано по местному телевидению, но которое никогда и нигде не публиковалось.

В июне 2019 года из Амстердама пришло печальное известие о кончине Марселлы. Ей было 89 лет.

В память об этом удивительном человеке и тех идеалистах, которые мечтали построить на берегах Томи «Город Солнце», предлагаю читателям альманаха воспоминания Марселлы Фис-Мол о ее жизни в СССР.

*Марселла Фис на празднование
90-летия АИК «Кузбасс»
на «Красной Горке».
2011 г.*

*Владимир
Сушацкий
в гостях
у Марселлы
в Голландии*

*Сувениры
из России
в квартире
Марселлы*

«СОВЕТСКИЕ ГОЛЛАНДЦЫ»

*Нэлл и Коос Фис.
1920-е гг.*

Мои родители были простыми голландцами. Однажды, гуляя по Амстердаму, будучи молодоженами, они оказались около городской библиотеки. На дверях висело объявление о том, что здесь состоится собрание людей, прежде всего — специалистов, которые хотят поехать в далекую Сибирь для того, чтобы помочь молодой Советской республике. Внизу под объявлением стояла подпись: Себастьян Рутгерс.

От нечего делать мои родители решили взглянуть на это собрание. «Давай послушаем, о чем там говорят», — сказал мой отец. Через час они вышли из библиотеки, твердо решив: «Мы едем в Сибирь!»

Это был 1922 год. Мой папа — из рабочей семьи. Мама — из очень набожной протестантской семьи. Домашние были в ужасе: «Вы сошли с ума! Как можно ехать в страну, о которой вы ничего не знаете?» Но мои родители махнули на них рукой и поехали.

По условиям контракта добровольцы, отправляющиеся в Россию, были обязаны обеспечить себя одеждой и продовольствием на два года. И родители вместо того, чтобы приобрести мебель, потратили все свадебные деньги на поездку в Россию.

Папа по профессии — металлург. Тогда он

еще учился. И, оказавшись в Кемерове, он продолжал учиться заочно. Делал письменные работы и отсылал их в Англию.

Мама закончила в Голландии аптекарские курсы. Она была высокой, стройной, светловолосой голландкой. Очень энергичная была, но совершенно не увлекалась политикой.

Сейчас трудно судить о мотивах этих счастливых молодых людей, пожелавших отправиться в Сибирь. В одном из «кузбасских» писем отец писал друзьям из футбольного клуба, членом которого он состоял: «То, что я мог бы рассказать о Сибири, вам это будет неинтересно. Вам интересней читать в газетах о том, что королева Англии упала с лошади, нежели о том, чем я здесь занимаюсь».

Конечно, поначалу родителям было очень трудно привыкнуть к русской жизни. Например, папа был вегетарианцем, и все его родные были вегетарианцами. Кроме того, он вообще не употреблял алкоголь. В жизни не выпил ни одной рюмки. А в России это не принято. Поэтому отец, когда в их кемеровском доме случались застолья, всегда садился спиной к большому фикусу, который рос в бочке возле стола. Он делал вид, что опрокидывает содержимое рюмки в рот, но на самом деле выпле-

*Коос и Нэлл Фис
в своем новом доме на
Красной горке
в Кемерове.
1924 г.*

*Нэлл и Коос Фисы
на Красной горке*

*Семья Фис и Шлагман
в Тайнинке, Подмосковье,
1928 г. Третий слева Владимир
Фис – сын колонистов*

скивал спиртное через плечо на цветок. Иногда папа проливал водку на пиджак, отчего на ткани образовалось белесое пятно.

Я помню рассказ отца о том, как он впервые оказался в рабочей столовой в Кемерове. Там стоял такой сильный запах кислых русских щей и грязных, потных спецовок, что папа едва успел выбежать на улицу. Его вырвало.

Они с мамой долго обсуждали вопрос: остаться в Сибири или вернуться в Голландию? Но все-таки решили: «Мы же не знаем того, что в Кемерове будет дальше. Значит, надо остаться».

У родителей были очень хорошие русские друзья, которые им помогали и которые понимали, как нелегко живется молодым голландцам в Кемерове. Постепенно папа и мама привыкли к новым реалиям, и им даже понравился русский борщ со сметаной. В Сибири папа стал кушать мясо. Мясные блюда сделались главными в повседневном меню моих родителей.

Отправляясь в Сибирь, родители совершенно не знали русского языка. Потом, правда, выучили. Но не совсем. Поэтому мама, которая прожила 93 года, всегда именно меня просила написать поздравления своим русским друзьям, поскольку я закончила в России школу и владела русским языком гораздо лучше, чем она. Сейчас в витринах вашего музея я вижу те самые поздравления, которые были написаны моей рукой.

После закрытия кемеровской колонии родители переехали в Подмосковье, где папа стал работать на вагоностроительном заводе, а мама – в аптеке. Мой брат Володя родился в Мытищах, а я – в Тайнинке. Это Московская область.

Потом папе предложили стать техническим директором первого тракторного завода имени Ленина в Харькове. Мы переехали жить на Украину.

У меня там было много подружек. Володю мальчишки дразнили – «Голландский сыр». Но меня никто никогда не обзывал. Правда, называли меня не Марселкой, а Мурзилкой. Ведь в России есть такой детский журнал, который все дети знают и любят.

Хотя в 1930-е годы в СССР были массовые политические репрессии, я об этом ничего не знаю. Родители – не рассказывали. Папу никто никуда не забирал, он спал дома.

Мы жили скромно. Так как папа был одним из руководителей завода, ему полагался персональный автомобиль. Шофер тетя Соня очень удивлялась тому, что папа всегда отказывался от машины. «Я – не инвалид, – говорил он Соне. – Езжай на завод, ты там нужнее. А я ножками пойду». Он каждое утро ходил на завод пешком. И он был очень строг. В нашей семье было не принято пользоваться привилегиями.

Когда в конце 1941 года харьковский завод эвакуировали на Урал, мы переехали в Ижевск.

Совещание в рабочем кабинете Кооса Фиса. 1930-е гг.

И вот там был такой случай.

У меня совсем износилась обувь. Моя учительница, увидев, что я хожу в школу в каких-то рваных туфлях, сказала: «Марселла, сейчас зима, а ты ходишь почти босая». И она написала записку отцу: «Прошу из заводского директорского фонда выделить Марселле новые ботинки, так как иначе она не сможет посещать школу». Когда же я передала эту записку папе, он очень рассердился.

Дело в том, что у меня, как и у всякой голландской девочки, очень большая ступня. Несколько больше, чем у русских. Мои подружки носили красивую детскую обувь, а я дамскую, 38-39-го размера. По этому поводу я очень сильно расстраивалась, даже плакала. Помню, папа сажал меня на колени и успокаивал: «При сильном ветре те девочки, у кого маленькая нога, упадут, а ты — нет».

Короче, когда папа прочитал записку учительницы, он сказал: «Нет, никакие ботинки ты не получишь. Они нужны моим рабочим, а не тебе. Ты же возьми бутылку водки, — раз в три месяца на заводе папе выдавали бутылку водки, а он же вообще не пил алкоголь, — сходи на базар и поменяй водку на резиновые галоши. Наденешь теплые носки и будешь ходить в галошах». Так я и сделала.

У меня дома, в Голландии, и сегодня в прихожей рядом с зонтиками стоят маленькие сувенирные галоши. Это моя память о детстве.

Мама в годы войны работала в госпитале, в котором лечились люди с челюстными ранами. Мне было 12-14 лет, и я туда часто бегала, помогала маме.

Я видела, как раненым делали новые носы, губы, щеки. Врачи оттягивали мышцы и кожу на плече пациента и потом «лепили» из этого лицо. Лечение было долгим. Раненые находились в госпитале около двух лет.

Кроме солдат там лечили и детей, которые попали под бомбежку во время эвакуации. Хорошо помню, как раненые солдаты однажды встали у операционного зала, где находился искалеченный ребенок, и сказали хирургу: «Только попробуй его не спасти».

Этого я тоже никогда не забуду.

Мама получила советскую медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Но Фис Фермер Петронела Ивановна, — так значится имя моей мамы в удостоверении, — трудилась не только в госпитале; она вместе с русскими женщинами копала окопы, ночью дежурила у зенитных прожекторов.

Папа день и ночь был на заводе. Спал в кабинете. Я знаю, что если кто-то из рабочих не мог по какой-то причине быть на работе, папа шел в инструментальный цех и вставал к станку. В 1943 году он заболел менингитом. В то время пенициллин еще не применялся. Папу положили в больницу, где он и скончался от воспаления легких.

Удостоверение к медали.
Нэлл Фис

Никогда не забуду похороны папы. Хоронили совсем не так, как в Голландии. Гроб находился на открытом кузове грузовика. Никаких родных кроме нас не было. Были только сослуживцы, человек сто или больше. Когда процессия подошла к воротам завода, из цехов вышли проститься рабочие в грязных спецовках. Пойти на кладбище они не могли, — им надо было работать.

И тут я увидела, как к процессии присоединилась большая группа людей в белых одеждах. Это были раненые из госпиталя и медперсонал. Они шли за машиной и по пути на кладбище рвали полевые цветы на обочине, чтобы потом положить эти цветы на могилу.

После окончания 9-го класса я получила аттестат о полном среднем образовании. Причем досрочно и исключительно благодаря классному руководителю Татьяне Федоровне. Это она привила мне любовь к русскому языку.

* * *

Летом наш класс отправлялся в деревню, где мы собирали в поле колоски, оставшиеся после жатвы. С тех пор у меня на всю жизнь осталась любовь к вашему слову «хлебушек».

Вообще-то в русском языке есть много прекрасных слов. Если вы хотите воды, вы говорите: «Дай водички». Если — хлеб, то: «Дай хлебушек». Вот эти милые слова вы считаете нормальными. Но для меня они совершенно ненормальные.

Когда мои родители в 1922 году прибыли в Петроград, то первое слово, которое они услышали на русском языке, было «хлебушек». Это слово произносили дети-беспризорники: маленькие, грязные, сопливые. «Дайте на хлебушек», — умоляли они, протягивая свои худенькие ручки.

Мои родители только-только поженились и они не понимали: почему о несчастных и голодных детях никто не заботится? И тогда мама и папа сняли с пальцев золотые обручальные кольца и передали их в детский дом. Так поступили и другие колонисты, которые прибыли в Россию вместе с моими родителями.

Так что у меня нет мамино обручального кольца. Дочь не получила наследство.

Когда я жила в России, слово «хлебушек» для меня очень много значило. Помогая маме в госпитале, я часто по просьбе раненых писала письма их родным и близким. У меня был красивый почерк, — я даже стенгазеты оформляла. А за написание писем раненые бойцы меня хлебом подкармливали. Зайдешь к ним в палату, и кто-нибудь скажет: «Марселла, сними пальто. Сядь. Вот тут в бумажке завернуто. Ты это скушай!» Я была ужасно худая, — одни глаза.

Однажды я пришла в госпиталь, и один больной говорит: «Марселла, я сочинил для тебя стих». Это был стих о хлебе, совсем короткий, но очень правильный. Смысл простой: семью объединяет хлеб. Я помню это стихотворение наизусть.

*Дома кончилась мука.
Баба гонит старика:
«Ты, старик, не ленись,
Ты, старик, шевелись.
Я ворожаю горшки,
Переворачиваю мешки.
Не ты, не я,
А вся семья».*

Вот такой простой стих, который написал молодой парень. Ему было года 23-24. У него было что-то с губами. Все лицо в шрамах. Имени его я не знаю. Когда он выписывался из больницы, то подарил нам с мамой листок

со стихом и сказал: «Никогда не забывайте, что самое главное в жизни — это хлебушек».

* * *

Когда мы жили в Харькове, мы дружили с голландской семьей, и у них была дочь по имени Вера. Эти люди не работали в Кузбассе, и каким образом они оказались в Харькове — я не знаю. Вера была на один год старше меня. Родители учили дочку голландскому языку. Ее мама прекрасно играла на рояле.

Когда началась война и немцы дошли до Харькова, Верина мама особо не волновалась. Она решила остаться в городе, потому что думала, что с ней и с ее семьей ничего не случится, ведь она хорошо говорит по-немецки. Думала, что найдет машину и уедет в Голландию. Эти люди поступили очень легкомысленно, отказавшись эвакуироваться с заводом в Ижевск. Они переехали в нашу квартиру, где мы оставили свои халатики на двери и шлепанцы под кроватью.

Верину маму, так как она была еврейкой, немцы арестовали на второй день оккупации. Кто-то настучал. Вериного отца тоже забрали, хотя он был голландец, а не еврей. Его отправили в концлагерь. Двенадцатилетняя Вера осталась одна. Она бесцельно бродила по Харькову, не зная, что делать и как дальше жить. Спустя несколько дней девочка пришла в харьковскую тюрьму и попросила передать маме чистое белье. Приемщица, показав пальцем на небо, сказала ей: «Мамы нет. Мама наверху!» Спустя какое-то время Веру тоже арестовали и отправили в концлагерь Аушвиц (Освенцим).

Пока шла война, мы ничего не знали о судьбе наших друзей. Но в конце 1944 года мы переехали жить в Москву. Маме предложили поработать в институте иностранных языков в качестве преподавателя голландского языка. Советская армия освобождала военнопленных из немецких концлагерей и требовались переводчики для того, чтобы отправлять людей на родину: кого-то в Голландию, кого-то во Францию, кого-то в другие страны.

И вот однажды к нам домой приходят шесть маминих студентов с букетом цветов, сорванных во дворе, и говорят: «Сегодня, Нэлли Яновна, мы покидаем Москву, и каждый из нас поедет в концлагерь». А через несколько дней мама вдруг получает телеграмму от одного из них, Григория Леонова. В телеграмме было написано примерно следующее: «Уважаемая Нэлли Яновна, когда я приехал в Аушвиц, где

находилось много евреев, я нашел голландскую девочку, которая не захотела возвращаться в Голландию. Она плачет и говорит, что не хочет ехать к бабушке и дедушке, которых она никогда не видела. А родителей у нее нет. Она говорит, что хочет к тете Нэлли, Володе и Марселле». И далее в телеграмме: «Уважаемая Нэлли Яновна, вы знаете такую девочку? Ее зовут Вера».

В тот вечер мама посадила нас с братом за стол, на котором лежал хлеб, и сказала: «Марселла, Володя. Каждый из вас кушает по три кусочка хлеба в день. Но когда придет Вера, то вам достанется только два кусочка».

И опять этот хлебушек. Вот о чем речь.

Вернувшись из концлагеря в Москву, Вера вела себя как дикарка. Она боялась переходить улицу и вцеплялась в мою руку так, что у меня на коже оставались следы от ее ногтей. У Веры с детства был паралич, и она могла передвигаться только с помощью костыля. Ходить было неудобно. Мы решили заказать и подарить Вере протез на восемнадцатилетие. Мама постаралась, и мы преподнесли Вере это столь нужное ей приспособление. Для несчастной девушки это был самый большой подарок в жизни. Мы не стали выбрасывать старый костыль, мы его просто сожгли на Вериных глазах.

А через несколько дней после сожжения костыля мы получили письмо из Голландии. Оказывается, Верин папа жив! После концлагеря он вернулся домой. Ему был известен адрес нашей бабушки, и он решил увидеться с ней, чтобы разузнать что-нибудь о своих харьковских друзьях, то есть о нас. Он сел на велосипед и проехал 22 километра до того места, где жила наша бабушка.

Отец Веры, которого звали Герард, рассказал нашей бабушке, что он остался один-одинешенек и что у него нет ни жены, ни дочки, никого.

— Нет, Герард, дочка у тебя есть! — сияя, воскликнула наша бабушка.

— Как есть?

— Твоя дочка живет у Нэлли в Москве. И скоро Нэлли со своими детьми вернется в Голландию. Попроси Нэлли, чтобы она взяла с собой и твою дочку!

Вера прожила долгую жизнь. Она часто говорила о том, что у нее кроме меня никого нет. Говорила, что если мы останемся одни, то будем жить вместе как сестры, спать в одной постели, под одним одеялом, как это было до войны.

Нэлл Фис в гостях у кемеровских пионеров. 1966 г.

**КРАСНАЯ
ГОРКА**

Статья о Марселле Фис в газете «Московский комсомолец»

Вера умерла года полтора назад. Извещение о ее смерти получила только я, — других родных и близких у нее не было.

* * *

Мы переехали жить в Голландию в 1947 году. В то время все иностранцы хотели вернуться на родину. И мама тоже хотела. Ведь ей было очень трудно, особенно после смерти папы. Но я думаю, что она все-таки хотела просто съездить в Голландию погостить, увидиться с родственниками, отдохнуть, а потом вернуться в СССР. Она и в самом деле считала, что ее дом — это Советская Россия. За 25 лет она стала русской и стала думать по-русски. И юмор у нее был тоже русский. Первое время наши родные не совсем понимали смысл того, что говорила их обрусевшая родственница.

Перед переездом в Голландию мне казалось, что когда я ступлю на землю предков, родственники будут очень рады меня видеть. Но оказалось иначе.

Так как я приехала из Советского Союза, то люди относились ко мне настороженно и как-то брезгливо. Словно у меня была какая-то зараза, какая-то болезнь. Эти люди боялись, что не смогут получить работу, потому что контактируют с человеком, приехавшим из Советского Союза. Таковы были реалии холодной войны.

Например, был такой случай. Когда мы получили первую квартиру, наша соседка по лестничной площадке сказала маме: «Нэлли, ко мне вчера приходили люди, просили сдать в аренду комнату, смежную с вашей квартирой. Они хотят вас прослушивать».

Вот так к нам и относились на родине. Вы думаете, что это только у вас в России людей «слушали»? Нет, это было и у нас в Голландии.

Или вот вам еще один пример. Моего сына Василия забрали в голландскую армию. Но он не хотел служить. Как вы думаете, что делал Вася, чтобы его демобилизовали?

Он брал у меня газету «Правда» или «Известия» и, не умея читать по-русски и вообще не зная русского языка, лежал в казарме на кровати и делал вид, что по утрам он привык читать советскую прессу. Через три месяца он был дома.

* * *

Оказавшись в Нидерландах, я не умела говорить, читать и писать по-голландски. Пришлось учиться, ходить к репетитору. Потом я поступила в университет на славянский факультет.

Я училась у профессора Беккера, немецкого эмигранта из России. Он прекрасно владел русским языком и освободил меня от контрольных работ по русскому языку. На занятиях сокурсники старались сесть ко мне поближе, чтобы списывать. Но строгий профессор всегда усаживал меня рядом с собой, чтобы никто не подглядывал.

Однажды он спросил меня: «Как вы относитесь к стихам Маяковского?»

Ну, как я отношусь? Я вообще люблю вашу литературу. Особенно Некрасова, его стихи о русской женщине, о крестьянских детях, о природе. «Нет безобразья в природе!» — писал он. У меня и дипломная работа была посвящена как раз поэзии Некрасова.

После окончания университета я получила приглашение поработать переводчиком в обществе «Нидерланды — СССР». В России подобная организация называлась «СССР — Нидерланды». У вас этим обществом руководил знаменитый шахматист Михаил Ботвинник, а у нас — знаменитый шахматист Макс Эйве.

В Голландию часто приезжали творческие люди, ученые, нередко — детские делегации. Работы было много, а ведь у меня была семья: муж и два сына.

Но, как гласит голландская поговорка, «одноглазый человек тот, который знает только один язык, то есть родной. А тот, кто знает несколько языков, он — уже король». Так что я, зная русский и голландский языки, чувствовала себя королевой.

Больше всего мне нравилось работать с выдающимся российским музыкантом Мстиславом Растроповичем. Он являлся близким другом нашей королевской семьи, и королева Беатрикс часто приглашала его во дворец на свои домашние концерты.

Иногда, если ему было скучно сидеть в гостинице, — а это было еще до Галины Вишневской, — он звонил мне и запрашивался на экскурсию или ужин с советскими туристами, с которыми я в этот день работала. Но я никогда не говорила этим туристам, что к ним присоединился Растропович.

Всем женщинам, которые сидели с ним за одним столом, музыкант дарил маленькие конверты с подарком. Носовой платочек или еще что-нибудь. Обязательно — что-то красивое. Растропович немного заикался, но ему нравилось во время застолья петь русские песни. Все были просто в восторге от его очень эмоционального пения.

Еще я очень хорошо знала Сергея Михалкова. Он приглашал меня на пасху домой кушать блины с черной икрой. Жил он неподалеку от Большого театра.

Кукрыниксы рисовали меня во время экскурсии в амстердамском музее, где я им показывала «Ночной дозор» Рембрандта.

Часто я работала с вашими мастерами балета. Хорошо знала Галину Уланову, которая много сделала для того, чтобы открыть театр музыки и балета в Амстердаме. Я была главным переводчиком у нее.

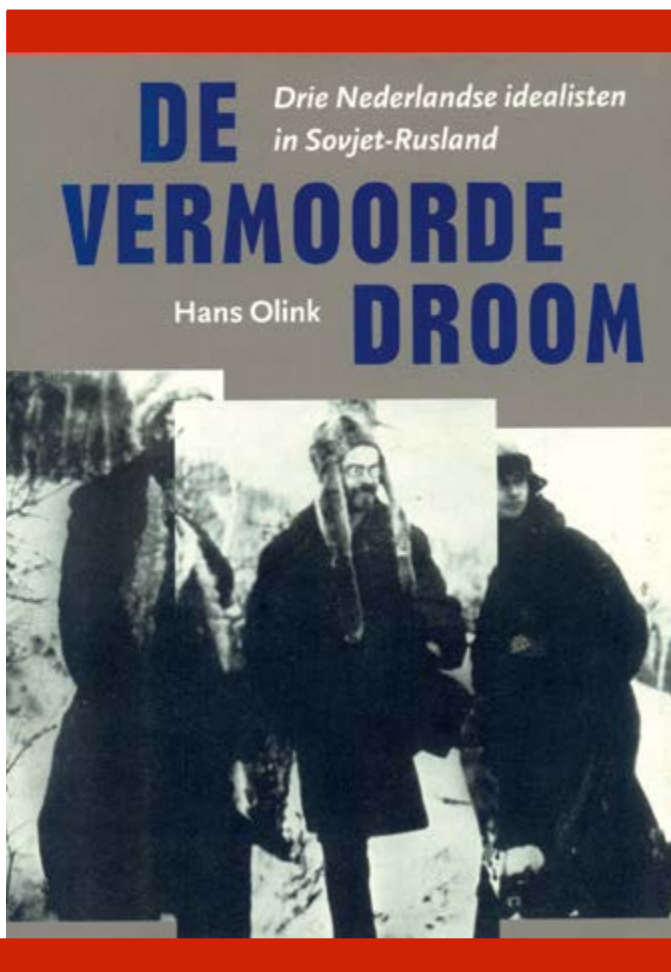
Мне посчастливилось работать со многими выдающимися людьми. И все это благодаря вашему «могучему русскому языку», который стал для меня родным.

Кстати, в моей семье принято называть детей русскими именами. Моих сыновей зовут Василий и Андрей. Внуков — Александр, Ирина и Михаил. Конечно, по крови мы — голландцы, но во многом — мы русские. Или, если хотите, советские. Лично для меня это одно и то же...

*Кемерово,
ноябрь, 2011 г.*

УБИТАЯ МЕЧТА

DE VERMOORDE DROOM

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ
ПРЕДЛАГАЮТСЯ
НЕСКОЛЬКО ОТРЫВКОВ
ИЗ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ
КНИГИ ХАНСА ОЛИНКА
«УБИТАЯ МЕЧТА: ТРИ
НИДЕРЛАНДСКИХ
ИДЕАЛИСТА В
СОВЕТСКОЙ РОССИИ»

(DE VERMOORDE
DROOM: DRIE
NEDERLANDSE
IDEALISTEN IN
SOVJET-RUSLAND.
AUTHOR, HANS OLINK.
PUBLISHER, NIJGH & VAN
DITMAR, 1993).

КНИГА НАХОДИТСЯ
В АРХИВЕ МУЗЕЯ-
ЗАПОВЕДНИКА
«КРАСНАЯ ГОРКА».

«Novy mir postroim» — это были первые русские слова, которые мне довелось выучить. Я тогда навещал одного старика в доме престарелых: «Смотри, голландские сумасшедшие!» — засмеялся он, показывая мне фотографию, с которой на меня смотрели молодые мужчины и женщины. Оказалось, что фотография эта была сделана в 1923 году в самом сердце Сибири. Мы стали листать альбом дальше, и перед нашим взором проносились маленькие черно-белые, с зубчатыми краями фотографии людей, одетых в тяжелые длинные шубы и большие

меховые шапки. Они стояли на снегу, сидели в санях, запряженных лошадьми. Мой собеседник тоже был среди них. «Это я — с козлиной бородкой. Просто вылитый Троцкий, правда?» — он рассмеялся. Ему было трудно серьезно говорить о том, что он считал «юношескими забавами»: «Да мы были просто чокнутыми: кто бы по доброй воле отправился в Сибирь?» Но нет: на самом деле это был хорошо обдуманый поступок. Он поехал в Сибирь, чтобы строить новый мир — «новый мир построим!» Он совершенно забыл русский язык — кроме этих трех слов.

Hans Olink (1949), historicus en journalist, reisde in de (voormalige) Sovjetunie van Moskou tot Vladivostok. Door archiefonderzoek in Nederland en Rusland en door tientallen gesprekken met betrokkenen en hun nazaten weet hij het leven en de idealen van de hoofdpersonen trefzeker en spannend te reconstrueren.

Ханс Олинк (1949г.р.) – нидерландский писатель-публицист, автор многочисленных биографий и исторических очерков. Первый раз Ханс Олинк попал в Россию еще в 1986 году и с тех пор, очарованный ее людьми и историей, объехал вдоль и поперек. Итогом стали несколько документальных книг, одна из которых посвящена биографиям трех голландцев – Себальда Рутгерса, Дирка Шермергорна и Тейса Виссинга. Все они попали в Советскую Россию в первой трети XX века, и жизни их сложились по-разному, однако судьбы Рутгерса и Шермергорна оказались связаны с проектом АИК Кузбасс...

Этот старик из дома престарелых в Арнеме неоднократно упоминал имя некоего Себальда Рутгерса. Имя это было мне в ту пору неизвестно, ведь в учебниках истории оно не упоминается. Даже в мемуарах некоторых голландских коммунистов о Рутгерсе почти ни слова. Сам Рутгерс давно умер, и старик посоветовал мне навестить его сына. Так я попал в Ниу-Лосдрехт. Там, на берегу одного из многочисленных маленьких озер, живет Ян Рутгерс. Ему уже восемьдесят восемь лет, но он все еще статен и красив. Покуривая трубку, он с уважением рассказывает мне о своем отце и тех идеалах, которые тот пытался воплотить в жизнь в Сибири. «Он двигал историю. И пусть все вышло не так, как он надеялся, но все, что он делал, было не зря», – говорит Ян Рутгерс. «Мой отец, – добавляет он, – в какой-то степени тоже обманывал сам себя. Вот что означает быть идеалистом». Его отец пытался создать в Сибири международную колонию, где коммунизм должен был реализоваться на практике. Ян Рутгерс приезжал к отцу дважды, и даже в паспорте у него стояла специальная печать. «В ней говорилось, что мой отец был другом Ленина», – смеется он. В первый раз Ян Рутгерс отправился в Сибирь в 1925 году. Он был в восторге – и не только от тарелок из царского сервиза, которые ему пытались продать по до-

роге и на которые у него, к сожалению, не было денег. Его восхищала царившая в АИК атмосфера товарищества. Однако когда два года спустя он вернулся в Сибирь, то не обнаружил там и следа прежнего энтузиазма. Атмосфера братства исчезла – на смену ей пришли коррупция и бюрократия.

Разочарованный, Ян Рутгерс вернулся домой, навсегда исцелившись от каких бы то ни было коммунистических симпатий. С тех пор его связь с родителями резко ослабла. А когда Ян занялся предпринимательской деятельностью, этот разрыв только увеличился. В течение многих лет Ян не виделся с родителями. Ему казалось, что они презирали его за отсутствие благородных идеалов. Из-за этого у него развился комплекс неполноценности, от которого он избавился, только когда после Второй Мировой стал директором Департамента по реконструкции Роттердама. Только тогда он почувствовал, что делает что-то для людей, а не просто преследует материальную выгоду. В последние годы жизни родителей они снова начали общаться. Но Ян Рутгерс так и остался в своей семье белой вороной. Когда Себальд и Барта Рутгерсы скончались, разделом их имущества занималась подруга, разделявшая их политические взгляды. Ян до сих пор переживает, что ему не досталось ничего из личных вещей родителей. Но он ни за что не поступил-

ся бы своими либеральными взглядами. «Капиталисты, которых так презирали мои родители, на самом деле очень милые люди», — смеется он, и когда я прощаюсь с ним, протягивает мне сложенную вчетверо записку. На ней я обнаружил шесть стихотворений-хайку. Мой взгляд сразу же упал на последнюю строку:

«Старик оглядывается назад»
О муки совести!
Сколько всего я сделал не так,
но что я мог знать — тогда?

В Вене скоро пройдут выборы. На улицах на меня с плакатов бесстыже смотрит Вальдхайм — так, как будто нет у него никакого фашистского прошлого. А ведь именно из-за фашизма в тридцатые годы Гертруда Рутгерс, младшая сестра Яна Рутгерса, бежала из Вены в Советский Союз, к родителям. Еще будучи студенткой, она выступала против фашизма. Венская полиция провела у нее домашний обыск и нашла нелегальные листовки. Ее приговорили к условному тюремному заключению. Ее муж Карл Тринчер подвергся нападкам из-за своего еврейского происхождения. Почти полвека спустя разочарованные Трюс Рутгерс и Карл Тринчер вернулись в Вену — научный труд Карла оказался запрещен в Советском Союзе. «Для моего тестя Себальда коммунизм был связан с идеалом, самопожертвованием, скромностью, любовью к людям, солидарностью», — говорит Карл. «Мой отец не зря ездил в Советский Союз», — упрямо повторяет Гертруда Рутгерс: «Он был настоящим идеалистом».

Москва, июнь 1986 года. Впервые в жизни я ступил на русскую землю. В международном аэропорту Шереметьево-II меня не встретил обещанный переводчик. Это что, новый политический курс в действии? Очень интересно. Мне всегда говорили, что в Советском Союзе иностранец и шага самостоятельно ступить не может, и вот теперь я здесь один и совсем не знаю, что делать. В растерянности я бесцельно слоняюсь по скудно освещенному аэропорту. Уже десять часов вечера, снаружи совсем темно, и я раздумываю, где мне провести ночь.

Я выхожу на улицу, чтобы поймать такси.

Водитель смотрит на меня так, будто говорит: чего тебе надо? «Отель», — призываю я в надежде, что это слово на русском языке означает то же самое. «Отель... Центр...», — добавляю я снова. «Njet», — отрезает водитель. Но продолжает смотреть на меня. Внезапно я понимаю его. «Доллар», — говорю я. Он кивает. Я все еще сомневаюсь, а стоит ли мне платить долларами. В конце концов, в самолете я уже заполнил миграционную карту и указал, сколько у меня с собой денег, и, насколько я знаю Советский Союз, перед отбытием мне придется составить финансовый отчет. Что же делать? Заплатить ему долларами? Но ведь никакого чека я не получу. Но другого решения я не вижу, и черная «Волга» ныряет в темноту.

Таксист молчит. Мы в пути уже полчаса, но до сих пор вокруг ничего, похожего на цивилизованный мир. Я понятия не имею, куда он меня ведет. Если он работает на КГБ, то разве не должен доставить меня напрямую в КГБ? Тут в темноте, наконец, загораются окна жилых домов. Водитель оглядывается на меня. Он указывает пальцем вниз. Что это может означать? Я молчу. Через четверть часа он повторяет свой жест, машина слегка притормаживает. Я выглядываю в окно и вижу большое здание. Где это мы? Тут до меня доходит, что это отель и что водитель, видимо, пытается спросить меня, должен ли он остановить машину. Я оцениваю ситуацию. Нет, вокруг как-то подозрительно пусто. Я показываю вперед, и он снова давит на газ. Я знаю, что мне надо в центр, а здесь что-то не очень похоже на центр. Немногим позже он останавливается на парковке и жестами показывает, что мне пора выходить. «Белград» — написано большими буквами на крыше отеля, и я даю водителю пачку «Мальборо» в благодарность за то, что он не сдал меня в ближайший же офис КГБ.

В отеле для меня находится свободная комната. Консьержка сурово смотрит на меня. «Хорошо, — говорит она наконец, — я позволю на кухню, и вас покормят». Мгновение спустя я уже блуждаю по почти безлюдному залу ресторана, рассчитанного на добрую сотню столиков. До меня доносятся приглушенные голоса и хихиканье, и только потом я замечаю за одним столиком силуэты четырех человек. Материализовавшийся рядом официант усаживает меня, к моему удивлению, не куда-нибудь, а за соседний с этой компанией столик. Компания притихла и с любопытством разглядывает

меня. Что это за странный обычай, гадаю я. Почему официант так нерационально использует пространство зала?

Разговор за соседним столиком возобновляется с новой силой. Я ничего не понимаю, но чувствую, что говорят обо мне. Мужчина спрашивает, говорю ли я по-английски. Я киваю, но без особого энтузиазма. Человек не успокаивается и спрашивает, не хочу ли я присоединиться к ним. «Водка», — добавляет он многообещающе. И прежде чем я успеваю что-либо понять, мы уже поднимаем бокалы за Запад. Его спутницы — женщины лет двадцати-двадцати пяти. Мужчина представляется Игорем. У меня есть джинсы? Нет. А сигареты? Я даю ему пакет «Мальборо», а он подливает мне и шампанское, и водку. «Что еще у меня есть?» — выпытывает он. Я молчу. Изумление в его глазах велико. «У меня хороший курс», — настаивает он. Я начинаю задумываться, как бы мне покинуть ресторан и сохранить при этом лицо. Внезапно меня осеняет мысль. Я говорю, что мой переводчик ждет в фойе и мне пора идти. Игорь протестует, говоря, что мы теперь друзья и всенепременно должны выпить еще, но я остаюсь непреклонен и покидаю ресторан.

Когда я открываю дверь в свой номер, звонит телефон. Это Владимир, мой переводчик. Не извинившись за то, что не встретил меня в аэропорту, он сообщает, что приедет завтра в девять. Днем в пять часов мы летим в Сибирь, добавляет он. Я в замешательстве. Как он меня нашел? Когда я спрашиваю, он загадочно смеется. Я все еще должен привыкнуть к тому, что не на каждый вопрос есть ответ.

Той ночью мне снится Себастьян Рутгерс. Вместе мы путешествуем по Советскому Союзу — шестьдесят пять лет спустя после того, как он приехал в эту страну в первый раз. Он молча сидит на заднем сиденье такси и только посмеивается, когда я описываю ему сцену в ресторане. Я спрашиваю его, почему он все время молчит. «А где же, — спрашиваю я, — гордые сыновья и дочери страны рабочих и крестьян?» Он некоторое время раздумывает. Затем с улыбкой отвечает: «Люди еще не готовы к социализму». «Да когда уже настанет этот момент?» — допытываюсь я. Но Рутгерс уже исчез. Сон превращается в кошмар, и вот уже за мной гонятся фарцовщики, которым нужна моя одежда. Я сворачиваю за угол и оказываюсь в тупике, они уже совсем рядом... Кошмар заканчивается так же внезапно, как и начался.

На следующее утро я иду в гости к внукам Рутгерса — трем советским гражданам. Место встречи — скромная квартирка в юго-западном районе Москвы, где до 1979 года жили их родители, Трюс Рутгерс и Карл Тринчер. Юстин Карлович (51 год) и Владимир Карлович (47 лет) Тринчеры, как и Петр Рутгерс (50 лет), сын пропавшего во время войны Вима Рутгерса, брата Трюс и Яна, разговаривают со мной без особой охоты. Владимир — ученый-математик, а Юстин работает инженером на строительстве атомных электростанций — на так называемую «оборонку», поэтому они должны быть осторожны при контакте с иностранцами. Они говорят, что едва знали своего дедушку Себастьяна. Они впервые увидели его только в пятидесятые годы, когда ему было уже за семьдесят. «Он подарил каждому из нас часы на память», — говорит Юстин. Но, разумеется, родители много рассказывали им о дедушке и бабушке. Все они согласны с тем, что дедушка был выдающейся личностью и «посвятил свою жизнь человечеству». Разговор не клеится.

Кемерово, как и все другие сибирские города, мрачен и сер. Бесконечные ряды жилых домов, должно быть когда-то были белыми и яркими. На оконных рамах — свежая краска, но стены покрыты сажей. На открытках с видами этого города, в котором проживает полмиллиона человек, изображены статуи, площади и парки всех цветов радуги — такие же отретушированные, как багровое пятно на лбу Горбачева. Город пересекает шестиполосный десятикилометровый проспект Ленина; под мостом, соединяющим высокий берег с низким, плавно течет Томь, приток Оби. Кемерово — центр угольной промышленности Кузнецкого бассейна и столица Кемеровской области. Город окружен угольными шахтами. В центре города стоит статуя Михаила Волкова. В 1721 году он обнаружил большие залежи угля на скалистом берегу Томи. Тогда уголь еще добывался открытым способом. Позже франко-бельгийская горнодобывающая компания «Копикуз» получила здесь концессию и заложила систему шахт. Когда в 1917 году вспыхнула революция, «Копикуз» прекратил свое существование. Шахты оказались заброшены на несколько лет, пока весной 1922 года на высокий берег не высадился весьма живописный десант: это были пер-

вые иностранные колонисты, завербованные по инициативе Себальда Рутгерса, чтобы возродить угольную промышленность. Но шестьдесят лет спустя угольная промышленность снова в опасности.

Однако коксохимический завод на левом берегу, который был введен в эксплуатацию в 1924 году, превратился в один из крупнейших в Советском Союзе, и там трудятся три тысячи рабочих. Производство получило дополнительный импульс к развитию, когда во время Второй мировой войны, которую в Советском Союзе называют «Великой Отечественной», тяжелая промышленность была эвакуирована за Урал. Вскоре после войны газета «Правда» написала, что коксохимический завод внес важный вклад в победу Советского Союза и был награжден орденом Ленина. Директор Леонид Семякин очень гордится этим орденом. Он показывает мне постоянную экспозицию заводского музея. Между портретами героев Великой Отечественной войны и труда висит и портрет Себальда Рутгерса. Семякин хвалит его как талантливого человека с огромным трудовым энтузиазмом. Он задумывается, когда я спрашиваю, хотел бы он работать под руководством Рутгерса: «Он заставлял своих сотрудникам много работать, но и производительность при нем была высокая, а именно к этому мы и стремимся».

В прошлом уголь по канатной дороге перевозился через реку с высокого берега на коксохимический завод, расположенный на низком берегу. Когда шахты, которыми руководил Рутгерс, были выработаны, коксохимический завод стал получать уголь с других угольных шахт Кемерово. Бывший комплекс АИК заброшен, но все еще цел. Его головной офис — большое каменное здание — переделан в школу швейного мастерства. Учительница-швея, молодая женщина с потрясающе красивым и открытым лицом, протягивает мне букет красных тюльпанов. Тюльпаны посреди Сибири! Это сон? Онемев от удивления, я с трудом выдавливаю из себя несколько слов благодарности.

В бывшем доме Рутгерса теперь детский сад. В бывшей гостиной установлен стеллаж с пронумерованными горшками, и учитель детского сада с энтузиазмом рассказывает, как дети могут без труда найти свой горшок.

В нескольких сотнях метров от Томи, в окружении кустарников и невысоких деревьев, все еще сохранились деревянные дома. Они

были построены архитектором Ван Лохемом, рассказывает директор швейного училища. «А в Нидерландах-то про него знают?» — спрашивает она. Эти дома находятся на узкой дороге, которая расположена перпендикулярно двухкилометровой улице Рутгерса, засаженной двумя рядами деревьев. За деревьями стоит музыкальная школа им. П. И. Чайковского. На входе табличка: «Эта улица названа в честь Себальда Юстинуса Рутгерса, голландского коммуниста, пылкого интернационалиста и организатора колонии АИК Кузбасс (1879-1961 гг.)».

В своей мастерской на окраине Кемерово художник Алексей Голков работает над картиной, на которую его вдохновила история АИК. Большой холст размером пять на три метра изображает встречу Рутгерса и Билла Хейвуда, предводителя американских колонистов. На другом холсте — Рутгерс, Куйбышев и Ленин, пока еще просто грубые наброски, сделанные древесным углем. На полу разложена красно-синяя мозаика — портрет Рутгерса. Голков говорит, что его привлекает идея международной солидарности, и в Рутгерсе он видит ее воплощение. «Рутгерс для меня не абстракция, — говорит он. — В его жизни я вижу прямые и ломаные линии: прямая линия представляет его работу, ломаная — отношения с семьей». Мы выпиваем по рюмке водки за мир во всем мире и закусываем грибочками.

Евгения Кривошеева, профессор исторического факультета Кемеровского университета, которая специализируется на истории АИК, ведет меня на свой факультет. Она тщательно подготовилась к нашей встрече. На столе разложены русские переводы трудов голландских авторов. Исторический атлас открыт на карте шестнадцатого века, где изображены завоевания Вильгельма Оранского. «Он был первым в мире буржуазным революционером», — говорит Кривошеева. «А Рутгерс?» — спрашиваю я. «Он был рыцарем на страже идеалов», — без колебаний отвечает она. Она показывает мне вырезку из «Правды», в которой есть статья по случаю столетия со дня рождения Рутгерса. «Рыцарь» там представлен как «преданный друг Советского Союза», которого «высоко ценил Ленин».

Что я искал в Сибири? Почему я отправился в регион, который известен только своими суровыми зимами и лагерями? Это вопрос, ко-

торый я часто себе задавал. Все дело в смысле жизни. В жизнях неизвестных людей, чьи имена не вошли в учебники истории. Людей, которые, казалось бы, не сыграли никакой существенной роли. Перефразируя Джорджа Стайнера, можно сказать, что если спросить человека о смысле его жизни, он расскажет вам ее историю. Эти жизненные истории составляют основу этой книги. Я говорил со многими людьми — кроме трех главных героев. Они уже умерли. Но я сомневаюсь, что они многое бы рассказали о своей жизни. У них было слишком много секретов.

Стоял погожий день 24 июля 1918 года. Легкий ветерок не спасал от летнего зноя. Трюм японского парома был набит пассажирами, которые ютились между своими же чемоданами и тюками. Себальд Рутгерс стоял у перил. Очертания побережья Сибири становились все четче и четче. На душе у него было беспокойно. Что ждало его впереди? А его жену и двоих сыновей, которые сейчас жмутся друг к другу в трюме? Он подумал о семилетней дочери Трюс, которую им пришлось оставить в Иокогаме на попечение знакомого голландца. Правильно ли они с Бартой поступили?

Сейчас он на стыке двух миров. Вот-вот начнется новая жизнь. Жизнь, которая, как он надеялся, будет гораздо более осмысленной и полезной; жизнь, которая будет служить только одной цели — строительству нового общества. Сколько же трудностей ему придется преодолеть, чтобы ее достичь? Одно было ясно: через час он впервые в жизни ступит на русскую землю, и этого события он ждал уже много лет. И, что еще более важно, ему надо было попасть в Москву, в центр нового мира.

Позади лежал долгий, тяжелый путь. Иногда он думал, что преграды только сделают его сильнее, но на самом деле он уже начинал терять терпение. Прошли годы и годы, прежде чем он смог, наконец, полностью посвятить себя мечте. Ему уже почти сорок лет — не так чтобы очень стар, но уже не в том возрасте, чтобы ждать у моря погоды. Вторую половину своей жизни он тратить впустую не намерен.

Первая жизнь Себальда Юстинуса Рутгерса началась 25 января 1879 года в Лейдене. Как часто случалось в то время, мать его умерла от родильной горячки сразу после того,

как произвела на свет третьего ребенка. Уже на протяжении нескольких поколений в семье Рутгерса все мужчины непременно становились пасторами. Вот и Себальда Юстинуса называли в честь деда — доктора богословия.

Его отец Ян Рутгерс также стал проповедником, но еще до рождения Себальда нашел для себя новое призвание. То было время восходящего социализма. Отцу Себальда, который в момент духовного кризиса также стал склоняться к социализму, сделалось ясно, что он мог бы принести больше пользы, если бы стал медиком. В тот год, когда должен был родиться Себальд, он успешно прошел медицинское обучение и стал врачом широкого профиля. В своей практике он не раз сталкивался с теми ужасными условиями, в которых приходилось жить его пациентам — представителям рабочего класса. Недостаточно просто лечить их, думал он. Рабочий должен получить возможность улучшить свое социальное положение. Вскоре он организовал для желающих вечернюю школу прямо у себя в библиотеке.

Несколько лет спустя Ян Рутгерс снова вступил в брак — на этот раз с известной социалисткой и феминисткой. Вместе они пропагандировали идеи контроля над рождаемостью. Старший Рутгерс был весьма практичным человеком. Он разработал переносное гинекологическое кресло, которое не уставал демонстрировать на собраниях «Общества развития медицины». Он был требователен не только к своим коллегам, но к самому себе. Так, его стремление к гигиене было настолько велико, что он не только брился два раза в день, но и создал устройство для очистки воздуха, которое установил в своей комнате.

В русле семейной традиции он воспитывал своих детей в атмосфере строгой дисциплины: на его взгляд, это был наилучший способ подготовить малышей к тем разочарованиям, которые принесет им жизнь. Однажды отец пообещал, что они возьмут напрокат экипаж и отправятся на пикник. Дети были в восторге. Но когда ребятня высыпала на крыльцо в радостном предвкушении от предстоящей поездки, отец на их глазах отослал экипаж прочь, объяснив детям, что это был им урок: «Не ждите от жизни слишком много удовольствий и учитесь смело встречать разочарования».

Ян Рутгерс никогда не отступал от идеи дисциплины. Когда Себальд, тогда еще первокурсник в Техническом Институте Делфта, впервые

влюбился, то последовал за своей английской любовью на ее родину, надеясь завоевать доверие родителей избранницы. К его великому разочарованию, те не увидели в нем своего будущего зятя. Несколько дней Себальд бродил по городу, пока не преодолел свое горе. Когда он вернулся в Нидерланды, и отец обо всем узнал, он велел сыну переехать к нему в Роттердам. Но еще хуже завершился роман сестры Себальда, Мари, которая полюбила некоего миссионера. По непонятным причинам отцу это не понравилось. Он запретил дочери общаться с любимым, и она вскоре покончила с собой.

Воспитанный на железной дисциплине, Себальд Рутгерс делал большие успехи в учебе, и у него оставалось достаточно времени для дополнительных занятий. У него рано возник интерес к политическим и социальным вопросам. Переход к марксизму произошел вполне естественно. Рутгерс испытывал отвращение к традиционной студенческой жизни с ее бездельем и попойками. Он хотел стать полезным для общества. Себальд стал активно работать в бедных районах Роттердама, выходил на демонстрации вместе с рабочими и помогал им печатать брошюры и листовки.

В конце третьего курса Себальд снова испытал на себе гнев отца. Это произошло после сессии. В комнате Рутгерса друзья организовали вечеринку с выпивкой, где не было недостатка в женщинах вольного поведения. Увидев последствия гуляний, квартирная хозяйка немедленно выслала отцу Рутгерса счет. Доктору Яну Рутгерсу стало ясно, что он больше не хочет иметь ничего общего с сыном. Возмущенный отец разместил в газете объявление, в котором он сообщал, что больше не признает Себальда своим сыном и, следовательно, не несет ответственности за его долги. Пусть сын едет куда подальше, в Южную Африку, например, дорогу он ему, так уж и быть, оплатит. И только после долгих убеждений преподавателям Себальда, которые все как один были готовы за него поручиться, удалось убедить Яна Рутгерса смириться, и Себальду было позволено доучиться последний оставшийся год.

Год спустя он окончил институт с отличием и поступил на службу в Муниципалитет Роттердама в качестве специалиста по дорожному и гидротехническому строительству. Очень быстро Рутгерс превратился в перспективного

инженера и вскоре завоевал всемирную известность: он был одним из первых, кто использовал железобетонные конструкции для строительства мостов и причальных стен.

В 1902 году он женился на Барте Мис. Она происходила из строгой, весьма практичных взглядов семьи из Гронингена. Ее отец работал врачом в Роттердаме. Себальд стал вхож в семью, так как был другом его сына. Дома у Мисов всегда велись ожесточенные споры о политике. Себальду понадобилось некоторое время, чтобы понять, что он ходит к ним не ради возможности пообщаться с доктором Виллемом Мисом, а чтобы повидаться с его дочерью.

Барта была старшей и любимицей отца. Она так и не окончила среднюю школу. Еще до выпускных экзаменов она была помолвлена с дантистом, который считал, что женщине не обязательно иметь хорошее образование. По его совету она перешла на домашнее обучение. Но помолвка была расторгнута, и все из-за театральная постановка пьесы «Надежды на лучшее» Германа Хейерманса Действие пьесы происходит в бедной рыбацкой деревушке: богатые судовладельцы заставляют бедных рыбаков выйти в море в ветхой лодчонке, в результате чего рыбацкая оборачивается катастрофой, а судовладельцы прикармливают страховку. Барту сильно возмутила такая социальная несправедливость, а вот ее жених разделял отношение судовладельцев к бедным рыбакам. На этой почве они и поссорились: Барта разорвала помолвку, а семье пришлось с этим смириться.

Ее отец не видел в браке с Себальдом ничего хорошего, особенно учитывая, что новый зять убедил дочь в правильности социализма. Себальд Рутгерс вел двойную жизнь: днем он вращался в высших слоях, а вечером с головой нырял в социализм и погружался на самое социальное дно. В итоге Рутгерс вышел из состава социал-демократической рабочей партии и стал одним из основателей социал-демократической партии Нидерландов. Однако партийная политика его не удовлетворяла. Он все больше осознавал, что хочет посвятить свою жизнь пропаганде социалистических идей. После конфликта со своим новым боссом вместе с Бартой и сыновьями Яном и Вимом он уехал в Голландскую Ост-Индию, где ему предложили хорошую должность. Быстро разбогатев, он больше не зависел от постоянной работы и планировал полностью посвятить себя распространению социализма.

Но в Голландской Ост-Индии Рутгерс не чувствовал себя дома. Он ненавидел колониальную жизнь, многочисленных покорных слуг и бессмысленные разговоры с коллегами. Он скучал по общению с единомышленниками. Снова ему надоела двойная жизнь, в которой он был вынужден служить своим капиталистическим господам, глубоко презирая их в своем сердце. «С самого раннего детства, — писал он своему коллеге, — я научился ненавидеть существующий порядок, а потом научился смотреть на него сквозь пальцы, и я всегда хотел принять хоть какое-нибудь участие в борьбе против класса, чье правление превращает жизнь рабочих в ад».

Барте же недоставало того флегматизма, без которого нельзя жить в тропическом климате, и она часто болела. Барта чувствовала, что муж страдает. Иногда на него что-то находило, и тогда он бесцельно стоял, глядя прямо перед собой, и докричаться до него было невозможно. У детей дела обстояли не намного лучше. «Они постепенно дичают, и нам постоянно приходится с этим бороться, а это очень изматывает», — писала она друзьям.

Когда в 1915 году у Рутгерса появилась возможность досрочно закрыть пятилетний контракт, он не колебался ни минуты. Рутгерс с облегчением покинул Голландскую Ост-Индию. Он слишком долго чувствовал себя изолированным от мировых событий. Из-за войны они не смогли отправиться домой через Суэцкий канал: им пришлось ехать через Китай, Японию и Соединенные Штаты, а в семье к тому моменту уже было трое детей. Рутгерс был вынужден задержаться в Соединенных Штатах: было слишком рискованно пересекать Атлантику, а в Нидерландах его к тому же могли поставить под ружье.

С помощью своих связей он вскоре устроился на работу в качестве представителя Голландской Ост-Индской Железнодорожной Компании и Железнодорожной Компании Дели, которые из-за войны в Европе были вынуждены закупать железнодорожные вагоны, технику и рельсы в тогда еще нейтральных Соединенных Штатах. Бизнес процветал. Уже вскоре он смог арендовать собственный офис на Уолл-стрит. Но, что было важнее, после многих лет изоляции Рутгерс снова занялся политикой. Наконец-то он нашел единомыш-

ленников. По выходным его дом на Манхэттен-Бич становился местом встречи членов «Лиги социалистической пропаганды». В тот период он познакомился с большевиками, чьи имена вскоре прогремят на весь мир — Львом Троцким, Николаем Бухариным, Яном Берзиным и Александрой Коллонтай. В Америку они бежали от преследований царского режима. С ними Рутгерс чувствовал себя как рыба в воде. Полный воодушевления, он посвятил себя социализму.

Когда в начале марта 1917 года в Нью-Йорке было объявлено, что в царской России произошла революция, и под руководством Керенского было сформировано временное правительство, большинство русских эмигрантов вернулись на родину. А 6 апреля 1917 года президент Вудро Вильсон объявил о вступлении США в войну.

Тучи сгущались. Письма стали подвергаться цензуре, и аресты стали в порядке вещей. «Международное социалистическое обозрение», которое финансировал Рутгерс, попало под запрет, потому что осуждало войну. Газету больше нельзя было пересылать по почте, и ее стали распространять на улицах, что приводило к неизбежным арестам. Нанятые Рокфеллером за миллион долларов убийцы, которые стреляли в бастующих рабочих, и гигантские военные прибыли, которые получали американские компании, — все это вызывало гнев Рутгерса. По его словам, окончание войны должно было вызвать огромный экономический кризис. Его газетная деятельность стала обращать на себя внимание полиции, особенно после начала Октябрьской революции в России. Многие его соратники уже были арестованы.

В школе Ян и Вим из-за отказа участвовать в националистических мероприятиях подвергались нападкам со стороны одноклассников. В итоге их и вовсе исключили из школы за отказ участвовать в демонстрации в поддержку войны. Рутгерс все еще оставался на свободе, но чувствовал, что это временно. За ним постоянно следили. Зная, что он сможет пригодиться в России, где после Октябрьской революции 1917 года пришли к власти большевики, они с женой стали подумывать о том, чтобы уехать в Советский Союз.

Вскоре руководство компании «Королевские Железные дороги Нидерландской Индонезии» предложило Рутгерсу возглавить филиал в Японии. В мае 1918 года он с же-

ной и тремя детьми отплыл в Иокогаму и снял там жилье. По окончании контракта Рутгерс сообщил начальству, что отправится обратно в Нидерланды через Россию. Только вот в Нидерланды ехать он не собирался: это был билет в один конец до земли обетованной — в Советский Союз. Для Рутгерса пришло время выбирать, и он решил, что больше не желает вести двойную жизнь по принципу «днем — капитализм, вечером — социализм».

Когда японский паром прибыл в Россию, порт Владивостока был забит военными кораблями под самыми разными флагами. Город был переполнен как беженцами, ожидающими первой возможности покинуть страну, так и эмигрантами, стремящимися вернуться домой. Улицы патрулировали английские, французские, японские и чешские солдаты. Еще в Японии Рутгерс понял, что Владивосток еще не находится под контролем большевиков, как он надеялся. Город, а на самом деле и вся Сибирь, был охвачен чрезвычайно жестокой и запутанной гражданской войной.

6 апреля 1918 года японские войска высадились во Владивостоке, чтобы защитить японцев, живущих в Сибири, но все подозревали их в преследовании экспансионистских целей. Чешские войска также присоединились к всеобщему хаосу. За два месяца до прибытия Рутгерса во Владивосток они свергли местные Советы. Рутгерсу было ясно, что нужно выбираться из Владивостока как можно быстрее. Поездов не было вот уже несколько дней. Во Владивостоке царило такое столпотворение, что им с большим трудом удалось найти себе место в подвале отеля третьего класса. Рутгерс договорился с двумя эмигрантами, Майкельсоном и Райзманом, с которыми он познакомился в Японии, что они будут путешествовать как его переводчик и секретарь. Они стали его алиби. Рутгерс надеялся, что ему удастся обмануть вражеские войска, что он, как представитель «Железных дорог Ост-Индии», собирается исследовать состояние российских путей сообщения. Между тем, учитывая царивший на Транссибирской магистрали хаос, они с женой решили не рисковать жизнью сыновей. Поездка грозила стать слишком опасной. Рутгерс велел им вернуться в Японию к сестре.

Четырнадцатилетний Ян Рутгерс и его двенадцатилетний младший брат Вим, разумеется,

подчинились решению родителей. Они выросли самостоятельными, повидали мир и с легкостью приспосабливались к обстоятельствам. Но вот Барта Рутгерс столкнулась с настоящей дилеммой: кого ей выбрать — детей или мужа? В конце концов она осталась с мужем. На самом же деле она сделала этот выбор гораздо раньше — когда выбрала социализм. Она, как и ее супруг, чувствовала, что какая-то сверхъестественная сила тянет их в Москву.

Владивосток гудел от слухов. Почти ежедневно объявлялось, что сегодня уж точно будет поезд. 3 августа в Маньчжурию должен был приехать поезд до Харбина. Вооружившись рекомендациями Ост-Индийской железнодорожной компании, а также Королевского инженерного института, Рутгерс отправился в голландское консульство. Голландский консул, похоже, сбежал — в некотором смысле, к облегчению Рутгерса, потому что он не был уверен, что соотечественники пошли бы ему навстречу. Английский консул, к которому перешли его полномочия, даже не пытался сделать вид, что поверил истории Рутгерса, но, тем не менее, визу выдал. Чтобы наставить в паспорт побольше печатей, Себальд Рутгерс в тот же день заглянул к командиру штаба чехословацкой армии, который заседал в специальном поезде недалеко от станции Владивосток, потом к представителю местного меньшевистского правительства и командиру японских войск.

Вечером переполненный поезд покинул Владивосток. На русско-маньчжурской пограничной станции Рутгерс был неприятно удивлен: повсюду шли боевые действия. Десятки поездов были конфискованы для военных целей. Из вагонов торчали орудия и ящики с боеприпасами. Военные штабы вели переговоры в вагонах, поезда Красного Креста служили больницей, а железнодорожные платформы превратились в настоящие военные лагеря.

Утром 5 августа поезд вошел в Харбин. «Это было международное место сбора всевозможных подонков, рассадник мелких и крупных интриг, который притягивал реакционеров и охотников за удачей, и убежище для бандитов и убийц»

— позже писал Рутгерс в своих воспоминаниях. Город произвел на четверых путешественников мрачное впечатление. В Харбине Рутгерс услышал, что следующая станция находится в руках белых. Во главе стоял Григорий

Михайлович Семёнов, штаб-квартира которого располагалась в Чите. Американский командир Грейвс назвал его «убийцей, грабителем и буйным злодеем». Семёнов останавливал поезда, отбирал у пассажиров имущество и затем зверски их убивал. Перспектива попасть к нему в руки Рутгерса совсем не привлекала, и он подумал, что будет безопаснее спуститься по реке Сунгари или проехать до Благовещенска. Однако местные власти не желали предоставлять ему необходимые для проезда разрешения. Рутгерс, который несколько некомфортно чувствовал себя в городе, разоренном ночными перестрелками и грабежами, посоветовавшись со своими спутниками, решил покинуть Харбин как можно скорее.

В течение двух дней и ночей поезд без проверок и остановок ехал через бесплодную низкую равнину в переходной зоне по направлению к пустыне Гоби, пока его не остановили войска ужасного Семёнова. К облегчению Рутгерса, солдаты не проявили к их четверке никакого интереса. Мысли их были явно заняты чем-то другим: несколько дней назад большевики вышибли Семенова и его солдат из их штаба в сибирской Чите, и теперь они зализывали раны на китайской территории.

Когда Рутгерс узнал, что большевики уже близко, то захотел немедленно отправиться в путь. Но ни китайский префект, ни начальник штаба белых в Маньчжурии не желали идти ему на встречу. Поезд и близко не подпустили к линии фронта. Тогда Рутгерс нанял кучера, который на телеге перевез их через передовую. «Я никогда не забуду, — рассказывал Рутгерс молодым коммунистам, — как внезапно из-за холма появился большой грузовик с красным флагом и несколькими поющими солдатами. Наш кучер объехал их по широкой дуге, чтобы его не остановили, но солдаты не обратили на нас никакого внимания. Мы все испытывали сильные эмоции, когда, наконец, попали на территорию, контролируемую красными».

Их весьма приветливо встретил красный командир Читы — города, где все дома были из бревен. Рутгерс стал для командира желанным источником информации: газеты в Читу не попадали, а путешественники были большой редкостью. В вагоне поезда при свете свечей Рутгерс рассказывал большевикам последние новости из Соединенных Штатов и Японии.

На следующее утро они сели на поезд, отправляющийся на запад. Но Иркутск попал

под контратаку войск Колчака, и поезд был вынужден остановиться на восточном берегу Байкала. Вокзал был расположен на возвышенности, и с него открывался хороший обзор на город. «Пока мы стояли там, — писал Рутгерс, — к нам подошел бедно одетый старик и указал куда-то рукой. Сперва мы ничего не увидели, но потом разглядели одинокого всадника. У него в руках было что-то вроде копья, к которому был прикреплен красный вымпел. «Что это?» — спросили мы старика. «Это война», — сказал старик дрожащим голосом. По всему выходило, что поезд дальше не поедет».

Однажды над городом пролетел самолет и разбросал листовки с объявлением о наступлении белых. Рутгерс поспешил на станцию, надеясь, что ему удастся сесть на какой-нибудь другой поезд. Там взвинченный до предела красноармеец принял его за шпиона и арестовал. Рутгерсу пришлось применить все свое красноречие, чтобы освободиться. Он усвоил урок: он больше не будет выходить на улицу без Барты, ведь присутствие статной и серьезной супруги не раз выручало его.

Через каких-то полчаса большевики оставили свои позиции, и в город вошли белые войска Колчака. «Было особенно волнительно смотреть на первые военные части, — писал Рутгерс. — Впереди шли регулярные войска чехов — маршировали они в унисон, и было видно, что это настоящие военные; на фуражках у них были бело-красные кокарды. За ними следовали войска Сибирской меньшевистской республики — их отличительным цветом был зелено-белый, но определенной униформы у них не было, и вид они имели весьма пестрый. При мобилизации в эти войска не брали рабочих, поскольку им не было достаточно доверия. Подавляющее большинство составляли крестьяне, представители среднего класса и молодые интеллигенты, в том числе и студенты, которых было видно по относительно хорошей одежде, более прямой осанке и очкам на носу. Тут и там по белым повязкам на руке или головном уборе можно было опознать солдат старой царской армии».

Город сдался без борьбы. Но повседневная жизнь продолжалась. Люди слушали солдат, которые рассказывали про свои героические поступки. Население в первую очередь интересовалось, сохраняют ли советские деньги свою силу или будут признаны недействительным

при новом режиме. Люди боялись этого каждый раз, когда город переходил из рук в руки. Большевики не осмеливались отменить царские деньги, потому что такая мера привела бы к тому, что значительная часть населения перешла бы на сторону белых. Контрреволюционеры не стали этого делать по той же причине. Это означало, что в городе продолжали бок о бок существовать две валюты.

После смены власти жизнь Рутгерса, его жены и их спутников спокойнее не стала. Их квартирная хозяйка, которая была в курсе красных симпатий своих постояльцев, вполне могла бы на них донести. И, что было не менее опасно, в бывшем штабе большевиков оставались фотографии для их новых паспортов — весь архив оказался в руках белых.

Путешественники спешно искали поезд на запад. Они уже потеряли надежду, когда выяснилось, что вот-вот должен отправиться грузовой состав. Они похватили свои сумки и уехали по железной дороге. Сидя в вагоне для скота, они видели все еще горящие военные суда большевиков и разбомбленные поезда. Мимо крутых берегов Байкала, сквозь бесконечные тоннели, мимо Иркутска их поезд шел в Западную Сибирь. Без каких-либо продолжительных задержек они пересекли захваченную белыми территорию, и вот поезд въехал на вокзал Челябинска. Рутгерс и Барта получили возможность изучить город и узнали о тюрьмах, переполненных революционными рабочими, о многочисленных беженцах со всех уголков страны и о подпольной красной пропаганде со стороны профсоюзов. Достижение Челябинска новости о покушении на Ленина привели их в ужас.

Когда поезд оставил позади Урал, Рутгерс впервые за семь лет оказался снова на Европейском континенте. Самара на Волге стала первым европейским городом, в который они попали. Город готовился отбивать атаку большевиков, которые уже оккупировали Казань. Рутгерс знал, что в такой ситуации достаточно одного неправильного взгляда или жеста, чтобы попасть под подозрение. И все же их арестовал чешский патруль, когда они с Майкельсоном искали какой-нибудь отель. Многочисленные штемпели и печати в их бумагах не произвели на солдат никакого впечатления — до тех пор, пока они не заметили печать главы чешского

командования во Владивостоке. Перепуганных до смерти Майкельсона и Рутгерса отпустили подобру-поздорову.

В дальнейшем Рутгерс выходил на улицу только в исключительных случаях. Нельзя допускать ошибок, когда он уже так близок к своей конечной цели! Чешский комендант Самары, очевидно, не верил, что сможет противостоять большевикам: Рутгерс был свидетелем того, как военные укладывали на грузовики золотой запас бывшего царского правительства. О том, что царь и его семья были убиты большевиками в ночь с 16 на 17 июля 1918 года, Рутгерс не знал. А если бы знал, то понял бы. Ведь живой царь — что топор, занесенный над корнями дерева революции.

Ехать на запад по железной дороге в направлении Москвы оказалось невозможно. В Сызрани Рутгерс за тысячу рублей нанял извозчика и большую телегу с сеном. Покинув город, они объехали его по большой дуге, а затем повернули на запад, чтобы попасть на территорию, занятую красными. Зарываясь в сено, когда мимо проезжали разведывательные отряды белых, и, избегая деревень, путешественники медленно продвигались вперед. Дорога в таких неудобных условиях совсем их измотала. Но когда через пять дней они въехали в Кузнецк, первый занятый красными населенный пункт на их пути, это вызвало у них приступ настоящей эйфории.

«Там нам в руки попала первая «Правда», — ликовал позднее Рутгерс, — из которой мы узнали о том, как обстояли дела в Советском Союзе. Это вызвало у нас бурю эмоций: мы увидели, что все, что казалось нам таким далеким и сказочным, постепенно приобретало четкие очертания». Но там внушительный багаж четверки вызвал подозрения у сотрудника вокзала. Их доставили в местный полицейский участок и подвергли жесткому допросу. Им едва-едва удалось избежать ареста. Это был уже третий раз, когда Рутгерс чудом спасался от тюремного заключения или расстрела.

В Москву они прибыли 23 сентября 1918 года: через два месяца после прибытия во Владивосток они достигли центра «нового мира».

Из-за всеобщего бойкота Москва оказалось отрезана от мировых новостей. Рутгерс был одним из немногих, кому удалось благополучно пересечь несколько линий фронта и добрать-

ся до Москвы. Высокопоставленные большевики интересовались его опытом. Им с женой устроили экскурсию по территории Кремля. Из-за тяжелых боев Кремль был сильно поврежден, а времени на его ремонт не было. Исключение было сделано для старого карильона, который всегда имел для народа символическое значение: теперь вместо «Боже, царя храни», старого русского государственного гимна, он играл «Интернационал».

Первые дни в Москве были полны встреч со старыми знакомыми. В то время как западная пресса писала о хаосе и преступности, захлестнувшим новую столицу, Рутгерс нашел Москву «самым безопасным городом в мире», несмотря на отсутствие ночного освещения. Тот факт, что повсюду царил голод, никак не понижал градус его эйфории.

Им с Бартой приходилось довольствоваться скудным кремлевским пайком: иногда растягивали двухдневный хлебный рацион на три дня. Но картошки, как правило, было вдоволь, а еще как-то раз им достались консервы из английского груза, который был захвачен, когда английские войска бежали из Архангельска.

7 ноября 1918 года, через несколько дней после празднования первой годовщины Октябрьской революции, когда Себальд и Барта любовались, как по Красной площади маршировали красноармейцы и рабочие, Рутгерсу принесли приглашение от Ленина. Он с нетерпением ждал встречи с вождем «первой свершившейся пролетарской революции», которая так повлияла на его жизнь.

Рутгерс восхищался этим человеком, который, несмотря на свой маленький рост, обладал большой харизмой. Ленину было любопытно узнать, что устроенная им революция повлияла на моральное состояние американских рабочих. Рутгерс рассказал ему о том ужасе, который вызвала революция среди американской буржуазии, о клевете в буржуазной прессе, о преследованиях и арестах тех рабочих и интеллигенции, которые придерживались левых взглядов. Но не забыл он рассказать и о надежде, энтузиазме, солидарности и сборах средств для молодой советской республики. Затронул он и тему возможного приезда американских добровольцев, которые были готовы положить свои жизни на алтарь советского дела.

Ленин просто околдовал Рутгерса. Рутгерса

было нелегко впечатлить, но Ленина он обожал. Когда Ленин напоследок спросил его, хорошо ли он устроился и как дела у его жены, Рутгерс был очень польщен. То, что человек такого ранга да еще в таких сложных обстоятельствах, тем не менее, уделил внимание таким деталям, Рутгерс будет помнить всю жизнь. Рутгерс готов был сию же минуту поставить свои инженерные навыки на службу новому правительству. Страна пострадала от гражданской войны, фабрики лежали в руинах, а мосты были разрушены. Не хватало специалистов и управленческих структур. Свердлов сразу же назначил его главным инженером российских водных путей. Рутгерс не колебался ни секунды. Теперь у него появилась возможность внести свой вклад в общее дело.

По долгу службы он инспектировал шлюзы и гавани между Петроградом и Волгой, пока в ноябре пароход не вмерз в лед. Путешествие научило его многому. Он был шокирован менталитетом русских инженеров. Нет, недостатка в знаниях и творческом подходе не было, но реализация проектов по управлению водными ресурсами находилась на очень низком уровне. Он видел слишком много инженеров, от которых не было никакого толку и которые были совершенно не заинтересованы в результатах своего труда.

В своем докладе Советскому правительству Рутгерс осудил лень и незаинтересованность российских инженеров и настоял на том, чтобы их срочно мобилизовали на строительство страны. Не успел он окончить свой доклад, как Стучка, председатель Совета Народных Комиссаров новой Латвийской Республики, попросил его стать техническим советником в своем правительстве. Рутгерс согласился — не в последнюю очередь потому, что в Латвии говорили по-немецки, а они с Бартой до сих пор не овладели русским. Рутгерс отправился в Ригу, где ему было поручено восстановить разрушенный войной порт.

*For the AIK-museum and
the people of Kemarovo,
in friendship!*

*Wons Alink, Amsterdam
6.11. '95*

НИКОЛАЙ ШЕМАРОВ

ЖИЗНЬ ВО ИМЯ ИСКУССТВА

*Николай Шемафов.
Ленинград,
1948 г.*

300 ЛЕТ
КУЗБАСС

Искусствоведческий проект о произведениях из собрания Кемеровского областного музея изобразительных искусств на страницах альманаха «Красная Горка»

ШЕМАРОВ Николай Михайлович (1927–2008)

Заслуженный художник Российской Федерации (1998)

Почетный работник культуры Кузбасса (2007)

В довоенные годы занимался у художника-педагога В. М. Петровского (1935–1941), во время войны – у Л. Л. Гипштейн (ленинградской художницы, эвакуированной в Кемерово). Учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомовой (1947–1949, не окончил), Пензенском художественном училище им. К. А. Савицкого (1953–1956).

Участник выставок с 1946 г. Член Союза художников СССР (1968). Стажировался в Доме творчества «Академическая дача» им. И. Е. Репина (1960–1990-е гг.).

Председатель правления Кемеровского областного отделения Союза художников СССР (1969–1971, 1973–1975).

Пейзажистов в Кузбассе подавляющее большинство, было и есть. К этому жанру, самому распространенному в искусстве края, обращались и обращаются художники всех поколений, едва ли не каждый, так или иначе.

Особую роль в освоении пейзажа сыграли мастера старшего поколения, выступившие в послевоенные годы (вторая половина 1940-х — начало 1950-х). Заложив основы развития (темы, направления, стили), они представили жанр в широком контексте, содержательном и формальном. Каждый из них, следуя творческому «я», демонстрировал собственную интерпретацию — цельно, весомо, ярко.

Мастером лирического пейзажа стал Николай Михайлович Шемаров (1927—2008). Этому направлению он оставался верен на всем протяжении творческого пути, более полувека.

Истоки призвания уходят в 1930-е годы. Тогда состоялась встреча с первым учителем — Виктором Михайловичем Петровским: выпускник Вхутемаса, едва ли не единственный в городе Кемерово дипломированный художник (в ту пору), он преподавал рисование в общеобразовательной школе, где учился Шемаров. Впоследствии Николай Михайлович вспоминал, что нередко приходил к учителю даже домой и там с любопытством рассматривал написанные тем небольшие пейзажи. Так открывался мир искусства, неведомый до встречи с учителем. Отдавая должное ему, Николай Михайлович говорил: «Кто знает, как сложилась бы жизнь, не встретясь на пути Виктор Михайлович...».

Желание стать художником окрепло после войны. В 1947 году Шемаров уехал в Ленинград поступать в художественное училище им. В.А. Серова, а поступил в Высшее художественно-промышленное училище им. В.И. Мухиной — там предоставляли общежитие и платили стипендию. Окончить училище ему не удалось: через два года, по состоянию здоровья, вернулся домой. Однако те годы, проведенные в северной столице, не прошли бесследно: он посещал Русский музей, изучал шедевры отечественного искусства, навсегда полюбил великих художников — Валентина Серова, Константина Коровина и особенно Исаака Левитана.

Потом было Пензенское художественное училище, выбранное Шемаровым не случайно. Ведь именно там, по его признанию, преподавал известный русский художник Иван

Силыч Горюшкин-Сорокопудов. Но учиться у него не пришлось — к тому времени тот уже не работал (почтенный возраст), а другого такого мастера, увы, не оказалось. И все-таки, несмотря на глубокое разочарование, в училище состоялся творческий дебют: в 1956 году пейзажи студента экспонировались на областной художественной выставке в Пензе. О них писала даже местная пресса: «Хочется особо выделить этюды Шемарова «На Салаирском руднике», «Цинковый рудник» и другие. Автор их проявил несомненные живописные качества, настоящий художественный вкус»¹.

По возвращению в Кемерово Шемарову вновь сопутствовала удача. В его жизни появился мудрый наставник: Николай Иванович Бачинин — талантливый живописец и пейзажист, тонкий лирик и яркая личность, чужак и бесребреник. Встреча с ним дорогого стоит, тем более — дружба, длившаяся почти полвека. На этюдах тот показывал мастер-класс, полностью открываясь молодому коллеге, бескорыстно делясь секретами творчества. Учил словом и делом, как оказалось — успешно.

Однако настоящей школой, по глубокому убеждению Николая Михайловича, стала «Академическая дача» им. И.Е. Репина (Дом творчества в Тверской области, недалеко от Вышневолочка). В советские годы туда съезжались художники со всех уголков страны. «Преимущественно те из них, кто вслед за Аркадием Пластовым продолжал пленэрную традицию. Среди них есть громкие имена. Еще громче имена тех, кто был их предшественниками: Левитан, Нестеров, Репин, Рерих...»².

Для провинциальных художников, особенно из отдаленных регионов, таких, как Кузбасс — индустриальный край, не имевший глубоких традиций профессиональной культуры, эти намоленные места были поистине «землей обетованной». Там они проникались духом традиций и обретали творчества благодать.

«Я воспитан на «Академической даче»», — с гордостью повторял Николай Михайлович. То была сущая правда. Туда он приезжал ежегодно в течение четверти века, начиная с 1965 года, и считал то время самым счастливым. Ему довелось работать — бок о бок — с известными мастерами, подолгу общаться с ними, порой доверительно. Среди наиболее близких Владимир Токарев, Вячеслав Загонек, Виктор Рейхет, Борис Угаров... Такое окружение труд-

Кемерово, 1946. Школа рабочей молодежи.
В нижнем ряду третий слева Н. Шемаров

Кемерово, 1975. Открытие выставки, посвященной Победе
в Великой Отечественной войне

но переоценить: оно стимулировало творческое развитие и питало духовно, открывало новые перспективы и вселяло уверенность. В 1968-м, рассказывал художник, его этюды высоко оценил сам «дядя Жора» — Георгий Григорьевич Нисский, классик советского искусства, выдающийся пейзажист, новатор. Один из этюдов, особенно приглянувшийся, мэтр попросил подарить, и автор, польщенный его вниманием, незамедлительно согласился.

С именем Георгия Нисского связана и другая история — история пейзажа «Русская зима» (1970), написанного на «Академической даче» им. И. Е. Репина. Там, на очередном просмотре, относительно шемаровских работ мастер заметил, что этюды прекрасны, но пора двигаться дальше — к картинам.

Совет наставника Шемаров принял как руководство к действию, притом, что испытывал робость, сомнения в собственных силах. «Когда решился, — весело вспоминал Николай Михайлович, — подбадривал себя, мысленно задаваясь вопросом «тварь ли я дрожащая»». Потом подготовил холст, больше обычного по своим размерам, и на пленэре, в один сеанс, написал картину-пейзаж. Сеанс продолжался несколько часов, непрерывно — мерзли руки, стыли краски, но стойкость окупилась удачей. С тех пор «Русская зима» обрела для автора особое значение: напоминала о смелом поступке, преодолении самого себя, еще напоминала о Георгии Нисском, давшем путевку в жизнь.

Пейзаж стал единственным жанром в творчестве художника-однолюба и получил широкое

освоение: индустриальный Кузбасс, древняя архитектура русских городов, величественные панорамы Полярного Урала и Горного Алтая, даже исторический пейзаж.

Шемаров считал, что пейзажисты, призванные отражать окружающий мир, должны путешествовать неустанно. Поэтому и сам где только не был: Алтай и Горная Шория, Байкал и Полярный Урал, Карелия и Соловецкие острова, Крым и Телецкое озеро, а также Новгород, Псков, Архангельск, Торжок, Изборск... Не доехал лишь до Северного Ледовитого океана, о чем сожалел как о заветной и не сбывшейся мечте. Помнится, это признание не только удивило, но и шокировало: кто бы мог подумать, что в душе смиренного лирика — героическая романтика!

Истинным призванием Николая Михайловича стали камерные пейзажи, тишайшие и лиричные, самые органичные ему, деликатному, обаятельному, склонному к уединению, переживанию в себе. Бывало, напевно произнося, и сам признавался в этом: «Я человек минорный».

Преобладали природные мотивы, передающие переходные состояния, чаще осенне-зимние, полуденные или сумеречные. Об этом свидетельствуют названия работ: «Ранний снег» (1972), «В конце зимы» (1974), «Оттепель» (1975), «Зимние сумерки» (1976), «Прощальная пора» (1976), «Снег выпал. Пасека» (1978), «Листопад» (1978)... Нередко встречались мотивы с деревянными избами, небольшими, приземистыми, гармоничными окружа-

Кемерово, 1970 г.

ющему ландшафту. И всякий раз это уютные уголки, милые сердцу художника: тонкие деревца и речные излучины, темные воды и первый снег, широкие поля и проталины, убегающие тропинки и одинокие стожки... Особенно полюбили стожки, ставшие «личным» мотивом, по которому авторство узнавалось тотчас.

Не трудно заметить, что шемаровские пейзажи по-русски скромны и душевны. Думается, такие они полюбили художнику на «Академической даче», и подобные им, движимый ностальгией, он искал на сибирской земле.

Влечение к русской культуре, прямо-таки лелеемое Шемаровым, сказалось и на поэтической интонации, неизменно лиричной, мягкой, проникновенной. Притом что пейзажи безлюдны (безмолвны), они эмоциональны, пронизаны настроением легкой грусти, уединенного созерцания. В них всегда ощутимо присутствие автора, наделявшего образы собственным мироощущением.

Смотришь на пейзажи художника и безоговорочно веришь его признанию: «Я ищу душу природы». Думается, в этом секрет творческого успеха: пейзажи Николая Шемарова имели самый широкий зрительский отклик, охотно приобретались не только музеями³ — частными лицами, «для себя», что случалось исключительно редко. Их часто дарили, понимая, что именно они, исключая просчет, придутся по вкусу. Один из них — «Предзимье» (1988) — был преподнесен Губернатором Кемеровской области А.Г. Тулеевым Патриарху всея Руси Алексию II.

Пленэризм, выбранный творческим методом, всецело обусловил авторский стиль. Пейзажи, написанные с натуры и завершенные в мастерской, имели средний формат (до метра или чуть более) и часто не поддавались точной классификации: большой этюд или малая картина.

Особенностью являлась их композиция, незамысловатая на первый взгляд. Свободная и естественная, она возникала непосредственно от увиденного мотива и при этом отличалась своей завершенностью — была настолько продумана, лаконична, что, кажется, изменить ничего нельзя. Как правило, это череда пространственных планов (суши, воды, леса, небес), вытянутых повдоль и уходящих вглубь. Соотношения между ними (величинные, тональные, цветовые), неповторимые всякий раз, создавали внутреннюю структуру, с одной стороны открытую, а с другой — статичную и уравновешенную, согласную камерным образам.

Выдающейся особенностью шемаровских пейзажей стала их живописность. Они выразительны богатством колорита, сложного и сдержанного, основанного на приглушенных гармониях цвета, тонких градациях полутонов и мягких касаниях, стирающих грань переходов, очертаний пластических форм. Автор отмечал: «Бог наградил меня способностью различать оттенки».

Выразительно также письмо, которое, плотно покрывая поверхность холста, образует красочную фактуру — пастозную, сочную, рельефную («шубу»). При этом техника исполнения

*Киселевскую Эстакада. 1960.
Бумага, фломастер, акварель. 28,5x40,0*

*Киселевск. 1960. Бумага, фломастер,
акварель. 28,5x69,0*

старательна и добротна (не экспрессивна), мазок к мазку, уложенных ритмично, даже аккуратно, по месту и направлению.

Таков классический стиль Николая Шемарова, отличавшийся стабильностью, постоянством. Таким стиль оставался на протяжении трех десятилетий (1960-1980-е), почти не меняясь. Развивался не вширь, а вглубь, прибавляя в качестве, варьируясь в нюансах, оттачиваясь.

Предпочтения мастера, определившие характер искусства, вполне очевидны: национальные традиции лирического пейзажа, прежде всего творчество Левитана и пленэрная живопись «Союза русских художников»⁴. Свято почитая эти традиции, он следовал им неотступно, с благоговением, как послушник. Совершенствуя мастерство усердно и неустанно, поверял себя высокими образцами, стараясь приблизиться к ним, и, надо сказать, преуспел немало.

В коллективе художников Кузбасса ему, мастеру лирического пейзажа, не было равных — ни тогда, ни сейчас. Это кажется странным, на первый взгляд, ведь лирический пейзаж одно из самых распространенных направлений в изобразительном искусстве. Однако в провинции все иначе: тут художники малочисленны, даже пейзажисты, которых среди прочих других всегда большинство. Поэтому каждый из них, следуя своей линии творчества, является штучным.

Глубокие сдвиги в творчестве Николая Шемарова произошли в конце 1990-х — 2000-е. Сначала менялась поэтика, постепенно тяготеющая к романтическим интонациям, и пейзажи, сохраняя былые мотивы, становились эффектны, динамичны, повышено звучны

(«Август. Вечер», 1999; «Зимний вечер», 2001). Потом возобладала другая тематика — Горный Алтай — и образы, интерпретированные по-иному, в духе традиций Николая Рериха, обрели некую ирреальность: высокие небеса и вершины причудливых гор, абсолютный покой и подобный свечению свет, торжественный ритм и холодная фосфоресцирующая цветопись («Белуха при закате», 2005; «Алтай. Черный ледник», 2005).

Как видно, приоритеты художника в корне переменялись — во всем. Начиная с метода: не отражение видимого — преобразование его, согласно исходному замыслу (не натурному мотиву). Ушли непосредственность и пленэрность — возобладала тенденция к декоративности: усилились контраст, интенсивность цвета, обобщенность пластических форм, тяготевших к силуэту (не к объему). Неизменной осталась лишь верность жанру.

Отклонение от привычного курса, весьма неожиданное для зрелого мастера, имело свои основания. Это случилось тогда, когда минуло семьдесят, и, теряя силы, он уже не работал с натуры — писал в мастерской, по воспоминаниям или давним этюдам, которых было не счесть. Писал не только по памяти — отвлеченно, поддаваясь воображению, сгущая краски, утрируя пластику форм.

К тому же тогда, под влиянием демократических перемен, изменивших нашу страну с точностью до наоборот, отечественное искусство получило свободу развития, и многие художники, испытав небывалое воодушевление, отступали от классических норм, решались на смелые эксперименты, формальные поиски. Даже Шемаров, художник исключительной цельности и стойких убеждений. Помнится, он при-

*Полярный Урал. Мужики. 1966.
Бумага, фломастер. 29,0x40,5*

*Полярный Урал. Чум оленеводов. 1976. Бумага, пастель.
38,5x60,0*

знавался: «В последнее время я стал хамить в живописи. Попробовал быть дерзким, недержанным, крикливым»...

Казалось, у него позади долгий творческий путь, и пора подводить итоги, а тут... только все начиналось. Однако новый опыт укорениться не успел. Его развитие, длившееся меньше десятилетия и протекавшее медленно, в сомнениях старого мастера, оборвалось на стадии поиска — иссякла жизнь: 25 февраля 2008 года Николай Михайлович Шемаров умер.

Последние годы Николая Михайловича протекали в трудах и заботах, как обычно, несмотря на возраст. Каждое утро он ходил в мастерскую и творчески работал весь день — готовился к предстоящей выставке, посвященной восьмидесятилетию. Готовился истово и основательно, как никогда прежде, отчетливо понимая, что это выставка-прощание.

Персональными выставками, так повелось, художник отмечал свои юбилеи, начиная с 1977-го, когда исполнилось пятьдесят. Каждая из них отличалась широким форматом, включала много новых работ и всякий раз, по его настоянию, проходила в Кемеровском

областном музее изобразительных искусств. Правда, были и другие выставки, более камерные, показанные на малых площадках. Всего за плечами мастера — сорок персональных выставок!

Что тут скажешь: старая гвардия! Первое поколение художников Кузбасса, которому Шемаров принадлежал, составляли участники фронта и тыла Великой Отечественной войны. И война, как суровое испытание, закалила характер, научила ценить жизнь, работать все-рез и на совесть, с полной самоотдачей. Довольствуясь малым, эти художники посвятили себя искусству и оставили богатое творческое наследие, их имена вошли в историю культуры нашего края, и именно с ними связаны самые значительные ее страницы.

Тот юбилей, по случаю восьмидесятилетия, Николай Михайлович провел достойно. Подготовил и торжественно открыл большую персональную выставку, издал альбом-каталог и дарил его не скупясь, накрыл большой стол — щедро и от души, собрал родных и друзей, сказав всем и каждому доброе слово. Успел сделать все, что хотел успеть.

1. Ильинский М. Областная художественная выставка // Пензенская правда. — 1956. — 5 нояб.

2. Николай Михайлович Шемаров: каталог юбилейной выставки, посвященной 70-летию художника / вступ. ст. П. Д. Муратова. — Кемерово: ФООП «Граф», 1997. — С. 7.

3. Произведения Н. М. Шемарова находятся в собраниях девятнадцати музеев страны, в том числе в Государственном музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск), Государственно художественном музее Алтайского края (Барнаул), Екатеринбургском музее изобразительных искусств, Кемеровском областном краеведческом музее, Кемеровском областном музее изобразительных искусств, Кемеровском государственном историко-культурном заповеднике, Красноярском краевом художественном музее им. В. И. Сурикова, Новокузнецком художественном музее, Новосибирском государственном художественном музее, Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Пензенской областной картинной галерее им. К. А. Савицкого, Томском областном художественном музее.

4. Союз русских художников (1903—1932) — творческое объединение, характеризующееся демократической направленностью, интересом к русской природе и народной жизни, соединением реалистических традиций передвижников и опыта импрессионизма в передаче воздуха и света.

ХУДОЖНИК ГЕННАДИЙ ГАВИН И ЕГО ЛИЧНЫЙ ФОНД В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Номер фонда – Р 1426.

Г. А. Гавин. 1944 г.

Среди разнообразных материалов Государственного архива Кемеровской области имеется немало документов, непосредственно относящихся к жизни и деятельности кузбасских художников – наследников народного творчества, существовавшего издавна, чья жизнь и творчество являют собой неотъемлемую часть культурного и духовного развития области. В ГАКО хранятся личные фонды кузбасских художников, являющиеся богатейшим источником по изучению истории отечественного искусства. Одним из них является фонд кемеровчанина Геннадия Андреевича Гавина – молодого художника-самоучки, чья жизнь оборвалась в годы Великой Отечественной войны.

Геннадий Андреевич Гавин

родился 9 января 1926 года в городе Кемерово. Отец – Андрей Иванович Гавин, мать – Таисья Трофимовна Гавина. Наряду с Геннадием в семье был второй ребенок – дочь Галина 1927 года рождения.

В 1934 году в возрасте восьми лет Г. А. Гавин пошел в школу. Одним из его любимых предметов в школе было рисование. Учитель рисования заметил талант Г. А. Гавина и направил его в дом пионеров, где Г. А. Гавин начал занятия в кружке изобразительного искусства.

В 1943 году, после окончания 7 классов средней школы №33 города Кемерово, Г. А. Гавин направил свои документы в приемную комиссию Самаркандского училища изобразительного искусства, но получил отказ в связи с тем, что прием в студенты этого учебного заведения осуществлялся только для окончивших 10 классов. После он поступил в Кемеровский коксохимический техникум.

Несмотря на то, что студенты учебных заведений подлежали бронированию, 8 ноября 1943 года Г. А. Гавин добровольцем ушел в армию.

Был направлен в Красноярск в артиллерийскую школу, в мае 1944 года был отправлен на фронт. Нес службу в 124-м гвардейском артиллерийском полку 52-й гвардейской стрелковой дивизии в звании ефрейтора, сперва в должности телефониста штабной батареи, а затем красноармейца топографической службы.

10 ноября 1944 года был награжден медалью «За боевые заслуги» за устранение шести порывов линии связи, чем обеспечил бесперебойную связь командира полка с командиром дивизиона.

22 ноября 1944 года погиб в Латвии.

В 2000 году сестры Г. А. Гавина передали на хранение в Государственный архив Кемеровской области его документы. В 2011 году Татьяной Андреевной Каменевой, сестрой Г. А. Гавина, был передан на хранение в Государственный архив Кемеровской области ряд дополнительных документов. В настоящее время фонд Р-1285 состоит из 69 единиц хранения. Крайние даты документов – 1925-1988 годы.

По составу и содержанию документов материалы фонда можно разделить на четыре основные группы: документы, содержащие биографические сведения о Г. А. Гавине и его родственниках; документы, отражающие творческую деятельность Г. А. Гавина; фотографии Г. А. Гавина; документы разного содержания, собранные Г. А. Гавиным.

Биографические документы, хранящиеся в фонде Г. А. Гавина, содержат в себе воспоминания Татьяны Андреевны Каменевой о Г. А. Гавине, на основе которых в 2000 году была составлена историческая справка к данному фонду, включенная в отдельную единицу хранения.

Среди биографических документов хранятся три дела, содержащие информацию о родителях Г. А. Гавина – Гавиных Андрее Ивановиче и Таисии Трофимовне. Сюда входят самый ранний документ фонда – выпись о браке А.И. Гавина и Т.Т. Щегловой от 10 февраля 1925 года, повторно выданное в 1933 году свидетельство о рождении Т.Т. Щегловой и справка отдела социального обеспечения о получении пенсии по потере кормильца за погибшего сына, которая была выдана матери Г. А. Гавина в 1988 году.

На хранении в фонде находится также и извещение о гибели Г. А. Гавина 22 ноября 1944 года в Латвии.

Значительную часть фонда составляют фронтные письма Г. А. Гавина к своим родственникам, которые он отправлял с декабря 1943 года до своей смерти в ноябре 1944 года. В отдельные дела включены его письма к матери, отцу и сестре Галине. В письмах он описывал свою повседневную жизнь, участие в боевых действиях, окружающую его природу, людей, рассказывал о своем творчестве.

Фронтные письма Г. А. Гавина опубликованы в сборнике документальных материалов «Непридуманные рассказы о войне», подготовленном сотрудниками архива в 2012 году. В сборнике приведены тексты писем Г. А. Гави-

Г. А. Гавин.
Натюрморт. 1942 г.

на с сохранением стилистических и языковых особенностей автора. Тексты сопровождаются сканированными изображениями самих писем.

В фонд вошел также ответ Центрального художественно-промышленного училища города Самарканда, куда в 1943 году Г. А. Гавин отправлял свои документы для поступления, но получил отказ.

Наибольшую часть личного фонда составляют документы, отражающие творческую деятельность Г. А. Гавина. Это произведения живописи и графики, созданные Г. А. Гавиным в годы Великой Отечественной войны.

Большинство произведений живописи Г. А. Гавина написаны маслом в жанре пейзажа. В фонде хранятся такие пейзажи Г. А. Гавина как «Зимняя дорога», «Закат», «Осень», «В лесу», «У озера», «На Томи», «Зарево», «Околица», «Берег Томи», «Дом в деревне», «Сибирская осень», «На закате», «Летом в лесу», «Дом на окраине», «Лес летом», «Мельница», «День в лесу», «Пробуждение весны», «Школа», «Вечера на Томи», «Улица Заречная», «Весна. Кипарисы», «Дубы. Латвия», а также работа без названия, выполненная в жанре сельского пейзажа. Маслом написаны и два натюрморта — «Фрукты» и «За столом».

Среди произведений Г. А. Гавина, хранящихся в его личном фонде, присутствуют также такие композиции, написанные маслом,

как «Портрет», эскизы композиции «Мужской разговор в тюрьме», «Портрет неизвестного», «На допросе» и «Виселица».

Некоторые произведения живописи Г. А. Гавина выполнены акварелью. Это портреты «Неизвестная», «Латыш» и «Незнакомка», разнообразные пейзажные наброски, этюды «Холодное утро» и «Околица», а также натюрморт с изображением полевых цветов.

В личном фонде Г. А. Гавина отложилось несколько произведений графики. Сюда вошли 15 набросков разных жанров, выполненных с помощью карандаша, а также эскиз композиции «Виселица», выполненный пастелью, и карандашный рисунок с изображением собаки семьи Гавиных.

В состав документов личного фонда Г. А. Гавина вошли 37 черно-белых фотографий, включенных в три единицы хранения, на которые составлены внутренние описи. В фонд включена коллекция семейных фотографий Гавиных, куда вошли фотография Г. А. Гавина с его матерью, фотография отца Г. А. Гавина, а также портретные фотографии самого Г. А. Гавина. В отдельное дело включен портрет-фото Г. А. Гавина, созданный примерно в 1942 году.

Интерес представляет коллекция фотографий Г. А. Гавина, куда включены фотографии разного характера. Здесь присутствуют фотографии, на которых запечатлены берег реки Искитимка, дом семьи Гавиных, который рас-

Г. А. Гавин.
Улица
Заречная.
1943 г.

полагался на улице 1-ая Заречная, экспозиция выставки о Г. А. Гавине, а также фотокопии его произведений.

В фонд вошли также документы разного содержания, собранные Г. А. Гавиным. Среди них собранная Г. А. Гавиным коллекция из 20 журнальных репродукций произведений русских и зарубежных художников, а также коллекция из 15 открыток, выпущенных в период с 1929 по 1936 годы.

В настоящее время научно-справочный аппарат фонда включает в себя историческую справку, опись № 1 дел постоянного хранения, предисловие к описи № 1, а также обзор фон-

да. В 2019 году был составлен обзор фонда, где подробно описан характер содержания документов. Также были начаты работы по оцифровке документов, по завершении которых материалы фонда будут выложены в базы данных «DocuShare» и «Фотокаталог» и станут доступны в электронном виде посетителям читального зала Государственного архива Кемеровской области.

Материалы личного фонда Г. А. Гавина будут интересны исследователям, занимающимся изучением культуры Кемеровской области и непосредственно тем, кто заинтересован в изучении живописи и графики Кузбасса.

Список литературы и источников

1. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 1-69.
2. Непридуманные рассказы о войне: сборник документальных материалов / Сост. Н. Н. Васютина, Н. О. Кокорникова, Т. В. Кострова, И. А. Шуманова. Кемерово, 2012. 269 с.

«Живи уроком»

Из записок Александра Васильевича Ефремова – учителя истории первой школы города Кемерово

Ефремов А. В. – директор школы № 1

Александр Васильевич Ефремов был известным в городе учителем. Многие у него учились, но еще больше было тех, кто мечтал об этом. Он был особенным, наверное, таких как он можно называть настоящим русским интеллигентом – очень много знал, был глубоко убежден в том, о чём говорил, прошёл войну, как и большинство мужчин-учителей 1950-60-х годов. И это вызывало в нас, тогдашних школьников, особое к нему отношение и уважение.

Ученики 9 класса сказали о своем

любимом учителе словами немецкого педагога XIX века Адольфа Дистервега: «Самым важным явлением в школе, самым поучительным предметом для наблюдения, самым живым примером для ученика является сам учитель...»

В нашем музее хранятся записки Александра Васильевича. Читать, разбирать написанное трудно, поскольку многое он писал уже в конце своей жизни. Но строй мыслей, ясность ума не отпускают от чтения его записей

«В 1926 году меня, 12-летнего пацана, отец (малограмотный крестьянин, вдовец) привёз в Щегловск из деревни Силено продолжать учиться после окончания 4-х классов деревенской школы. Мать у меня умерла, когда мне было 3 года отроду. Отец заменил мне и мать: стирал, стряпал, варил, доил корову. Он часто повторял мне: «Учись, Санька!»

Город произвёл на меня ошеломляющее впечатление своими размерами, двухэтажными домами, высокой, постоянно дымящейся трубой и ежечасным гудком коксохимического завода. Так неожиданно я стал городским жителем на всю жизнь.

По образу жизни город тогда немного отличался от жизни в деревне. Имел три основные улицы: Трудовая, Красноармейская, Советская, которая была главной. Она была вымощена булыжным камнем от Коксохимзавода до реки Искитимки. Вдоль деревянных домов с обеих сторон улицы располагались деревянные тротуары. На остальных улицах города бродили куры, свиньи, телята. В весеннюю, осеннюю распутицу прохожие утопали в непролазной грязи. Дома в городе были в основном одноэтажные, деревянные, с большими огородами и домашним скотом. На правом берегу Искитимки располагались пастбища для коров. В заискитимской части города простирались поля, на которых городские жители выращивали картофель. В районе телецентра колосились зерновые культуры: рожь, овёс, пшеница. На правом берегу располагалось село Красный Яр и Кемеровский рудник. Связь с ними осуществлялась через понтонный мост, а зимой по льду. Богатый берёзовый лес, заросли разнообразных кустарников, огромные зелёные поляны были украшением нынешнего Кировского района. Там была прекрасная зона отдыха Щегловского педагогического техникума, студентом которого я стал. Небольшой палаточный городок назывался Обществом содействия авиации и химии. В нём мы, студенты, проходили военно-спортивную подготовку, сдавали нормы ГТО и на значок «Ворошиловский стрелок», стреляли из боевых винтовок.

Особенно хорошо запомнилось грандиозное строительство Дворца Революционного Труда (ныне в нём располагается культпросветучилище).

Это была подлинно народная стройка. Сотни людей в свободное от работы время добровольно принимали участие в строительстве.

Первое сентября

Ефремов А.В. в 1938 г.

«У подростка психика неустойчива. Как можно отвлекать его от урока? То хор, то сбор, то парадный марш – не многовато ли? Ничто не должно уводить от главного назначения школы – давать глубокие, прочные знания».

Здание школы №1,
Кемерово. 1970-е

Механизмов никаких не было, в основе был только ручной труд. Рыли котлованы, вывозили землю, возили камень на тачках. Открытие Дворца Революционного Труда было большим праздником для всего города. Он стал настоящим культурным центром. В нём на долгие годы разместились городской радиоузел, драматический театр и др. Кроме того, в городе находился клуб Строителей в большом деревянном одноэтажном доме на территории нынешнего КЭМЗа. Он выполнял роль кинотеатра и был местом проведения молодёжных вечеров.

В конце 20-х годов в городе существовало несколько школ. Хорошо запомнилась начальная школа, которая находилась в конце Советской улицы в длинном одноэтажном здании с большими окнами. В основном начальные школы располагались на окраинах города. Было две девятилетние школы, одна из которых размещалась рядом с клубом Строителей (территория КЭМЗ), другая на правом берегу в центре Рудничного посёлка (позднее ей присвоили № 16). Семилетних школ было тоже две – фабрично-заводская, недалеко от коксохимического завода, в каменном здании (позднее присвоен № 12), в которой я потом работал в должности директора. Другая была в районе шахты «Северной» (был присвоен № 34).

В то время во всех школах большое внимание уделялось трудовому воспитанию. Нас обучали различным видам ремёсел: плетению сетей, переплётному, плотницкому, слесарному делу. Учебный год разбивался не на четверти, а на семестры. Класс делился на несколько бригад, состоящих из 5-6 человек, среди них выбирался старший. Он организовывал изучение

заданной учителем темы, а затем отчитывался перед учителем за всю бригаду. Для проживания приезжих детей в городе были мужской и женский интернаты, которые располагались на улице Советской в районе нынешнего Областного краеведческого музея. В интернатах жили ученики 5-9 классов, приехавшие учиться в город из деревень Щегловского уезда. Дети в интернате жили на полном самообслуживании – разгружали и носили уголь, пилили дрова, топили печи, мыли полы, чистили снег. В обязанности дежурного входило – приготовить воду для умывания, по утрам кипятить воду для чая и приготовить воду для питья. Дети были из бедных семей, питание было скудным. Многих ребят спасало то, что мы включились во всесоюзную кампанию борьбы с безграмотностью. Обучая семьи малограмотных или совсем неграмотных, мы зарабатывали себе на питание.

«В интернате, а потом в педучилище он был самым маленьким и по возрасту, и по росту, и, пожалуй, самым оборвышем. Радостью было для него добежать на лыжах до родной деревни Силино, где можно и помыться, и поесть, а до неё 15 километров. Может, это помогало ему не только выжить, но и вырасти», – писала в статье о Ефремове Т. Шатская в 1982 году.

В 1929 году, после окончания 7 классов, я продолжил обучение в Индустриально-педагогическом техникуме. Находился он в двухэтажном деревянном здании на улице Трудовой (место нынешнего здания УВД). В техникуме было два отделения: школьное (для подготовки учителей начальных классов) и внешкольное (для подготовки пионерских вожатых). Так

Выпускники 11-б класса
школы №1,
Кемерово. 1970-е

как я был уже комсомольцем, мне было рекомендовано внешкольное отделение. Особое внимание в техникуме уделялось трудовому обучению. Не случайно он назывался «индустриально-педагогическим». Производственную практику мы проходили на стройках города. Наша группа внесла свой вклад в строительство Щегловской ГРЭС. Мы очищали фундамент от мусора, готовили заливку бетоном, стеклили окна в цехах и административном здании и много других работ. Обучаясь в техникуме, жить стало полегче. Дополнительно к мизерной стипендии я подрабатывал воспитателем в детских садах, пионерским вожатым в загородных пионерских лагерях. В 1931-32 гг. работал пионервожатым в селе Кузедеево в ШКМ (школа колхозной молодёжи). И, наконец, в 1932 году я стал студентом Томского пединститута. Меня зачислили на исторический факультет как комсомольца. В 1936 году я получил приказ о назначении меня учителем истории в среднюю школу № 1.

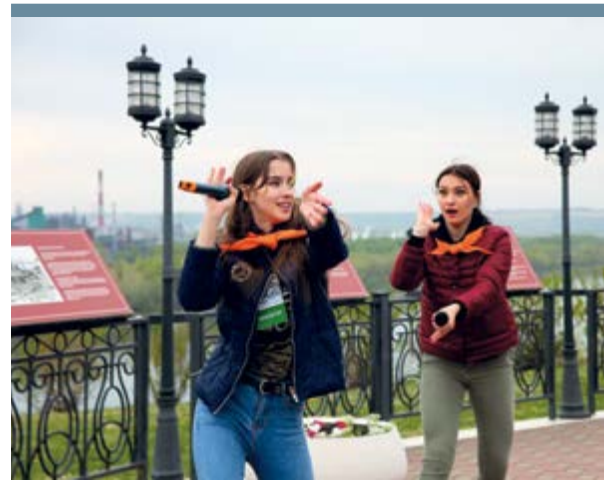
За пять лет моего отсутствия город стал неузнаваем. Стройки первых пятилеток изменили его облик. Строительный бум сказался и на строительстве школ. Школы строились на удивление быстро, с высоким качеством. Классные комнаты большие и светлые. При школах были предусмотрены квартиры для директоров. К сожалению, из-за отсутствия средств не было спортзалов и столовых.

Незабываемым был для меня день 1 сентября 1936 года. Я присутствовал на первой торжественной линейке в светлый солнечный день, на которой строители вручали директору символический ключ. Ученики празднично оде-

ты, в красных галстуках, радостные лица — они перешли учиться из деревянного барака в новое здание, похожее на дворец на фоне окружающих хибарок.

Во время войны в первой школе разместили госпиталь, а школа переехала в двухэтажное здание на улице Н. Островского. После демобилизации в 1947 году я снова вернулся в первую школу завучем. Директором был Парфёнов А. И. — талантливый педагог-математик, вместе мы учились в Томском пединституте, вместе и началась наша работа с той исторической линейки на открытии школы. Умер он в расцвете сил в 1950 году. А я стал директором школы».

«Нежелание некоторых школьников учиться зависит от ряда обстоятельств. И всё-таки решающую роль играет учитель. Это моё твёрдое убеждение. Беда в том, что причины неуспеваемости мы чаще всего ищем только в учащих и упорно не желаем оценить собственные ошибки и промахи. Не в каждом учителе заложен гений Ушинского, но и хороший учитель, как ни странно, может плохо учить детей».

Юрий и Кирилл СЕРГЕЕВЫ
(фото)

На «Красной Горке» прошёл четвертый «Фестиваль колбы»

25 мая в четвёртый раз в музее-заповеднике «Красная Горка» прошёл Фестиваль колбы, приуроченный к международной акции «Ночь музеев-2019». Музей работал до полуночи и после 18:00 открылся с новой стороны — привычные экскурсии и выставки ушли на второй план. Какой длины пирог с медвежьим луком, кому вручили диплом о «покорении» Горелой горы и сколько килограммов угля съедает шахтёр — всё это выяснилось в ходе события, начавшего летний сезон на «Красной Горке».

**Кто колбы не едал,
тот в музее не бывал**

Желающих весело провести торжество любимого кузбасского растения радовали сюрпризами уже на входе. Из лотерейного барабана посетители вынимали жетоны и получали

призы — альманах «Красная Горка», сувенир или стишок-комплимент.

Заранее в социальных сетях музея было объявлено о конкурсе на самые интересные частушки, поговорки и присказки со словом «колба». Избранные рифмованные заготовки звучали по музейному радио: «Я по лесу не спешу, собираю черемшу. Черемша сибирская — сила богатырская!», «Ах, колба, ах, колба! Это вам не полба. Я колбу так люблю, даже платье не куплю. А куплю я колбу — любимую!», «Кто питается колбой — не страдает ерундой!».

Тем, кто хотел отдохнуть на лавочке, полюбоваться видами города, предлагали съедобный «набор колбоеда», заботливо собранный красногорскими «колборезами», а также травяной чай. Но долго расслабляться с кружечкой ароматного напитка гостям не удавалось...

Сколько ходов до Горелой горы?

Фестиваль колбы — семейный праздник, и внимание на нём уделено посетителям всех возрастов, но особенно интересно здесь детской аудитории. Парк угледобывающей техники в этот вечер стал площадкой для подвижных игр. Дети весело проводили время вместе со студентами-аниматорами из Кузбасского областного колледжа культуры и искусств.

На газоне развернулись состязания по настольной игре «Красная гора». Это в несколько раз увеличенная копия одноимённой настольной «бродилки» из сувенирной коллекции музея. Ребята определяли очерёдность хода с помощью непривычных размеров игрового кубика и, двигаясь по клеткам поля, узнавали о персонажах музейной истории и памятниках. Самые удачливые вслед за Михайлой Волковым покорили Горелую гору и получили памятные дипломы.

Члены семьи постарше были заняты покупками в сувенирных лавочках на главной аллее музея, кто-то проводил время на фотозонах. Все предвкушали главный момент — измерение и дегустацию гигантского пирога с колбой...

Большому пирогу и рот рад

Тёмно-зелёный с фиолетовыми и белыми прожилками пирог, действительно, едва уместился на музейной набережной. Испёкшие его кулинары из МАУ «Школьное питание» открыли секрет, что было использовано 20 килограммов дрожжевого теста, 16 — колбы, 2 — сыра и 1 — соли, а также 450 штук куриных яиц. Директор музея Наталья Шелепова провела конкурс среди приглашённых к столу на самое точное предугадывание длины пирога. Неко-

торые были близки к истине — протяженность угощения составила 11 метров! Была озвучена и ширина блюда с кузбасским размахом — 40 сантиметров, а также вес — 49 килограммов. Анастасия Панькова и Наталья Шелепова раздавали лакомые кусочки гостям. На этом вкусная часть программы фестиваля не закончилась — по музейному радио объявили о скором начале лекции «Что такое кузбасская кухня?»

Особенности кузбасской кухни

В самом старом каменном доме города к празднику открылась керамическая мастерская. Уроки по укрошению глины на гончарном круге собрали детей и взрослых. Детей в день фестиваля приглашённые художники разрисовывали в технике «аквагрим».

В конференц-зале собрался интеллектуальный клуб. За столом прошёл аппетитный экскурс по гастрономической истории Кузбасса от Владимира Сушацкого. По словам краеведа, шахтёр съедает 10 килограммов угля в год — полезное ископаемое попадает в рот горнякам в виде пыли. Ещё лектор поведал рецепт особого кулеша от кузбасских шахтёров. В блюдо из пшёнки, сдобренное салом или грудинкой, наши земляки для пряности добавляют колбу.

С открытой веранды доносился аромат чего-то вкусного. Здесь проходил кулинарный поединок «Расколбас»: две команды под руководством профессиональных поваров готовили блюда с черемшой на заданное время. Участники экспериментировали с начинками для блинов, ингредиентами для салатов. Конкурсные кушанья попробовали все приглашённые на музейный ужин.

История, рассказанная светом

Смотровая площадка как всегда стала оживлённой сценой. Весь вечер отсюда слышались звуки пения, музыкальных инструментов и аплодисменты. В программе — хореографические и вокальные номера от коллективов «Спорина», «Русское раздолье», «Дуслык», «Прелюдиум», «Апрель», «Русская песня», «Оскар».

Эффектно завершило фестиваль лазерное шоу. Представленный разноцветными лучами сюжет — «История от начала времён до Красной горки».

Популярными в этот вечер были экскурсии по экспозициям «Шахта» и «Как Россия прирастала Кузбассом». Надеемся, что послевкусие пирога и праздника продлится у гостей до следующего Фестиваля колбы.

ПОДЕЛИЛИСЬ ОПЫТОМ

К Международному дню музеев на «Красной Горке» состоялась встреча председателя комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики областного Совета Ирины Федоровой, и.о. начальника департамента культуры и национальной политики Кемеровской области Марины Евсы с руководителями кузбасских музеев.

Речь шла о вкладе музеев в реализацию национального проекта «Культура», о практике

сотрудничества с НКО, взаимодействии музеев в организации выставок, участии в грантовых конкурсах и, конечно, о подготовке к 300-летию Кузбасса.

Коллеги поделились своим опытом и рассмотрели вопросы о партнерстве с различными сообществами для выстраивания объективного диалога о прошлом и будущем, сохранении культурного наследия и обеспечения равного доступа к нему всех граждан.

ГОСТИ МУЗЕЯ

31 мая гостями музея стали депутаты областного Совета.

Наталья Шелепова, директор музея, представила парламентариям концепцию развития Красной горки, которая выходит за рамки музея: Музей Кузнецкого Угля с интерактивными экспозициями, реконструкция голландских жилых домов и школы Кемеровского рудника, экстрим-парк, канатная дорога — идеи, воплощение которых, по мнению сотрудников «Красной Горки», не только поможет сохра-

нить памятники достопримечательного места, но и вдохнет жизнь в район, который в начале прошлого века был инновационным центром Кузбасса.

Депутаты и сотрудники областного парламента стали первыми посетителями новой выставки «Столица Кузбасса», которая рассказывает о становлении города Кемерово.

Председатель областного Совета Вячеслав Петров вручил награды лучшим сотрудникам музея.

Юрий СЕРГЕЕВ (фото)

Музей для всех

Ежегодно в начале декабря «Красная Горка» принимает участие во Всероссийской акции «Музей для всех!», приуроченной к Международному дню инвалидов.

В этом году программа была рассчитана на несколько дней и охватила более ста людей с различными видами инвалидности. Разрабатывая мероприятия, сотрудники постарались учесть интересы аудитории. В каждое направление они вложили не только свои знания, но и частичку души.

Так, для ветеранов и детей с ОВЗ провели обзорную автобусную экскурсию «Город, рожденный углем». Взрослые и дети с большим интересом слушали рассказ гида об истории и достопримечательностях столицы Кузбасса.

Вместе со своими родителями главную экспозицию музея «Как Россия прирастала Кузбассом» посетили дети из Кемеровского реабилитационного центра «Фламинго». Многие ребята удивились тому, что уголь — это окаменевшие растения, и обещали поделиться этой информацией со своими друзьями.

Работники Кемеровского механического завода с нарушениями слуха давно хотели побывать на экспозиции «Шахта» и были очень довольны, что их желание осуществилось. Заводчане внимательно следили за ходом экскурсии и через переводчика узнавали все больше о прошлом и настоящем угледобычи в Кузбассе.

Члены Союза художников России Марина Коломеец и Константин Эпов провели мастер-класс по графическому искусству для четвероклассников средней образовательной школы № 16. В силу непредвиденных жизненных обстоятельств художник-иллюстратор Марина Коломеец передвигается на инвалидной коляске. Однако активный образ жизни, преданность профессии и доброе открытое сердце помогают ей сохранить позитивный настрой и радость каждому прожитому дню. Мастер-класс стал настоящим подарком для детей, которые за час научились превращать кляксы в художественные произведения. Свои работы они забрали домой, чтобы порадовать родных.

Завершающей частью мероприятий стала выездная просветительская программа «Забавушкина корзинка» для ребят Кемеровского психоневрологического санатория «Искорка».

Стоит добавить, что «Красная Горка» давно поддерживает тесную связь с различными кемеровскими организациями, которые ведут социальную деятельность. Сотрудничество не ограничивается Международным днем инвалидов. В конце декабря сотрудники музея подготовили новогодний автобусный тур для постояльцев Кемеровского дома-интерната для престарелых и инвалидов. Многие из них мечтали побывать на площади Советов в зимнее время года. Группе предложили обзорную экскурсию по городу, включая город-спутник Лесная Поляна. Экскурсанты были удивлены и обрадованы, увидев Кемерово в новогодней иллюминации.

Накануне праздника красногорские Дед Мороз и Снегурочка поздравили с наступающим Новым годом жителей Журавлёвского дома-интерната. Это было первое знакомство, которое позже превратилось в настоящую дружбу.

С каждым годом музей делает все возможное, чтобы стереть границы между людьми с особенностями и без них. «Музей для всех» здесь действует каждый день.

МЕСТО ВСТРЕЧИ – «Красная Горка»

Накануне Дня защиты детей в музей-заповедник «Красная Горка» из разных уголков области приехали представители многодетных и приемных семей, чтобы встретиться с членами Совета по вопросам попечительства в социальной сфере Кузбасса и его председателем Анной Цивилевой.

Место для встречи выбрали не случайно. На «Красной Горке» в значимые для Кузбасса праздники проводят торжественные регистрации браков, сюда приезжают свадебные кортежи, тут в День семьи, любви и верности чествуют семейные пары, прожившие вместе 25 и более лет.

Организаторы и сотрудники музея сделали все, чтобы встреча получилась максимально комфортной и насыщенной впечатлениями.

За чайным столом в неформальной обстановке обсуждались важные вопросы, с которыми часто сталкиваются многодетные семьи. Участники затронули темы повышения пособий и заработной платы, летнего отдыха для детей с ограниченными возможностями здоровья, социально-психологической помощи родителям, воспитывающим приемных детей, и другие.

В музее подготовили для гостей разнообразную программу. В сопровождении экскурсовода группа спустилась «под землю», в экспозицию «Шахта». На музейной набережной гиды обратили внимание аудитории на великолепную городскую панораму, на то, как промышленная и жилая зоны естественно складываются в единый индустриальный пейзаж. В завершение гостей ждал подарок — открытие новой выставки «Столица Кузбасса», посвященной истории Кемерово.

Таким образом, организаторы и участники встречи совершили путешествие в прошлое, обсудили настоящее и наметили планы на будущее.

Навстречу юбилею

Региональный фестиваль-конкурс народного творчества,
посвященный 300-летию Кузбасса

Инициатором и вдохновителем фестиваля стал Совет по вопросам попечительства в социальной сфере Кемеровской области, возглавляемый А. Е. Цивилевой. Организаторы проекта стремились не только показать всю полноту и уникальность народной культуры Кузнецкой земли, но и найти новые дарования, помочь увлеченным творчеством людям в реализации и заслуженном признании их талантов.

Фестиваль стал самым крупномасштабным и престижным творческим проектом региона — в течение четырех месяцев на сценических площадках выступали лучшие коллективы художественной самодеятельности, которым выпала честь представить свою территорию.

Фестиваль объединил около 5000 самодеятельных артистов, мастеров декоративно-прикладного творчества и художников-любителей.

В заключительном концерте свое мастерство представили победители отборочных туров — лучшие из лучших представителей сферы культуры территорий Кузбасса. Это хоровые коллективы, фольклорные и хореографические ансамбли, оркестры русских народных инструментов, оркестры эстрадной и джазовой музыки, вокалисты и музыканты.

Не случайно заключительный концерт фестиваля прошел в День славянской письменности и культуры, он показал все богатство народного творчества России и стал достойным подарком кемеровчанам и гостям столицы Кузбасса накануне большого юбилея региона.

НОВЫЙ САЙТ МУЗЕЯ

В начале 2019 года был запущен новый сайт «Красной Горки». Это стало возможным благодаря реализации проекта «Музей, созданный Коминтерном», который весной 2017 года вошёл в число восьми победителей грантового конкурса «Музейный гид» Благотворительного фонда В. Потанина в номинации «Удивительные музеи России». В 2017 году в конкурсе участвовало 158 проектов: 103 в номинации «Удивительные музеи России», 55 — «Страна-музей».

redhill-kemerovo.ru

В проектную команду вошли сотрудники музея и веб-студии PetrogradWeb. Работая над проектом, мы не только создали новый сайт, но и задали направление развития бренда музея «Красная Горка». Сайт формирует представление о музее не как о доме с выставочными залами, а как о музейном комплексе с архитектурными памятниками — старейшими в городе. Привлекать внимание к этим объектам культурного наследия — главная цель нашего проекта.

Достичь этого позволяет разработанная дизайнерами визуальная концепция, основанная на иллюстрациях памятников Красной горки, фирменных цветах, дизайнерских шрифтах и эксклюзивных фотографиях из музейных фондов. Сайт имеет версию на английском языке и специальную версию для слабовидящих. Особое место на сайте занимает раздел «История», посвященный памятникам, истории Красной горки и её героям. Лонгриды, проиллюстрированные более чем двумястами изображений, наиболее подробно и достоверно раскрывают историю Кемеровского рудника, организаций АО Копикуз, АИК «Кузбасс». Это особенно важно в преддверии празднования в 2021 году 300-летия открытия первых месторождений угля на территории Кемеровской области.

Вот как комментирует работу над проектом директор студии-разработчика PetrogradWeb Александр Шуйский:

— «Перед нами стояла цель разработать корпоративный сайт государственного музея, который повысит интерес к экспозициям музея и его истории. При этом важно сохранить фундаментальность государственного объекта и не уйти в развлекательный формат.

Мы задумали сайт в цветах, близких к советским плакатам, чтобы отразить настроение того времени. Шрифт заголовков мы взяли узнаваемый и запоминаемый, но не повсеместно используемый. Для привлечения более молодой и творческой аудитории к сайту музея нами был разработан ряд авторских иллюстраций-коллажей. Мы отчасти отталкивались от стиля поп-арт, пускай появившегося несколько позже, но передающего некоторый дух того времени.

Отдельно важно отметить проработку лонгридов, где огромный объём информации (текстовой и иллюстративной) необходимо было уместить на одной странице, например, АИК «Кузбасс».

За месяцы работы над проектом нам не раз приходилось искать нестандартные решения и отвечать на вопросы о миссии музея, о его позиционировании, о том, каким его видят люди. Нельзя сказать, что мы ответили на все поставленные вопросы, но можно с полной уверенностью заявить, что дизайн, функционал и эмоциональный посыл, заложенные в новом сайте, отражают наше видение того, в каком направлении двигаться музею, чтобы стать понятнее, полезнее

для посетителей. Именно для них мы представляем не просто новый официальный сайт, а современный просветительский ресурс, канал для коммуникации с сотрудниками музея, сервис записи на экскурсии и планирования посещения.

За то короткое время, что сайт существует, он уже успел поучаствовать в нескольких интернет-конкурсах.

Так, 21 июня 2019 прошло награждение лучших компаний Санкт-Петербургского цифрового рынка в рамках конкурса

SPECIA AWARDS V. Сайт музея-заповедника «Красная Горка» был заявлен на конкурс разработчиком PetrogradWeb и вошёл в шорт-лист номинации «Лучший корпоративный сайт», получив диплом финалиста и высокую экспертную оценку как оригинальное, презентабельное и при этом информативное виртуальное представительство в Интернете. В 2019 году на конкурсе SPECIA AWARDS V за награды боролись более 150 проектов в 15 номинациях.

redhill-kemerovo.ru

В конце июля завершился Всероссийский конкурс сайтов и приложений «РЕЙТИНГ РУНЕТА», куда сайт также был заявлен нашими петербургскими партнёрами PetrogradWeb.

Новый сайт «Красной Горки» на первом этапе при открытом голосовании в номинации «Культура, искусство, общество» разделил первое место с двумя конкурентами, а в номинации «Некоммерческие и госорганизации» занял первое место. И за это благодарим всех, кто поддержал нас!

Прошедшие во второй этап сайты оценивали члены жюри – более ста экспертов из разных стран. По итогам сайт музея поднялся в шорт-лист (10 участников).

На третьем этапе судьи определяли победителей в каждой номинации. Занять одно из трёх призовых мест не удалось, но мы получили диплом финалиста серьёзного конкурса с высоким уровнем участников и экспертов.

Несмотря на то, что уже сейчас сайт является самым содержательным ресурсом об истории Кемеровского рудника, у коллектива музея – большие планы по его развитию. Новые публикации, оцифровка фондовых коллекций, улучшение странички с сувенирной продукцией, расширение волонёрской программы и привлечение новых партнёров – над этим мы будем работать в дальнейшем.

Мы надеемся, что сайт повысит творческую активность горожан, привлечёт больше людей к решению вопросов сохранения и популяризации культурного наследия Кузбасса, а также впишет уникальные события, происходившие в небольшом городе Щегловск в начале XX века, в российские и мировые учебники истории.

ВОЛКОВА Зинора Фатиковна
заместитель директора музея-заповедника
«Красная Горка» по науке

ГРИНЕВА Ольга Николаевна
главный архивист Государственного архива
Кемеровской области

ЗАХАРОВА Ирина Викторовна,
доцент Кузбасского государственного технического
университета

КИКИНОЙ Татьяна Владимировна
научный сотрудник музея-заповедника
«Красная Горка»

КУЗНЕЦОВА Любовь Федоровна
старший научный сотрудник Кемеровского
областного краеведческого музея

ЛИПАТНИКОВ Василий Евгеньевич
заведующий научно-исследовательским отделом
музея-заповедника «Красная Горка»

ЛЕВИНА Ирина Валентиновна
заместитель директора музея-заповедника
«Красная Горка» по развитию

НАЗИМОВА Ольга Сергеевна
старший научный сотрудник музея-заповедника
«Красная Горка»

ОРЛОВ Михаил Александрович
старший научный сотрудник Государственного
архива Кемеровской области

ПРЕДЕИНА Ольга Николаевна
заведующая отделом хранения фондов музея-
заповедника «Красная Горка»

РАБКИНА Надежда Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры
переводоведения и лингвистики КемГУ

СУХАЦКИЙ Владимир Александрович
старший научный сотрудник музея-заповедника
«Красная Горка»

ЧЕРНОВ Илья Сергеевич
специалист по связям с общественностью музея-
заповедника «Красная Горка»

ЧЕРТОГОВА Марина Юрьевна
искусствовед, член СХ РФ, заместитель директора
по научной работе Кемеровского областного музея
изобразительных искусств

**КРАСНАЯ
ГОРКА**